

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

SEC «Oriental and Iranian studies»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

Based in 2010 year

ISSUE 18

Saratov State University
2019

САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

НОЦ «Востоковедения и иранистики»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

Основан в 2010 году

ВЫПУСК 18

Саратовский государственный университет
2019

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

И90 **История и историческая память:** межвуз. сб. науч. тр. / под ред.
А.В. Гладышева. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2019. – Вып. 18. – 205 с.

В представленном выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются статьи, касающиеся как теоретических проблем, так и конкретно-исторических вопросов исторической науки. В отдельном разделе представлены доклады, которые были зачитаны в ходе работы IX Международной научной конференции «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприятия и историческая память» 16 мая 2019 года в СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Для специалистов-историков, политологов, филологов, философов, психологов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук, проф. *Е.А. Вишленкова*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев* (отв. редактор),
канд. ист. наук, доц. *А.В. Баранов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*,
канд. ист. наук, доц. *В.С. Еремин*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор С.Ю. Монахов

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая память: проблемы теории и вопросы практики

Попов Д.А. (Саратов). Реконструкция циклов солнечной активности на основании исторических данных..... 8

Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимные восприятия, историческая память

Мигаль А.С. (Ростов-на-Дону). Османская империя глазами английских путешественников XVIII века 18

Магомедханов В.М. (Елец). Один эпизод из поездки принца Хосров-Мирзы из Тегерана в Санкт-Петербург. 30

Моисеева Е.Н. (Саратов). Путешествие Эрнеста фон Гессе-Вартега в Китай: повседневная жизнь европейца на дальнем Востоке 37

Митрохин В.А. (Саратов). Западная демократия глазами русской эмиграции 49

Николаи Ф.В., Балдуева Ж.Д. (Нижний Новгород). «Воспитательная работа» в воспоминаниях российских ветеранов войны в Афганистане 60

Чолахян В.А. (Саратов). Армяно-иранские связи: общность древней духовной культуры и многообразие форм исторического взаимодействия двух народов..... 68

Баранов А.В. (Саратов). Отражение сирийских событий 2011 года на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат» 79

Историческая память и «локальная история»

Аксёнова Е.К., Иванов А.М. (Смоленск). Французская оккупация и разрушение православных святынь войнами Великой армии на территории Смоленской области в 1812 году..... 94

Зайцев М.В. (Саратов). К вопросу о роли городских властей в создании саратовского художественного музея имени А.Н. Радищева 105

Гуменюк А.А. (Саратов). Музеи Нижнего Поволжья как досуговые учреждения (вторая половина 1950-х – середина 1980-х гг.). 129

Образы исторических событий в литературе, живописи, кинематографе

Кочукова О.В. (Саратов), *Кочуков С.А.* (Саратов). Россия в Балканском кризисе 1875-1878 гг.: политическая карикатура на страницах сатирического журнала «Будильник» 138

Материалы IX Международной научной конференции «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприятия и историческая память»

Галямичев А.Н. (Саратов). Табор уходит на Восток? Табориты и запорожцы..... 156

Гладышев А.В. (Саратов). Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки 167

Публикации

Кирпиченко А.И. (Санкт-Петербург). Двенадцать дней в Персии: мифы и реалии современного Ирана (Часть 1) 183

Сведения об авторах 201

Список аббревиатур и сокращений 203

CONTENTS

Historical memory: the problems of theory and the questions of practice	
<i>Popov D.A.</i> (Saratov). Reconstruction of solar cycles based on historical data	8
West on East, East on West: cross-cultural relationships, mutual perception and historical memory	
<i>Migal A.S.</i> (Rostov-on-Don). The Ottoman Empire through the eyes of english travellers of 18th century	18
<i>Magomedkhanov V.M.</i> (Yelets). One episode from the trip of prince Khosrov-mirza from Tehran to St. Petersburg.....	30
<i>Moiseeva E.N.</i> (Saratov). Ernest von Hesse-Varteg's journey to China: european daily life in the Far East.....	37
<i>Mitrokhin V.A.</i> (Saratov). «Abandoned european political thinking» (western democracy through the eyes of russian emigration).....	49
<i>Nikolai F.V., Baldueva Z.D.</i> (Nizhny Novgorod). «Training and ideology» in the memories of russian veterans of Afghanistan war... 60	
<i>Cholakhyan V.A.</i> (Saratov). Armenian-iranian ties: the unity of ancient spiritual culture and diversity of the forms of historical interaction between the two peoples.....	68
<i>Baranov A.V.</i> (Saratov). The reflection of syrian events of 2011 on the pages of «Asharq al-Awsat»	79
Historical memory and «Local history»	
<i>Aksenova E.K., Ivanov A.M.</i> (Smolensk). The occupation of Smolensk governorate in 1812 and the destruction of orthodox shrines.....	94
<i>Zaytsev M.V.</i> (Saratov). About role of city authorities in the creation of the Radishchev Art museum.....	105
<i>Gumenyuk A.A.</i> (Saratov). Museums of the Lower Volga region as leisure facilities: the second half of the 1950s – mid-1980s.....	129
Images of historical events in literature, painting, cinema	
<i>Kochukova O.V., Kochukov S.A.</i> (Saratov). Russia in the Balkan crisis of 1875-1878: political caricature in the pages of the satirical magazine «Budilnik».....	138

Proceedings of the IXth International Science Conference «West to East, East to West: cross-cultural relations, mutual perceptions and historical memory»

Galyamichev A.N. (Saratov). Tabor goes to the East? Taborites and cossacks... 156

Gladyshev A.V. (Saratov). The great battles in historical memory or why waving the fists after fighting..... 167

Publications

Kirpichenok A.I. (St. Petersburg). Twelve days in Persia: myths and realities of modern Iran (Part one)..... 183

Data on authors 201

The list of abbreviations and reductions 203

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ

УДК 930.2:523.9Чижевский

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЦИКЛОВ СОЛНЕЧНОЙ АКТИВНОСТИ НА ОСНОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Д.А. Попов

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра теории, истории и
педагогике искусства
e-mail: pvden@yandex.ru

В статье рассматривается методология реконструкции циклов солнечной активности, предложенная А.Л. Чижевским, и возможности ее применения в современной исторической науке. Связь между пиками солнечной активности и политическими событиями на земле в настоящее время можно считать доказанной, но данная теория остается неразработанной и невостребованной. Причины заключаются в несовершенстве самой теории, ее слабой прогностической силе, а также в необходимости комплексного междисциплинарного подхода при ее применении. Рассматриваются возможности реконструкции прошлых солнечных циклов на основании исторических данных.

Ключевые слова: А.Л. Чижевский, солнце, земля, история, цикл солнечной активности, методология, историческая наука.

RECONSTRUCTION OF SOLAR CYCLES BASED ON HISTORICAL DATA

D.A. Popov

(Saratov, Russia)
e-mail: pvden@yandex.ru

The article deals with the methodology of reconstruction of solar activity cycles proposed by A.L. Chizhevsky, and the possibility of its application in modern historical science. The relationship between the peaks of solar activity and political events on earth can now be considered proven, but this theory remains undeveloped and unclaimed. The reasons are the imperfection of the theory itself, its weak prognostic power, and the need for a comprehensive interdisciplinary approach in its application. The possibilities of reconstruction of past solar cycles on the basis of historical data are considered.

Key words: A.L. Chizhevsky, sun, earth, history, solar activity cycle, methodology, historical science.

Влияние физических процессов на Солнце на социально-исторические процессы на Земле неоднократно становилось объектом внимания исследователей. Наиболее подробно оно рассмотрено в работах А.Л. Чижевского¹, гениального ученого, обладавшего нестандартным взглядом и широкими междисциплинарными познаниями, который сумел увидеть разнообразные зависимости между космической погодой и земными явлениями, ускользавшие от внимания других исследователей.

Однако с момента выхода работ Чижевского, посвященных связям Солнца и Земли, прошло уже почти сто лет, но исследований на эту тему по-прежнему проводится очень мало. В Советском Союзе его взгляды на исторический процесс были встречены враждебно, поскольку шли вразрез с марксистским мировоззрением, объяснявшим всплески революционной активности масс экономическими, социальными и политическими причинами, и, в конечном итоге, именно несовместимость идей Чижевского с ортодоксальным марксизмом стала одной из причин обрушившихся на него репрессий².

Разрушение марксистской парадигмы должно было открыть новые перспективы для исследований в направлении, указанном Чижевским, однако ни в России, ни на Западе, где идеи о связях Солнца и Земли также были известны, не возникло заметного научного направления, нацеленного на их изучение. И хотя никто не отрицает в настоящее время наблюдаемую зависимость земных процессов от космической погоды, немногочисленные авторы, пишущие о А.Л. Чижевском и его взглядах, ограничиваются лишь указанием на ее существование, а также ее фиксацией в са-

¹ Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-я Гостиполитография, 1924.

² Владимирский Б.М. «Физические факторы исторического процесса» А.Л. Чижевского — миф или реальность? К 120-летию со дня рождения ученого // Пространство и время. 2017. № 2-3-4. С. 231; Ягодинский В.Н. Александр Чижевский. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 309.

мых разных областях: от журналистики³ до развития теоретической физики⁴.

Причины невнимания к данной проблематике, как отмечают сами исследователи, разнообразны. Прежде всего, работа в данном направлении изначально носит междисциплинарный характер и требует глубоких познаний, как в естественнонаучной, так и гуманитарной областях. Большинство же исследователей являются узкими специалистами, более того, они склонны рассматривать свою предметную область как самодостаточную, живущую по своим собственным законам и не испытывающую заметных воздействий на свое функционирование извне. Так, В.С. Васильев констатирует, что экономисты в определенные периоды развития экономической науки предпочитают искать объяснения экономических кризисов в каком-то одном факторе, и, в зависимости от характера развития современной им экономики, это может быть инвестиционный климат, вмешательство государства, условия развития сельского хозяйства и т. д.⁵

Внеэкономические факторы в этом случае оказываются за пределами внимания экономических теорий.

Сам механизм воздействия Солнца на поведение людей остается во многом необъясненным, здесь есть ряд остроумных гипотез, но ни одна из них не обладает достаточной степенью доказанности. Наиболее известная из них связывает высокую солнечную активность с повышенной нервной возбудимостью и возрастанием склонности к массовым психозам, но биофизический характер этой возможной связи остается неисследованным, и «истолкование накопленных данных по проблеме "психика – космический физический фактор" - дело будущего»⁶.

Бросается в глаза и несовершенство самой теории А.Л. Чижевского, которая создавалась в период очередной волны

³ Свитич Л.Г. *Историометрические циклы и журналистика // Век информации.* 2016. № 1. С. 84-92.

⁴ Владимирский Б.М. Указ. соч. С. 231.

⁵ Васильев В.С. *Экономические кризисы и циклы солнечной активности (исторические прецеденты и современные взгляды) // США и Канада: экономика, политика, культура.* 2013. № 11. С. 12.

⁶ Владимирский Б.М. Указ. соч. С. 232.

увлечения естественнонаучным знанием, а потому выглядит как наивная попытка прямо экстраполировать математические методы и приемы, характерные для естествознания, на прихотливое течение исторического процесса. Исследователь утверждает: «методы и принципы физики и математики должны быть приложены к историческому процессу»⁷.

В результате им постулируется строгая, математическая зависимость исторических событий от солнечной активности. Солнечный цикл делится им на четыре отрезка: период минимальной возбудимости (3 года), период нарастания возбудимости (2 года), период максимальной возбудимости (3 года) и период падения возбудимости (3 года). Каждому из них соответствует строгое процентное соотношение «значимых» исторических событий: в первом периоде их всего 5%, во втором — 20%, в третьем — 60% и в четвертом — 15%⁸. Вместе с тем каждый из этих периодов А.Л. Чижевский описывает красками, достойными пера скорее не математика, а романтического историка. Так, характеризуя период нарастания солнечной активности, он пишет: «уже могут греметь приготовления к войне, международное положение осложняется. Однако еще не решаются выступить в открытую борьбу... еще медлят, ожидая подходящего момента»⁹.

Далее Чижевский на основании своей теории смело строит графики не наблюдавшихся астрономами солнечных циклов (поскольку первые достоверные наблюдения солнечной активности относятся только к XVII веку), а значимые события в истории буквально в процентном соотношении привязываются к солнечным циклам.

В свете современных накопленных представлений о деятельности Солнца такая методология кажется и самоуверенной, и наивной. Солнечные циклы могут иметь разную продолжительность и структуру, они могут быть сильными и слабыми, пики активности звезды могут быть двойными, а также смещаться к концу или к началу цикла, и попытки их воссоздания с помощью

⁷ Чижевский А.Л. Указ. соч. С. 8.

⁸ Там же. С. 29.

⁹ Там же. С. 36.

простой математической экстраполяции наивны в глазах астрофизиков.

Не меньше нареканий вызывает методология А.Л. Чижевского и у историков. Как и чем он определяет значимость исторических событий? Здесь появляется отчетливый элемент субъективной интерпретации, требующий обязательного нахождения этих самых 5% или 60% в заранее заданном отрезке времени.

Ослабляют интерес к теории А.Л. Чижевского и эмпирические наблюдения за Солнцем в XX и XXI веках. Действительно, наблюдается очевидная связь пиков солнечной активности с массовыми движениями и революциями, к примеру, математические вычисления группы исследователей из РАНХиГС это подтверждают¹⁰. Связь солнечной активности и массовых социальных движений мы видим даже на примере текущего, 24 цикла солнечной активности — два его условных пика, пришедшиеся на 2011 и 2014 годы, соответствовали Арабской весне и событиям на Украине и в Крыму. Однако данная группа исследователей в своей работе подчеркивает, что «солнечная активность - это статистически значимый фактор, но при этом его сила действия достаточно слаба. ... Он объясняет около 12% всей вариации интегрального индекса глобальной социально-политической дестабилизации»¹¹.

Эмпирические наблюдения, проводимые даже без использования приемов математической статистики, показывают, что прямой и постоянной корреляции между пиками солнечной активности и революционными потрясениями на Земле нет. Есть годы, когда при активном Солнце на Земле ничего не происходит. Кроме того, при совпадении пиков солнечной активности и активизации массовых социальных движений последние наблюдаются в очень немногих странах и обществах. Очевидно, что для их возникновения должны существовать определенные предпосылки исторического и социального характера, одной солнечной

¹⁰ Кортаев А.В., Билюга С.Э., Осипов Д.А., Малков С.Ю., Шульгин С.Г. Опыт количественного анализа некоторых природных факторов исторических процессов // История и математика: мегаисторические аспекты. Волгоград: «Учитель», 2016. С. 181-204.

¹¹ Там же. С. 200.

активности недостаточно. Можно сделать вывод, что солнечная активность лишь катализирует социальное напряжение там, где для него сложились условия социально-политического характера. И выявлять эти условия должны социологи, историки и политологи, но никак не математики или астрофизики.

Как следствие, прогностические возможности теории Чижевского оказываются чрезвычайно слабыми. Наблюдения за солнечной активностью позволяют предсказывать только повышение социальных рисков, вероятность экономических кризисов или всплесков социальной активности масс, но где они произойдут, с чем они будут связаны, каковы будут их непосредственные причины — предсказать на основании знания солнечных циклов оказывается невозможным. Пример, который приводят сторонники А.Л. Чижевского — предсказание им экономического кризиса в 1929 г. — не выдерживает серьезной критики. Чижевский предсказал лишь наступление в 1929 г. «крупных исторических событий, которые снова видоизменяют географическую карту»¹². Но как раз никаких заметных изменений политической карты мира в 1929 г. не произошло, и речи об экономическом кризисе у Чижевского нет. Отметим, что позднее он уже не рисковал выступать даже со столь размытыми и неопределенными прогнозами.

Слабые прогностические возможности естественно снижают авторитет теории Чижевского, поскольку именно прогностическая сила является одним из важнейших критериев научности любой теории.

Однако, если предсказывать будущее на основании циклов солнечной активности сложно, то можно попытаться, подобно самому А.Л. Чижевскому, «предсказать прошлое», избегая при этом его методологических просчетов и излишней категоричности. Иными словами, если можно считать доказанным, что всплески массовых деструктивных выступлений почти всегда «привязаны» к пикам солнечной активности, то по ним можно определить, когда вспышки солнечной активности происходили в прошлом. Именно массовые движения, всплески социального энтузиазма, а не загадочные «значимые события», должны служить

¹² Чижевский А.Л. Указ. соч. С. 69.

ориентирами, и указывают они только на пики активного Солнца, но не на границы и характер полного солнечного цикла.

Таким образом, после соответствующей корректировки, методология А.Л. Чижевского вновь может быть использована историками и астрофизиками, но из нее должно быть устранено излишнее стремление к наукоподобию единообразию. Она должна учитывать, что любой солнечный цикл уникален, как уникальны социально-политические события, которые далеко не всегда прямо связаны с Солнцем. Кроме того, при анализе исторического материала такая методология должна опираться, прежде всего, на выявление иррациональных массовых движений, а не любых «значимых событий», поскольку только массовая иррациональная социальная активность однозначно коррелирует с пиками активности Солнца.

Наблюдения за циклами солнечной активности ведутся с XVII века, но исторические хроники фиксируют народные волнения и политические потрясения с глубокой древности и фиксируют их с большой точностью. Тем самым перед нами открывается уникальная возможность воссоздания астрофизических процессов прошлого через гуманитарный материал. Ситуация необычна тем, что в большинстве случаев идет обратное воздействие научных дисциплин: гуманитарные науки пользуются разнообразными достижениями естествознания. Здесь возможна иная ситуация — именно историки могут помочь астрофизикам частично реконструировать прошлые циклы солнечной активности.

Конечно, такая реконструкция будет носить предположительный характер, но степень ее точности оказывается достаточно высокой. Если в определенный период, как на Западе, так и на Востоке синхронно наблюдаются массовые движения, народные волнения, революционные выступления, совпадающие по времени, но не связанные между собой никакими причинно-следственными связями, то это почти со стопроцентной вероятностью указывает на пик активности Солнца.

Выявить таким способом все пики солнечной активности невозможно — как уже отмечалось, бывают солнечные циклы, не отмеченные никакими земными социальными потрясениями.

Тем не менее, в некоторых случаях реконструкция получается почти идеальной.

Представляется, что одним из наиболее удачных периодов для проведения подобной реконструкции является вторая половина XIV века. Этот период хорошо документирован большим количеством исторических источников, и одновременно, это крайне беспокойный период как на Востоке, так и на Западе. Во Франции идет Столетняя война, обостряющая социальную обстановку и делающая ее крайне нестабильной, Русь переживает период общенационального подъема, на Дальнем Востоке наблюдается кризис, связанный с борьбой против монгольских завоеваний. В совокупности это создает общую мировую социальную нестабильность, являющуюся главным условием для постоянных массовых выступлений, которые, однако, переживают подъемы и спады, подчиняющиеся определенному ритму.

Расположив их в хронологическом порядке, мы увидим, что их пики независимо друг от друга привязаны к определенным датам, разделенным обычно периодом в 9-12 лет, т. е. как раз отрезками, соответствующими приблизительно длине стандартного солнечного цикла.

Итак, попробуем выделить эти пики.

Первый из них приходится на 1347 год, когда волнения в Риме приводят к установлению Римской республики Кола ди Риенцо. Событие крупное, но почти единичное, однако спустя десять лет мы получаем серию социальных потрясений в конце 50-х гг. XIV века и на Западе, и на Востоке, практически никак между собой не связанных:

1356 – 1358 гг. - Парижское восстание Этьена Марселя.

1357 – 1358 гг. - Наивысший размах восстания «Красных повязок» в Китае.

1358 г. - Жакерия во Франции.

Конец шестидесятих годов XIV века вновь не отмечен крупными социальными движениями, которые можно было бы уверенно связать с процессами на Солнце, но еще через десять лет мы вновь наблюдаем всплеск социальных выступлений.

1378 г. - Восстание чомпи во Флоренции. В этом же году начинается великий раскол в католической церкви.

1380 г. - Общенациональный подъем на Руси, Куликовская битва. В походе на Куликово поле принимают участие представители самых разных княжеств, которые обычно проводят конформистскую политику по отношению к Золотой Орде и стараются с монголами не конфликтовать.

1381 г. - Восстание УотаТайлера в Англии, одновременно идут волнения во Фландрии.

1382 г. - Восстание молотил Париже.

Жан Фавье, описывающий волну политических взрывов, поразивших Европу в начале 1380-х гг., отмечает, что эти восстания, никак не связанные между собой, «были всеобщим феноменом, они поражали как промышленные Италию и Фландрию, так и крупные торговые порты — Любек, Брюгге или Руан, как маленькие города вроде Безье или Ле-Пюи, так и столицы вроде Лондона и Парижа»¹³.

Он удивляется, «насколько различными были эти вспышки гнева, вызванного здесь фиском, там эгоизмом зажиточного населения, в одном случае разжигавшим ярость ремесленников, в другом вызывавшим тревогу у крестьян. Англичан воодушевляла эгалитаристская мистика некоего подобия социального евангелизма, тогда как парижане восстали, ни на миг не думая о Евангелии. Одни боролись за привилегии, другие против привилегий»¹⁴.

Такая разнонаправленность целей и задач синхронных массовых выступлений указывает только на один общий возможный фактор, их объединяющий: повышенную солнечную активность, провоцирующую активность социально-политическую.

Таким образом, можно выделить (предположительно) следующие пики солнечных циклов второй половины XIV века: 1347, 1356-1358, (1369?), 1380. Предположительная длина этих циклов в целом колеблется около стандартной длины солнечного цикла (11 лет).

¹³ Фавье Ж. Столетняя война. СПб.: Евразия, 2009. С. 358.

¹⁴ Там же. С. 358.

В принципе подобная реконструкция возможна и для других исторических периодов, хотя материала для нее может оказаться меньше, а выводы будут менее обоснованными.

Очевидно, что незаслуженно забытая методология А.Л. Чижевского вновь может быть востребована — разумеется, после соответствующей корректировки. При проведении подобных реконструкций с ее помощью необходима большая осторожность и тщательность, отказ от слишком прямолинейного математизирования как истории Солнца, так и земной истории, что было характерно для Чижевского.

Конечно, такие реконструкции не заменят прямых наблюдений за солнцем. Тем не менее, они могут помочь воссоздать картину солнечной активности в прошлом, предположительную длину солнечных циклов и приблизительные их пики, что в свою очередь, расширит представления о нашем светиле и характере протекающих на нем процессов.

ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМНЫЕ ВОС- ПРИЯТИЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 910.4(560) | 17 | +929

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЛАЗАМИ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII ВЕКА.

А.С. Мигаль

ЮФУ

кафедра зарубежной истории и

международных отношений

e-mail: Migal@sfedu.ru

Статья посвящена образу Османской империи в мемуарах английских путешественников XVIII века. Автор исследует такой ключевой элемент образа как деспотизм и анализирует представления англичан о роли и статусе османского султана и его администрации в управлении, а также об экономическом развитии империи, положении христианских народов и жизни женщин в гаремах.

Ключевые слова: Османская империя, Османская Порта, английские путешественники, стереотипы, восточный деспотизм

THE OTTOMAN EMPIRE THROUGH THE EYES OF ENG- LISH TRAVELLERS OF 18TH CENTURY

A.S. Migal

(Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: Migal@sfedu.ru

The article is dedicated to the image of the Ottoman Empire in the memoirs of English travellers of the 18th century. The author analyses such key element of the image as despotism, and pays attention to the English views of role and status of the Ottoman sultan and his administration in government, economic development of the empire, life conditions of Cristian peoples and women in harems.

Key words: the Ottoman Empire, the Ottoman Porte, English travellers, stereotypes, eastern despotism

Изучение представлений одних народов о других является актуальным направлением современной исторической имагологии, поскольку позволяет проследить процесс того, как, с одной стороны, формируются образы и стереотипы, увидеть их истоки, а, с другой стороны, понять, какое влияние этот процесс оказывает на процесс межкультурной коммуникации.

Обращение к исследованию образа Османской империи в представлениях английских путешественников XVIII в. объясняется тем, что данной теме не посвящались отдельные статьи и монографий. Однако историками уделялось внимание отдельным аспектам и периодам взаимоотношений двух империй, а также биографиям или эпизодам из жизни английских путешественников¹. Вместе с тем дневники и мемуары британцев, побывавших на османских землях, являются ценными источниками, не только по истории дипломатических отношений, но и непосредственно английских представлений об исламе, османах, их государстве, обычаях и культуре.

Причиной внимания Англии к Османской империи, было то, что она была одним из важнейших центров торговли на Востоке в XVIII веке. Стремление Британской империи укрепить дипломатические отношения с Портой были продиктованы торговым интересом и желанием получать выгодные Капитуляции. Отсутствие военных конфликтов между этими странами и успешное развитие дипломатических отношений способствовали тому, что Османскую империю стали чаще посещать английские путешественники. Они были настоящими интеллектуалами своего времени. Это были люди с классическим университетским образованием и знанием нескольких языков, как правило, европейских. Кроме того, они проводили много времени в компании людей из высшего света, и для них, в отличие от востоковедов с их только оформлявшимся в XVIII в. научным подходом к изучению источников на языках оригиналов, публикации мемуаров были своеобразным дополнительным способом напомнить о себе. Поэтому их воспоминания, в отличие от трактатов современных им историков и ориенталистов, написаны более эмоциональным языком и изобилуют не фактами и цитатами из источников, а деталями из повседневной жизни Востока. Одновременно они отражают и моду своего времени: интерес к экзотическому и рассуждения на тему деспотизма и варварства.

Одним из таких источников стали «Письма из Турецкого посольства» леди Мэри Уортли Монтегю (1689–1762), опублико-

¹ *Aravamudan S.* Lady Mary Wortley Montague in the Hammam: Masquerade, Womanliness, and Levantinization // *English Literary History*. 1995. Vol. 62. № 1. P. 69-104; *Креленко Н.С.* Долгое путешествие Мэри Уортли Монтегю // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2016. № 8. С. 270-283.

ванные в 1763 году. В Османскую империю она поехала в 1716 г. со своим мужем Эдвардом Уортли Монтегю (1678–1761), после того как его назначили официальным представителем Левантийской компании в Стамбуле. Супруги прожили там 2 года. За это время леди Мэри Монтегю много общалась с османскими чиновниками и их женами, а также изучала турецкий язык и местное право. В своих «Письмах из Турецкого посольства» она попыталась опровергнуть ряд стереотипов об Османской империи, существовавших в современной ей в Европе. Сама путешественница была убеждена, что причиной всех заблуждений об исламе и Востоке в целом стало то, что читатели верили тому, что писали греческие авторы².

Одним из таких мифов, по мнению путешественницы, было представление о турецком деспотизме как ничем не ограниченной форме власти. В одном из писем английская интеллектуалка доказывала, что власть султана Порты не была настолько абсолютной, как это было принято считать. Она писала об огромном значении армии в государственных делах, создавшей ситуацию, когда султан был таким же рабом, как и жители его империи, а также о том, что подданные этого правителя в случае недовольства каким-нибудь чиновником могли потребовать у него его выдачи, и ничто и никто уже не могли спасти провинившегося от народного гнева. «Таковы были благословенные условия, в которых находился самый абсолютный монарх на земле»³, — подводит вывод своим рассуждениям путешественница. Тем не менее, идеальной формой правления для нее была все же английская модель, поскольку монарх, в отличие от турецкого султана, относился к жителям своего государства как глава семьи к детям: «Даже этот климат, каким бы чудесным он не был, не может быть предпочтен климату Англии, с его снегами и морозами, в то время как нашей наградой служит правительство, при котором для короля счастье состоит в свободе его подданных, и он предпочитает смотреть на них не как хозяин на своих слуг, а как отец»⁴. Иными словами, все-таки существовала разница в отношении правителей к жителям их государств и положение англичан было

² *Montague M.W. The best letters of Lady Mary Wortley Montague. Chicago, 1901. P. 85*

³ *Ibid. Pp. 89-90.*

⁴ *Ibid. Pp. 76-77.*

лучше, поскольку они, в отличие от турок, были свободными людьми.

Другим распространенным мифом об Османской империи, с точки зрения путешественницы, было представление об угнетенном положении местных женщин. По мнению леди Мэри Монтегю, в необходимости женщин срывать лицо и тело была даже определенная доля свободы, поскольку это позволяло им назначать свидания и при этом оставаться неузнанными. Вероятно, М.У. Монтегю проводила здесь параллели с европейскими маскарадами. Маска тоже позволяла участникам таких мероприятий скрывать свое «я» и нарушать некоторые общепринятые нормы приличия. Однако в обеих странах разоблачение незаконной любовной связи могло привести к весьма серьезным и печальным последствиям. Если для европейской женщины подобный эпизод мог навсегда разрушить репутацию и закрыть выход в свет, то для мусульманской, по словам англичанки, наказание было ужаснее и каралось лишением жизни.

Если здесь ситуация складывалась благоприятнее для европейек, то сравнение их имущественных прав и положения с правом османских женщин приводило англичанку к выводу о превосходстве мусульманских законов. Она писала, что турецкая женщина была полноправной обладательницей и распорядительницей имущества и собственных денежных средств, а ее супруг ничем не ограничивал ее расходы, ведь «его задачей было заработать деньги, а ее – их потратить»⁵. Кроме того, мусульманка при разводе получала часть имущества в случае расторжения брака. Это привело леди Мэри к логическому заключению о том, что распространенное в Европе представление о многоженстве мусульман было ошибочным: пусть ислам действительно разрешал жениться четыре раза, но далеко не все мужчины могли себе это позволить по финансовым соображениям. Да и ни одна знатная женщина Османской империи, по словам английской интеллектуалки, никогда не согласилась бы на соперницу в своей семье⁶. На тот момент в Европе ситуация с имущественным правом женщин была иной. Только у немногих из них, в основном у одиноких вдов и старых дев, тогда было право распоряжаться имуществом.

⁵ *Montague M.W.* The best letters of Lady Mary Wortley Montague. P. 173.

⁶ *Ibid.* P. 97.

вом от своего имени⁷. В самой Англии ситуация изменилась лишь в 1836 г. с принятием Акта о собственности замужней женщины.

Еще одним критерием при сравнении положения женщин для путешественницы было женское образование и воспитание. Она считала, что турчанки не только были привлекательны внешне, но и обладали манерами, ничем не уступавшим, а иногда даже превосходящим европейские⁸. М.У. Монтегю подтверждает свое мнение описанием эпизодами из собственной жизни, когда она, появившись в дорожном платье перед европейками была встречена никак иначе, кроме презрительными улыбками или перешептыванием, в то время как турчанки встретили ее, проявив любезность и радушие, бесконечно повторяя при этом слова «очаровательная, невероятно очаровательная»⁹. То есть, леди Мэри представлялось, что жительницы Османской империи, несмотря на то, что они постоянно находятся в гаремах, более воспитаны и образованы, чем европейские.

Если европейские дамы проводили много времени так или иначе в окружении мужчин и у них обычно не было возможности собираться исключительно женскими кампаниям, то у мусульманок, как с легкой завистью отмечала М.У. Монтегю, были свои особые места, где они могли встретиться и куда путь мужчинам был строго воспрещен. Такими местами личного женского пространства были гаремы и хаммамы. В Европе было по-другому: в кофейнях встречались только мужчины, женщины же эти заведения не посещали. Если философы-просветители, считали гаремы местами заточения и угнетения женщин, настоящими символами восточного деспотизма¹⁰, то путешественница, наоборот, в повседневной жизни мусульманок находила определенные проявления свободы, которых не было у ее современниц на родине.

Леди Мэри Уортли Монтегю была не единственной путешественницей, посетившей Османскую империю. После развода с мужем в путешествие по Европе, России и Турции отправилась леди Элизабет Крейвен (1750–1828). В 1789 г. была опубликована ее книга «Путешествие через Крым в Константинополь», состо-

⁷ Henry M.A. *The Making of Elite Culture // A companion to eighteenth-century Britain* / ed. by H.T. Dickinson. Oxford, 2002. Pp. 311-327.

⁸ *Montague M.W. The best letters of Lady Mary Wortley Montague*. P. 96.

⁹ *Ibid.* P. 114.

¹⁰ *Монтегье Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А.В. Матешук. М., 1999. С. 266.*

явшая из писем маркграфу Карлу Александру Бранденбург-Ансбахскому (1736–1806), который впоследствии стал ее вторым мужем. Интересно, что в данной книге, леди Крейвен писала, что путешествовать она терпеть не может¹¹. Возможно, все же, что эта поездка была попыткой отвлечься от мыслей о разводе и от сплетен, которые такое событие неминуемо сопровождают, а публикация самих писем была попыткой переключить внимание общества на ее описание экзотических мест и литературный талант. «Самая длинная окольная дорога – ближайший путь домой»¹², – писала путешественница.

Как и леди Мэри Уортли Монтегю, леди Элизабет Крейвен в своих письмах уделила большое внимание положению женщины в турецком обществе. В этом вопросе мнения двух путешественниц были удивительно созвучны. Э. Крейвен, как М.У. Монтегю, считала, что не было другой такой страны, где женщины бы пользовались подобной свободой¹³. Аргументы в пользу этого суждения были аналогичны высказанным ее предшественницей. Во-первых, несмотря на то, что одежда турчанок превращала их в ходячие мумии, именно она в то же время позволяла оставаться инкогнито. Во-вторых, у турчанок было право на личное пространство: если супруг видел у комнаты своей жены пару туфель, он никогда не входил на территорию гарема. В-третьих, она писала, что даже если мужа казнили, его бумаги и имущество конфисковали, предусматривалось, что драгоценности оставались собственностью жены. «Турки в своем отношении к нашему полу могут служить примером для других наций»¹⁴, – была убеждена леди Э. Крейвен. Как и ее соотечественница, она считала, что проявление благородства и любви к своим женам в целом совсем не чуждо мусульманским мужчинам. В одном из писем она даже пересказывает историю об одном крымском хане, который так сильно любил свою жену-христианку и горевал по ней после ее смерти, что установил в саду своего дворца ее памятник. «Вероятно, у этого крымского хана была душа, достойная любви христианской жены...»¹⁵, – утверждала англичанка.

¹¹ Craven E. A Journey through the Crimea to Constantinople. L., 1789. P. 195.

¹² Ibid. P. 196.

¹³ Ibid. P. 205.

¹⁴ Ibid. P. 233.

¹⁵ Ibid. P. 180.

Мнения о самих турецких женщинах и их повседневной жизни у путешественниц были различными. Э. Крейвен описывала османок либо как излишне полных, либо сутулых, либо вульгарно покрашенных; ей явно было скучно проводить время в их кампании (возможно по той причине, что ее постоянно спрашивали про мужа и детей)¹⁶. О традиции посещать хаммамы путешественница вообще писала с отвращением. Как и большинству европейцев XVIII в., для нее была непонятной и даже казалась вредной эта тяга турчанок к частым купаниям, поскольку, по ее мнению, горячие ванны оказывали неблагоприятное воздействие на кожу и приводили к ее раннему старению. Аналогичного мнения по поводу любви к термам и постоянному мытью рук придерживался шотландский путешественник Александр Рассел (1715—1768). Он объяснял это странное, с его точки зрения, поведение религиозными предписаниями и отсутствием столовых приборов: «... ислам предписывает туркам мыться всякий раз перед молитвой, едят они в основном пальцами, и каждый раз моют руки после еды, и поэтому почти весь день они бултыхаются в воде»¹⁷.

Что касается самой Порты и политического устройства государства, то и здесь высказывания леди Элизабет были негативными. Она считала османское руководство невежественным и безграмотным: «Не могу понять, как могут хорошо решаться национальные задачи, если правительство состоит в основном из необразованных наемников; визирь был водоносом у капуданапаши, Хасана-Бея...»¹⁸. В этом рассуждении не обошлось и без камня в огород давних конкурентов англичан - французов: «Все должности в Порте достигаются путем интриг - у каждого чиновника, у каждой султанши есть свои протеже, и способы их продвижения, а в Версале интриги не более сложны, чем в Порте»¹⁹. Англичанка, таким образом, намекала на фаворитизм, царивший, по ее представлениям, не только при дворе султанов османской династии, но и при Бурбонах.

¹⁶ *Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople. Pp. 263-264.

¹⁷ *Russell A.* The natural history of Aleppo, and parts adjacent. Containing a description of the city, and the principal natural productions in its neighbourhood; together with an account of the climate, inhabitants, and diseases; particularly of the plague, with the methods used by the Europeans for their preservation. L., 1756. P. 109

¹⁸ *Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople. P. 207.

¹⁹ *Ibid.* P. 207.

Предметом критики путешественницы был и деспотизм, который в ее представлениях проявлялся в тяжелом положении под властью «тиранического правительства»²⁰, в котором оказались греки и валахи после завоевания. В упрек туркам Э. Крейвен ставила не только чрезмерно высокие, по ее мнению, налоги, ужасные наказания и угнетение покоренных народов, но и разрушение античных памятников. В этом она также видела проявление турецкого невежества²¹. Античность и ее наследие, будь то памятники литературы или скульптуры, являлась своеобразными предметом преклонения и восхищения для интеллектуалов эпохи Просвещения. Большинство западноевропейских путешественников во время своих поездок стремились увидеть греческие или римские храмы, статуи или артефакты, и леди Элизабет не была исключением. Для нее, как и для других почитателей Античности, все те народы, которые это наследие не ценили и не сохраняли, были варварами.

Большее место рассуждениям на темы деспотизма и варварства как характеристик Османской империи отводилось в книгах английских путешественников и медиков Джона Белла (1691–1780) и Чарльза Перри (1698–1780). Джон Белл состоял медиком на русской службе с 1714 по 1747 год. И в составе посольств Российской империи, посетил Персию (1715–1718), Китай (1719–1721) и Турцию (1737–1738). После возвращения на родину, в Глазго в 1763 г. он издал мемуары, в которых описал все свои путешествия. Османскую империю он считал государством - деспотией и саму Порту называл «жестоким правительством»²² как раз по той же причине, что и леди Э. Крейвен. По его мнению, всем завоеванным христианским народам, проживавшим на границах Османской империи, жилось очень плохо. В качестве примера он приводил Молдавию, 2/3 территории которой, согласно его описаниям, после завоевания находились в руинах, численность населения резко сократилась, а те, кто выжил или остался, были вынуждены снабжать провизией турецкую армию. Как и Э. Крейвен, он отмечал, что при Османах сложилась система фаворитизма, и чтобы чего-то добиться хорошей должности, необходимо было

²⁰ *Craven E.* A Journey through the Crimea to Constantinople. P. 314.

²¹ *Ibid.* Pp. 220-221.

²² *Bell J.* An account of my journey to Constantinople // Travels from St. Petersburg, in Russia, to diverse parts of Asia: in 2vol. Glasgow, 1763. Vol. 2. P. 390.

иметь покровителя, причем зачастую все решалось благодаря высокопоставленной женщине из гарема будь то валиде-султан или добившая расположения султана фаворитка. «Несмотря на то, что леди живут в уединении, они не такие необразованные, как-выми их принято считать... Несомненно, что для того чтобы добиться благосклонности при дворе, не иметь иную рекомендацию кроме как быть другом этим леди», - пишет путешественник²³. Даже детально описывая иерархическую систему должностей в империи, Дж. Белл ставит на ее вершину не только главного визиря, но и главного распорядителя гарема, кизляра-агу, посредством которого зачастую решались государственные вопросы и делались назначения на важные должности. При этом путешественник в этой системе восточного деспотизма находил положительные стороны и, например, отмечал, что султан тоже мог вознаградить подданного за его успехи продвижением по службе, хотя и занимаемая должность «умирала вместе с его обладателем»²⁴ и не передавалась по наследству.

Подобно другим путешественникам, чьи маршруты пролегли по историческим местам и античным городам, Джон Белл не мог не отметить небрежного отношения турок к наследию древних. Однако он пошел дальше и упрекнул их еще и в том, что они не только с фанатизмом уничтожают остатки древнегреческих произведений искусства, но и переделывают христианские храмы в мусульманские мечети, тем самым демонстрируя враждебность к другим религиям: «На самом деле осталось немного напоминаний об античности; турки, согласно их принципам, разрушают и стирают с лица все, что носит в себе, как они это называют, дух идолопоклонства, будь то язычество или христианство»²⁵.

Что касается архитектуры самого Стамбула, то здесь интересно отметить, что путешественник, в отличие от обеих своих соотечественниц, много гулял по его улицам. Сам город своими узкими улочками напоминал ему о Европе, но атмосфера все равно была для него чужой и непривычной: во-первых, сами простолоудины казались ему недружелюбными и недоброжелательными; во-вторых, его удивление вызывали стаи голодных и грязных, ко-

²³ *Bell J. An account of my journey to Constantinople. P. 416.*

²⁴ *Ibid. P. 418.*

²⁵ *Ibid. P. 450.*

торых местные жители кормили²⁶. Будучи медиком, он не мог не отметить эпидемии чумы, которые случались здесь, по его мнению, как из-за скученности людей, так и из-за отсутствия эффективной системы карантина.

Чарльз Перри, который, как и Джон Белл, был по профессии медиком за период с 1739 по 1742 г. совершил поездку по Франции, Италии и Османской империи. Результатом его наблюдений стала книга с описанием Константинополя, Сирии и Греции, впервые изданная в 1743 году. В ней он писал об османской истории, особенно выделив личность основателя империи – султана Османа I Гази (ум. 1324). Государя и его потомков он считал храбрыми правителями, «вдохновенными воинственным героическим духом»²⁷, который позволил им подчинить огромные территории. Однако причиной этих успехов Ч. Перри видел не только и не столько в этих качествах, сколько в разобщенности и враждебности по отношению друг к другу христианских королей. При этом он полагал, что современная ему Османская империя уже не представляла угрозы для Европы, так как она «уже прошла период своего могущества и славы»²⁸, и сама с ее богатствами и выгодным географическим положением уже была своеобразным лакомым кусочком для других правителей. «Если бы христианские силы вторглись в Османскую империю, они бы с легкостью ее завоевали, но если это сделает одно из государств, то другие будут смотреть на него жадными глазами и даже возможно будут ее защищать»²⁹, - рассуждает путешественник, предвосхищая возникновение так называемого «Восточного вопроса».

Причину ослабления некогда могущественного государства путешественник видел в деспотической форме правления и как следствие этого в неэффективном экономическом и политическом управлении. Турецкого султана, чья власть, по его мнению, была ничем не ограничена, он считал «самым абсолютным и деспотическим принцем на земле», превзойти которого не смог ни

²⁶ Bell J. An account of my journey to Constantinople. P. 402-403.

²⁷ Perry C. A view of the Levant: particularly of Constantinople, Syria, Egypt, and Greece. In which their antiquities, government, politics, maxims, manners, and customs (with many other circumstances and contingencies) are attempted to be described and treated on. In 4 parts. L., 1743. P. 4-5.

²⁸ Ibid. P. 8.

²⁹ Ibid. P. 9.

один другой государь³⁰. О главном визире он писал как о самом несправедливом и деспотичном из всех должностных лиц в Порте, который в то же время был «рабом своих собственных страхов и опасений из-за недовольства султана»³¹. Как и Джон Белл, он отмечал огромное влияние женщин гарема на решение политических вопросов: «Леди сераля позволено быть настолько влиятельными политиками, насколько они этого пожелают»³². Ч. Перри в противовес тирании и деспотизму османских султанов приводил пример христианских правителей. Он считал, что именно христианство сказалось положительно на их нравах, внушая им гуманизм, благоразумие и милосердие³³. По его мнению, режимы, подобные турецкому, никак не могли возникнуть в Европе, потому что там жили люди, рожденные свободными и «познавшие достоинства мягкого и эффективного христианского правительства»³⁴.

Другим подтверждением деспотизма для Чарльза Перри было то состояние, в котором находилось немусульманское население Османской империи. Если Дж. Белл писал о тяжелой жизни молдавских крестьян, то Ч. Перри сочувствовал грекам и армянам из провинции Анатолия, которые «жили в ужасном рабстве и угнетении турок и очень страдали от поборов и притеснений с их стороны»³⁵. Эти поборы, по его мнению, были причиной того, что земли империи находились в запустении. Люди просто не хотели работать, поскольку знали, что в любой момент у них всех могли забрать либо паши, либо солдаты и не дать никакой компенсации взамен.

Таким образом, Османская империя в представлениях английских путешественников была государством, которому был присущ деспотизм. Этот деспотизм проявлялся в ничем не ограниченной власти турецкого султана, жестокости по отношению к подданным как с его стороны, так и со стороны его администрации, а также в их невежественности и непрофессионализме. Турция виделась им как государство-агрессор, которое всячески угнетает покоренное немусульманское население. Рассуждения на

³⁰ *Perry C. A view of the Levant. P. 20.*

³¹ *Ibid. P. 30.*

³² *Ibid. P. 30.*

³³ *Ibid. P. 12.*

³⁴ *Ibid. P. 15.*

³⁵ *Ibid. P. 23.*

тему деспотизма всегда сопровождалось сравнением с английской моделью, которая была в их представлении идеальной, поскольку монарх относился к жителям своей страны не как к рабам и слугам, а как к детям.

Другой важной частью образа Османской империи и неотъемлемой частью дискурсов путешественников было положение женщин в империи. Все они опровергали миф об их якобы ужасной и бесправной жизни и отмечали, что турчанки живут в хороших условиях и пользуются определенной свободой и даже властью. Если Элизабет Крейвен и Мэри Уотли Мотагю отмечали большую правовую защищенность как признак свободы жительниц империи и оценивали это как достижение османской системы и законодательства, то Джон Белл и Чарльза Перри писали об огромном влиянии женщин на принятие политических решений и ведении государственных дел, что они оценивали негативно, считая это очередным недостатком и слабостью государства.

ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ПОЕЗДКИ ПРИНЦА ХОСРОВ-МИРЗЫ ИЗ ТЕГЕРАНА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В.М. Магомедханов

независимый исследователь

(Елец)

e-mail: magvik1972@mail.ru

В статье рассматривается эпизод, связанный с посещением персидского принца Хосров-Мирзы города Ельца в 1829 г. во время миссии в Санкт-Петербург с целью урегулирования конфликтной ситуации сложившейся между Россией и Персией после убийства А.С. Грибоедова в Тегеране. Особое внимание уделено личности посланника и его краткому пребыванию на елецкой земле во время путешествия. Автор приходит к выводу, что Елец и его жители способствовали созданию положительного имиджа России в глазах всей персидской миссии и принца в частности, что имело определённое положительное значение в выстраивании дальнейших отношений между Санкт-Петербургом и Тегераном.

Ключевые слова: Россия, Персия, А.С. Грибоедов, Хосров-Мирза, персидское посольство, Елец, российско-персидские отношения.

ONE EPISODE FROM THE TRIP OF PRINCE KHOSROV- MIRZA FROM TEHRAN TO ST. PETERSBURG

V.M. Magomedkhanov

(Yelets)

e-mail: magvik1972@mail.ru

The article deals with an episode related to the visit of the Persian Prince Khosrov-Mirza to the city of Yelets in 1829 during a mission to St. Petersburg in order to resolve the conflict between Russia and Persia after the murder of A.S. Griboyedov in Tehran. Special attention is paid to the personality of the envoy and his short stay on the Yelets land during the journey. The author comes to the conclusion that Yelets and its residents contributed to the creation of a positive image of Russia in the eyes of the entire Persian mission and the Prince in particular. This image had a certain positive value in building further relations between St. Petersburg and Tehran.

Key words: Russia, Persia, A.S. Griboyedov, Khosrov-Mirza, Persian Embassy, Yelets, Russian-Persian relations.

Персидское посольство, возглавляемое сыном наследника персидского престола Аббас-Мирзы, принцем Хосров-Мирзой в апреле 1829 г. направилось из Тебриза в столицу Российской им-

перии с искупительной миссией имевшей целью разрешить конфликтную ситуацию, возникшую после разгрома в конце января 1829 г. в Тегеране русской миссии и убийства полномочного министра Российской Империи Александра Сергеевича Грибоедова. Несмотря на несчастье, разыгравшееся в Персии, Санкт-Петербург не был заинтересован во враждебных действиях против этой державы, власть смирилась с потерей гения, особенно в условиях тогдашней войны с Османской империей. При других обстоятельствах Россия могла бы наказать такое зверство силой оружия, но это событие произошло вскоре после войны с Персией, закончившейся Туркманчайским миром 1828 года. К тому же выяснилось, что персидские власти были не причастны к тегеранским событиям.

Роль А.С. Грибоедова в истории российско-персидских отношений, которую сложно переоценить, была наиболее объективно охарактеризована известным русским военачальником генералом Е.Н. Муравьевым-Карским: «Я отдавал всегда полную справедливость его способностям и остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии был совершенно на своём месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и что не найдётся, может быть, в России человека столь способного к занятию его места»¹.

Хосров-Мирза родился в 1813 г. и был 7-ым сыном Аббас-Мирзы, среди 26-ти сыновей наследника и одним из нескольких сотен внуков шаха Фетх-Али из династии Каджаров. К началу путешествия юноша окончил обучение и поступил на службу. Позднее современник Хосров-Мирзы британский офицер Александр Борнс вспоминал о встрече с ним в Персии, особо выделяя его умственные способности: «Этот молодой человек правил Мешхедом на время отсутствия своего отца в компании и, как мне казалось, умел воспользоваться своим пребыванием в Европе. Он, разговаривая со мною около часу, предложил мне множество вопросов о нашем путешествии, шутил над моею бородою и одеждою, уверяя, что в Англии это было бы большою редкостью; освещаясь о том, католик ли я, или протестант; потом выразил свое удивление тому, что мы здраво и невредимо добрались до

¹ *Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский Архив. Историко-литературный сборник. Вып. 1-4. М., 1894. Вып. 1. С. 43.*

Персии и, наконец, пригласил меня навестить его на следующий день. Я, конечно, не преминул воспользоваться этою милостью тем охотнее, что впечатление, произведенное на меня нечаянным свиданием с этим членом царского семейства, было самое благоприятное².

На другой день я отправился в цитадель и нашел молодого принца за делами: церемония представления к этой отрасли царского дома исполняется здесь с такою же строгостью, как будто бы он был сам государь Персии. Будучи от природы словоохотлив, он подробно описывал мне свое путешествие по России и отзывался с большею похвалою о вежливом обращении и образовании дам этой страны, при чем один из его придворных, пользовавшийся, как мне казалось, особливою милостью принца, заметил, что его высочество сделал непростительную ошибку, не захватив с собою одного из этих ангелов. Принц отвечал, что сделать этого не было никакой возможности и сослался на меня; я уклонился от прямого ответа, сказав, что лицо его сана всегда могло бы жениться на знатнейшей из женщин».

Далее Борнс описывает черты характера Хосров-Мирзы, который «имел около двадцати трех лет отроду; умственные способности его дают ему большой перевес над всеми его соотечественниками: его замечания поражали меня в высшей степени. Он спрашивал меня, восстановлено ли древнее искусство рисования на стекле, могло ли новейшее ваяние поставить нас на степень соперничества с Греками и найден ли где-нибудь единорог. Потом предложил мне несколько вопросов о том, что было труднее: ввести ли дисциплину между иррегулярными войсками, или установить новую систему законов и правления в какой-нибудь стране. "У Европейцев", говорил он, "все основано на истории и опыте; у нас же нет таких руководителей. Персия, стоявшая на степени преобладания до времен Магомеда, теперь погружена в состояние бездействия и ханжества, и кроме Корана не имеет никакой другой литературы, между тем, как в Европе есть люди или

² Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества. Ч. 3. М., 1849. С. 111 – 114.

изучающие Библию, или посвятившие себя наукам." Разумная беседа молодого человека доставила мне много удовольствия: кто сознается в своем неведении, тот делает переходный шаг к улучшению»³.

Посольская свита состояла из 14 человек, главными лицами в которой после Хосров-Мирзы были Мегмед-Хан, Эмир-Низам - начальник регулярных войск, Мирза-Масуд, Мирза-Салех и Мирза-Баба - врач принца. Кроме того при Хосров-Мирзе было несколько помощников и прислуги, в том числе три туфенгдара или оруженосца, везде его сопровождавшие. Всего же в составе миссии было около 40 человек⁴.

Миновав Кавказ персидская миссия продвигалась в глубь Российской Империи через Ставрополь, Новочеркасск и Воронеж. На всём пути следования Хосров-Мирза удостоивался радушных приёмов, в честь персов устраивались званые обеды, балы, концерты⁵. 5 июля 1829 г. по дороге из Воронежа миссия восхищалась прекрасными видами и изъявляла удивление, видя столь хорошо обработанные поля и зажиточное состояние жителей. Подъезжая к Ельцу, Его Высочество был встречен городничим, принял хлеб и соль, поднесенные ему жителями города и, пересевши в коляску предводителя дворянства, въехал в город под крики «Ура», который раздавался из всех окон по пути следования. В тот же день принцу были представлены гражданские и военные чины города. На своей квартире Хосров-Мирза изволил принять дворянство и представителей купечества. После чего он показался на балконе собравшемуся пред его домом народу. Когда дворянство удалилось из квартиры Его Высочества, Эмир-Низам сказал, что он будет в Персии просить позволения не быть никогда свидетелем приема русского посланника, ибо прием, сделанный им в уездном городе России, никогда не может быть учинен в самых даже столицах Персии. Принц сначала было отказался принять бал, приготовленный ему на другой день, имея намерение прибыть скорее в Тулу и Москву, но когда под вечер множество дам собралось видеть его перед его домом, то он изъявил сильное желание

³ Борнс А. Указ. соч. С. 114.

⁴ Розанов М.Г. Персидское посольство в России в 1829 г. (по бумагам графа П.П. Сухтелена) // Русский архив. 1889. Кн. I. С. 210-211.

⁵ Берже А.П. Хосров-Мирза (1813-1875) // Русская старина. 1879. Т. XXV. С. 339.

познакомиться с ними на предстоящем балу, о чем не оставил их уведомить⁶.

По воспоминаниям одного из путешественников конца XVIII в. Елец представлялся как старинный город, бывший провинциальным городом Воронежской губернии, а с 1778 г. ставший уездным городом Орловского наместничества, стоявший на красивом месте - на берегу реки Сосны, при впадении в неё речек Ельца и Лучка. Одним из главнейших промыслов в городе и округе был хлебный, «по причине чрезвычайного здешних мест плодородия». Среди жителей выделялись мастеровые и ремесленники, «как то серебряники, колоколотитцы, слесари, кузнецы, кожевники и прочие». Елецкие купцы продавали свой и закупали необходимый товар в Туле, Серпухове, Москве, Казани, Таганроге. Через город проходила большая дорога из Воронежа в Москву, расстояние до которой было 364 версты⁷.

Плодородная почва, близость Дона и его привольных степей с природными богатствами породили в ельчанах предприимчивость. В городе в ту пору славились купцы, их ещё называли елецкими капиталистами, которые работали на его экономику и многое делали для процветания Ельца. В городе и уезде только мельниц (ветряных и водяных) насчитывалось 193, различных фабрик и заводов (кожевенных, кирпичных и др.) - 74. Одним из известных елецких капиталистов был купец Иван Кононович Кожухов⁸, который в своём саду дал блестящий бал по случаю приезда персидского принца Хосров-Мирзы.

Кожухов был по тем временам человеком очень «развитым», много времени уделяющим чтению. На протяжении ряда лет занимал должность городского головы, отличался хорошими манерами и слыл душой тогдашнего елецкого общества. По примеру других купцов Иван Кононович часто устраивал пиры в своём излюбленном саду «Пасека», который находился на окраине Ельца, за Чёрной слободой. Сад, обнесённый прозрачной кирпичной

⁶ Выписки из секретного журнала Ренненкампа, церемониалы встреч персидского посольства // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. Т. XII. М., 2003. С. 197.

⁷ Зуев В.Ф. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 122-124.

⁸ Стахович М.А. История, этнография и статистика Елецкого уезда. М., 1858. С. 51.

стеной, вмещал в себя роскошный парк из огромных дубов и вязов, сад с множеством плодовых деревьев, оранжереи, теплицы, два прекрасных, полных рыбы, пруда, через которые были перекинуты красивые мостики со статуями, колодец, искусственные гроты и китайский домик, построенный вокруг дерева громадной толщины. «Пасека» представляла из себя прекрасный уголок для отдыха и удовольствий. В праздничные дни в саду устраивались общественные гуляния: играла музыка, пели песенники, публика развлекалась и водила хороводы.

По рассказам очевидцев, Принц во время бала усердно танцевал с одной прелестной девушкой-дворянкой, которой на прощание подарил великолепную шаль персидской работы. Люди тогда умели совмещать приятное с полезным, старинный «пир горой» давался с присущими ему в то время особенностями, отошедшими навсегда в вечность... На персов, особенно на принца, оставил наибольшее впечатление бал, устроенный купцами при большом стечении елецких дам⁹.

Интерес представляют и сведения, которые сообщил в своих воспоминаниях О.А. Пржелицлавский, свидетель визита персидской делегации в Россию: «В составе депутации был сын шаха и наследник престола Хосров-Мирза. Это был юноша с лицом красивого персидского типа, прелестными глазами и стройной осанкой. Хосров-Мирза, по своему положению, изящным манерам и красоте, сразу сделался львом дня в Петербурге, где по приглашениям бывал со своими спутниками в домах и знати, и среднего хорошего общества. Несмотря на свою молодость, он был мастер в искусстве флиртации»¹⁰.

Стоит отметить, что во время своего путешествия Хосров-Мирза посетил мать убитого дипломата Настасью Фёдоровну Грибоедову, которая проживала в Москве в доме расположенном на углу Новинского и Большого Девятинского переулков¹¹. Во время визита принц произнёс слова соболезнования и сочувствия

⁹ Назаров Е.И. Некоторые сведения о елецких капиталистах с половины прошлого столетия // Труды Орловской учётной архивной комиссии. Вып. 1. Орёл, 1897. С. 53-54.

¹⁰ Пржелицлавский О.А. Хосров-Мирза и его свита // Русская старина. 1883. Т. XXXIX. С. 404-405.

¹¹ Розанов Н.П. Дом матери Грибоедова // Русская старина. 1874. Т. XI. С. 302.

Н.Ф. Грибоедовой¹², которая его встретила заливаясь горькими слезами. Глубоко тронутый её несчастьем Хосров-Мирза выразил глубокую скорбь, употребив всё своё старание утешить и успокоить мать в невозвратной потере единственного сына¹³.

Дальнейшая судьба Хосров-Мирзы сложилась трагично. В 1832 г. он по указанию персидского премьер-министра Каэм-Макам Фарахани был помещён в тюрьму города Ардебиля. А некоторое время спустя принц был ослеплён по приказу своего брата шаха Мохаммед-шаха¹⁴ и тем самым выведен из числа претендентов на шахский престол.

Одним из самых положительных итогов миссии Хосров-Мирзы стало списание части контрибуции, которую Персия должна была выплатить России по итогам заключённого Туркманчайского мира. Российская же сторона была удовлетворена приятным известием о том, что Тегеран принял меры для наказания всех участвовавших в истреблении посольства и гибели А.С. Грибоедова. Но особо стоит отметить, что после тегеранской трагедии 1828 г. народы России и Персии фактически больше никогда не воевали. И в этой связи елецкий эпизод миссии Хосров-Мирзы явился маленьким кирпичиком в фундамент мира и добрососедства.

¹² Kelly L. Diplomacy and murder in Tehran: Alexander Griboyedov and Imperial Russia's mission to the Shah of Persia. London-NewYork, 2006. P. 201-202.

¹³ Берже А.П. Указ. соч. С. 341.

¹⁴ Amanat A. Pivot of the Universe: Nasir al-Din Shah and the Iranian Monarchy, 1831-1896. Berkeley, 1997. P. 31-32.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЭРНЕСТА ФОН ГЕССЕ-ВАРТЕГА В КИТАЙ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙЦА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Е.Н. Моисеева

СПЮА

кафедра истории, политологии,
социологии и сервиса

e-mail: moiseevaen@rambler.ru

Статья посвящена анализу произведения австрийского путешественника Эрнста фон Гессе-Вартега, в котором он рассказал о своем путешествии по Китаю в конце XIX века. Источником для изучения путевой повседневности фон Гессе-Вартега стала работа «Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая». Это прекрасный источник для анализа образа Востока, представлений о местных жителях, а также для изучения путевой повседневности европейского путешественника на Востоке в последней трети XIX века. В статье, прежде всего, исследуются условия проживания путешественника в китайских городах, обслуживание в гостиницах и других средствах размещения, транспортное сообщение в городах и между ними. Это позволит глубже проникнуть в ментальный климат эпохи, так как записки путешественников говорят не столько о стране, в которой они побывали, сколько о той интеллектуальной среде, из которой они вышли.

Ключевые слова: путешествие, путевая повседневность, Китай, Эрнест фон Гессе-Вартег, образ «Другого».

ERNEST VON HESSE-VARTEG'S JOURNEY TO CHINA: EUROPEAN DAILY LIFE IN THE FAR EAST

E.N. Moiseeva

(Saratov, Russia)

e-mail: moiseevaen@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the work of the Austrian traveler Ernst von Hesse-Varteg, in which he told about his stay to China in the late XIX century. The source for studying the travel routine of von Hesse-Vartega was the work "China and the Chinese. Life, customs of modern China". This is an excellent source for studying the image of the East, ideas about the locals, as well as for studying the daily routines of the European traveler in the East in the last third of the XIX century. In the article, first of all, the living conditions of the traveler in Chinese cities, service in hotels and other means of accommodation, transport links in and between cities are examined. This will allow to penetrate deeper into the mental climate of the epoch, since the travelers' notes speak not so much about the country they visited as about the intellectual environment which they left.

Key words: travel, traveling daily life, China, Ernest von Hesse-Varteg, image of the "Other".

Эрнест фон Гессе-Вартег (1851-1918) – австрийский путешественник и писатель. Он объездил страны по Дунаю, Турцию, Сирию, Ост-Индию, Америку, Северную Африку, Египет, Судан; позже Мексику, Вест-Индию и Венесуэлу. В предисловии к книге «Китай и китайцы» написано, что «Автор этого труда – бывалый путешественник, опытный и тонкий наблюдатель. Тонкость и ясность наблюдения, усвоенные им в многолетних странствиях по белу-свету, характерное преимущество его сочинений: в них заключается лишь то, что представляет особый интерес для европейца»¹. Эрнст фон Гессе-Вартег - автор более 20 работ. На русский язык переведены только две. Это указанная выше работа о китайцах, переведенная на русский язык в 1900 и работа «Япония и японцы», переведенная на русский язык в 1902 году².

Книга фон Гессе-Вартега «Китай и китайцы» - это важный источник, который хорошо известен китаеведам. В предисловии к изданию написано, что «труд господина Вартега, бесспорно, наиболее выдающееся из новейших сочинений о Китае»³. Сидихменов В.Я., ссылаясь в своей работе на книгу путешественника, когда описывает Пекин⁴. Ю.Д. Благодер в статье «Документальные свидетельства европейских и российских путешественников о субъективности восприятия перемен в Китае XIX - начала XX века» обращается к данному источнику с целью изучения «проблемы отношения жителей Поднебесной к преобразованиям их патриархального уклада и сферы личностного пространства»⁵.

В данном исследовании сделана попытка изучить путевую повседневность путешественника конца XIX века на примере Эр-

¹ См.: Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая. СПб., 1900.

² Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии. СПб., 1902.

³ См.: Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 3.

⁴ Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. Минск, 2004. С. 111.

⁵ Благодер Ю.Д. Документальные свидетельства европейских и российских путешественников о субъективности восприятия перемен в Китае XIX - начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 2. С. 60-64.

неста фон Гессе-Вартега. Исследование «путевой повседневности» - один из важнейших аспектов исследования феномена путешествия. Где ночевали, на чем передвигались путешественники, какие бытовые трудности испытывали? Ответы на эти вопросы позволят нам увидеть как самого путешественника, так и страну, по которой он путешествовал.

Путешествие на Восток в XIX в. было длительным и нелегким, по сравнению с путешествием по Европе. Европейец, рискнувший отправиться на Восток сталкивался с отсутствием привычных ему вещей, таких как электрическое освещение, канализация, водопровод. «Китай находится только на другом материке, а похоже, что на другой планете»⁶, - писал Гессе-Вартег. Эрнест фон Гессе-Вартег побывал в Китае в 1898 г. в период правления там императора Гуансюя. Он начал свое путешествие в Гонконге и добрался с юга до Великой Китайской стены. Он посетил как крупные города, так и небольшие селенья. По словам путешественника, он прибывал в каждый новый город через два-три дня⁷. Эрнест фон Гессе-Вартег путешествовал, покровительствуемый официальными рекомендательными грамотами китайского правительства, поэтому о его прибытии знали китайские чиновники и встречали его⁸. Это означало, что путешественник чувствовал себя в относительной безопасности. Путь его из Гонконга лежал через Макао, Кантон, Ханчжоу, Шанхай, Нанкин, Ханькоу, Тяньзинь, Пекин.

Гессе-Вартег прибыл в Гонконг на пароходе и поселился в отеле⁹. Вот что пишет Гессе-Вартег о Гонконге - «входных воротах в китайское царство», который с середины XIX века принадлежал Англии. «Находясь в Гонконге, не перестаешь удивляться и невероятным результатам деятельности осевшей здесь горсти англичан, и чуждому нам европейцам китайскому миру, который окружает эту горсть»¹⁰.

Так как город был английской колонией, то пятиэтажный отель также был вполне европейским, и путешественник чувствовал себя комфортно. По городу он передвигался либо в экипажах,

⁶ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 32.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 2.

либо на традиционных ручных колясочках, которые переносили китайцы за 5 центов в полчаса. Путешественник называл китайцев-носильщиков - людьми-лошадьми¹¹. В Гонконге была канатная дорога, с проволочной тягой по образцу горных швейцарских дорог, по которой путешественник катался, когда отправлялся в гости к английским знакомым, построившим виллы по склонам горы¹². Европейцы обустроили в Гонконге «на китайские деньги» прекрасные дворцы и роскошные сады¹³. А с китайской культурой в Гонконге, - по мнению Гессе-Вартега, европейский путешественник мог познакомиться «не поступаясь своими европейскими привычками и удобствами»¹⁴. Из окна отеля можно увидеть и китайские похороны, и китайские праздники, а если захочется прогуляться по грязным переулкам, то это также можно сделать, не подвергаясь ни малейшей опасности, так как повсюду расставлены полицейские¹⁵.

Из Гонконга Гессе-Вартег направился в Макао - город, который был основан еще португальцами в 1557 году. Добравшись на пароходе до Макао, путешественник выбрал, по его словам, «превосходный отель» на набережной¹⁶. Гессе-Вартег утверждал, что в Макао легко найти проводника, который может провести вас по китайским кварталам и показать игорные заведения, которыми славился Макао¹⁷.

По Жемчужной реке путешественник далее отправился в Кантон. «Сообщение между Гонконгом и Кантоном поддерживают великолепные пароходы, вместимостью в несколько тысяч тонн»¹⁸. «Взойдя на палубу, я вообразил себя на одном из плавающих дворцов Гудзона, так велики и роскошны пароходы общества «Гонконг-Кантон-Макао»»¹⁹. Путешествие на таком пароходе было очень комфортным и безопасным, так как охраняли европейских путешественников вооруженные матросы, не пропускавшие

¹¹ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 6.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 16-17.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же.

на верхнюю палубу ни одного китайца²⁰. Китайцы путешествовали на нижних палубах. Между Гонконгом и Кантоном по Жемчужной реке ходили, по наблюдению Гессе-Вартега, бесчисленное количество лодок, джонок и прочих плавательных средств.

В Кантоне как обычно наш путешественник остановился «в довольно порядочном отеле» на небольшом островке Шань-мянь (Шамянь), который принадлежал англичанам и французам, таким образом и в этом городе, а точнее в той части, которую обустроили европейцы Гессе-Вартег не испытывал трудностей, связанных с отсутствием европейского комфорта. «В городе свой театр, клуб, свои филармонические кружки, парки, сады, площадки для игр в луан-теннис. Но не единого магазина на европейский лад... Шань-мянь имеет собственную полицию, водопровод и пожарную команду; все это находится в превосходном состоянии и могло бы послужить образцом для соседнего кантона, где все остается в том же виде, как тысячу лет назад»²¹. Все что нужно для жизни путешественник мог получить, не выходя за пределы островка. Островок обособлен от остального китайского города, но снабжался достаточно. Тем не менее, Гессе-Вартег, несмотря на предупреждения о том, что жители Кантона ненавидят европейцев «скитался по самым отдаленным кварталам Кантона»²². По городу он передвигался с помощью говорившего по-английски китайца, то есть пользовался услугами гида-переводчика. В Кантоне, по словам путешественника, нет ни газа, ни электричества. «Из сотен туристов, заглядывающих сюда ежегодно, и десять процентов не проведет здесь больше одного дня, два процента - больше двух дней»²³. Однако для нашего путешественника знакомство с традиционным Китаем было очень увлекательным. «Новый, чужой мир открывается нам уже с моста, ведущего с Шань-мяня в Кантон»²⁴.

Путешествуя на комфортабельных транспортных средствах и останавливаясь в европейских гостиницах, Гессе-Вартег мог только наслаждаться путешествием, не встречая опасностей и не-

²⁰ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 20.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 31.

²³ Там же. С. 32.

²⁴ Там же.

удобств. Однако так было только там, где европейцы приложили свои усилия и обустроили отдельные города Китая. Традиционный же Китай представлял собой иное зрелище. В вечернее время улицы не освещались. В темных узких переулках постоянный крик, трескотня, настоящая какофония. Зловонный запах преследовал Гессе-Вартега повсюду в китайских кварталах. «Этот запах отбивает у посетителей всякую охоту подольше оставаться в Кантоне».²⁵ «Во всём городе не найдешь местечка, где отдохнуть»²⁶. «Весь кантон представляет один большой лабиринт переулков, из которых, словно с умыслом, изгнаны и воздух, и дневной свет, и вода», - писал путешественник. «Кантон, величайший город Китая, вообще правильнее было бы назвать величайшею деревнею Срединного царства»²⁷. В Кантоне Гессе-Вартег впервые побывал на традиционном китайском обеде. Там он попробовал многочисленные экзотические блюда, такие как суп из ласточкиных гнезд, акулы плавники, знаменитые тухлые яйца, которые китайцы выдерживают несколько лет. «Иные страны, иные вкусы!»²⁸

Вернувшись из Кантона обратно в Гонконг Гессе-Вартегом затем отправился в Шанхай, город - открытый для европейской торговли. Между Гонконгом и Шанхаем было налажено пароходное сообщение компанией Северогерманский Ллойд²⁹. В Шанхае Гессе-Вартег поселился в первом классе отеля «Астор-Хауз», который находился в ярко освещенном электрическими огнями современном квартале³⁰. Вдоль отеля «тянулся прекрасный бульвар», из окон отеля открывался вид на реку, покрытой десятками иностранных пароходов³¹. Повсюду кипела европейская жизнь. По Шанхаю, по наблюдению путешественника, разъезжали великолепные экипажи, ходили европейские дамы в вечерних туалетах и безукоризненно одетые джентльмены. «Таких посетителей я привык видеть на больших садовых праздниках в Лондоне и Па-

²⁵ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 36-37.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 84.

²⁹ Там же. С. 92.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 94.

риже»³², отмечал фон Гессе-Вартег. «Пока я закурил и докурил сигаретку, я успел послушаться и английских, и немецких, и французских, и итальянских, и испанских, и датских, и португальских фраз»³³.

Для того чтобы познакомиться с традиционным китайским производством шёлка, Гессе-Вартег отправился в Ханчжоу. Этот город, расположенный недалеко от Шанхая, был хорошо известен европейцам благодаря описаниям Марко Поло. В отличие от Шанхая, Ханчжоу не подвергался воздействию европейских держав. Гессе-Вартег столкнулся с многочисленными трудностями, оказавшись там. Вот что отмечал он: «Посещающий его путешественник не должен, конечно, претендовать ни на пароходное сообщение, ни на отели, ни на какие другие европейские удобства»³⁴. Наш путешественник прибыл в Ханчжоу не на белом пароходе, а на китайской лодке. От Шанхая можно было добраться и по суше, но тогда транспортом служила бы «костлявая спина мула»³⁵. Судя по описаниям Гессе-Вартега после знакомства с шелкоткачеством, он не остался ночевать в Ханчжоу, а вновь вернулся в Шанхай, откуда на пароходе по реке Янцзы отправился в Чжэньцзян, а затем в древнюю столицу Китая Нанкин.

По реке Янцзы, открытой для европейцев, ежедневно ходили, по словам путешественника, «удобные пассажирские пароходы»³⁶. Единственным неудобством такого пароходного сообщения по реке было то, что вследствие сильного размыва берегов пароходы не могли пристать к берегу, а приставали к стоящей на якоре барже, которая была соединена с берегом мостками³⁷.

В Чжэньцзяне проживала «горсточка европейцев», тем не менее, наличие собственной полиции, пожарной команды, клуба, и двух церквей делало пребывание в этом городе довольно комфортным. «Не достает только ежедневно газеты»³⁸, замечал Гессе-Вартег.

³² Там же. С. 93.

³³ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 93.

³⁴ Там же. С. 110.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 135.

³⁷ Там же. С. 136.

³⁸ Там же. С. 137.

В Нанкине, куда путешественник прибыл поздно вечером, он остановился в английском морском училище, до которого добрался от пристани на паланкине с четырьмя носильщиками³⁹. Городские ворота Нанкина на ночь закрывались, и наш путешественник очень опасался не успеть и заночевать под открытым небом за стенами города. «Запоздавший простой путник должен быть готовым переночевать в поле, под открытым небом, в обществе всякого сброда, если не предпочтет завернуть в один из жалких, грязных постоянных дворов»⁴⁰. В Нанкине развернулась одна из самых трагических страниц китайской истории. Нанкин был резиденцией восставших в середине XIX века против маньчжурской династии Цин тайпинов. После той войны ничего не осталось от эпохи династии Мин, когда Нанкин был столицей Среднего царства. После разгрома восстания тайпинов в 1864 г., по распоряжению пекинского правительства, в Нанкин переселены были жители из других провинций Китая⁴¹. Так как Нанкин был заново отстроен, то Гессе-Вартегу пришлось по душе чистые кварталы города. Удивило же его, что в Нанкине вместо ручных тачек передвигаются на осликах.

Для того, чтобы отправиться во внутренние районы Китая европейскому путешественнику надо было запастись мужеством. Гессе-Вартег писал: «Кто пожелает посетить какой-нибудь из внутренних городов Китая, не расположенный на мощной реке Янцзы, тому придется или нанять неуклюжую китайскую лодку или совершить поездку на спине ишака. За исключением названной реки, ни по одной китайской реке нет пароходного движения на скольких-нибудь значительных протяжениях. Железные дороги во внутреннем Китае пока вовсе неизвестны, а проезжих дорог так мало, что нечего рассчитывать и на общественные экипажи»⁴². По мнению Гессе-Вартега, главным препятствием, удерживающим иностранцев от поездки по Китаю, является ни страх перед опасностями, ни незнание чрезвычайно трудного китайского языка, ни значительные путевые расходы, а именно это отсутст-

³⁹ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 174.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² Там же. С. 173.

вие путей сообщения⁴³. «Кроме этого, в китайских городах нет ни водопроводов, ни канализации; нечистоты попросту выносят в бадьях за город и сваливают за городской стеной... В Пекине, например, нечистоты служат для поливки улиц от пыли»⁴⁴, отмечал путешественник. Во многих городах есть подземные стоки для нечистот, но отверстия их прикрыты каменными плитами, никто не заботится, ни о починки мостовой, ни о содержании стоков. «Ступишь на качающийся камень мостовой, попадешь в сток для нечистот; спасешься от давки на улице поближе к домам, тоже угодишь в лужу нечистот»⁴⁵.

«О подходящих помещениях для европейцев-путешественников, разумеется, не может быть и речи», писал Гессе-Вартег. «Конечно, во всех городах имеются китайские гостиницы, но, право, каждый европеец предпочел бы переночевать в хлеву, чем в подобном жалком, переполненном грязью, нечистотами и паразитами логовище, расположенном обычно на первом надземном этаже. Вся обстановка состоит из деревянных нар, да и те приходится делить с заезжими китайцами... Ни о каких удобствах по части совершения туалета, нет и речи. В помещении нет даже окон... Вставать приходится с рассветом, и тут еще, пожалуй, ждет путника новый сюрприз: дорожная сумка с деньгами и вещами, оказывается исчезла»⁴⁶! Наш путешественник, к счастью для него, находил пристанище в миссионерских общинах, избегая китайских гостиниц. Но и ночуя в относительной безопасности, Гессе-Вартег раздражался страшным шумом - ударами в гонг, лаем собак, нарушавшим его сон⁴⁷.

Будучи опытным путешественником, прежде чем отправиться во внутренние города Китая провинции Шаньдун, Гессе-Вартег еще в Шанхае запасся всеми необходимыми дорожными вещами, включая и кухонные принадлежности, и постель⁴⁸. Он путешествовал в течение двух месяцев по внутренним городам Китая. Сам он ехал верхом, а его китайские слуги и фотограф - на

⁴³ Там же. С. 173-174.

⁴⁴ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 174.

⁴⁵ Там же. С. 178.

⁴⁶ Там же. С. 178-179.

⁴⁷ Там же. С. 183.

⁴⁸ Там же. С. 185.

«запряженной клячами двухколесной арбе»⁴⁹. В одном из городов провинции Шаньдун нашему путешественнику все-таки пришлось остановиться, в так называемой, местной «гостинице» с шаткой дверью, затянутыми разорванной бумагой оконцами, глинобитным полом, деревянными нарами без печки, без кроватей и без умывальника⁵⁰. Слуги каждый день распаковывали и запаковывали многочисленный багаж Гессе-Вартега, чтобы обеспечить ему минимум удобств, к которым он привык. Отсутствие насекомых уже радовало нашего путешественника. «Измученный, голодный, покрытый слоем пыли в палец толщиной, прибывал я после продолжительных дневных переходов на ночлег в каком-нибудь жалком селении, где вдобавок вода оказывалась настолько загрязненной и вонючей, что мне приходилось для мытья жертвовать парюю бутылок из взятого мною в дорогу запаса минеральной воды»⁵¹, писал Гессе-Вартег.

С большими бытовыми трудностями пришлось столкнуться Гессе-Вартегу во время его путешествия по Императорскому каналу в Пекин. Канал длиной свыше 700 км был важнейшей водной артерией Китая, связывая юг и север страны. По каналу ходили большие пассажирские лодки. В 1898 г. Гессе-Вартег проплыл приблизительно 500 км по каналу от северной границы Шаньдуна до Пекина. Капитан судна, на котором отправился в путь наш путешественник сказал ему, что он первый европеец, не считая нескольких миссионеров, которых он видел здесь⁵². «Затруднения и всякие неудобства начинались с самого утра», отмечал Гессе-Вартег, «когда я вставал с жалкого ночного ложа. Надо умыться, а воды для умывания негде взять»⁵³. Вода в канале, судя по всему, была очень грязной. «Я бы не желал исследовать ее в микроскоп!»⁵⁴ - восклицал путешественник. Для заварки же чая путешественник запасся ключевой водой из гор Шаньдуна. Облегчение он испытал, лишь достигнув в Тяньзине европейского отеля «Астора».

⁴⁹ Там же. С. 186.

⁵⁰ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 186-187.

⁵¹ Там же. С. 189.

⁵² Там же. С. 206.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

Пекин - столица Китая поразил путешественника «черной пылью» и «вонючими лужами». «Ни один мировой город не заставляет расплачиваться такой дорогой ценой за право сказать: «и я был там», как Пекин; ни из одного не увозится так мало приятных воспоминаний»⁵⁵, отмечал Гессе-Вартег. В Пекине не было водопровода, вода была довольно дорогой, ее продавали водоносы, поэтому город предстал перед нашим путешественником зловонным и грязным. В период же дождей улицы Пекина превращались в стоячие болота⁵⁶. Такой показалась нашему путешественнику столица Китая. Только когда император выезжал из своего «Запретного города» и следовал в какой-либо храм Пекина улицы посыпали желтым песком, а бугры и ямы выравнивали. Самой приятной конной прогулкой по Китаю, на которой «не стоило бояться сломать себе шею» была императорская дорога из Пекина к горе Ваньшоушань⁵⁷, где располагался знаменитый императорский парк Ихэюань - летняя резиденция китайских императоров.

«Лишь немногие из европейских путешественников», по словам Гессе-Вартега, «посещающих Китай, забираются дальше Шанхая, в Пекин, а из немногих, посещающих Пекин, едва-ли десятая часть предпринимает поездку до Великой стены»⁵⁸. Прогулка эта «отнюдь не увеселительная». «Не всякому захочется трястись целую неделю на жесткой спине лошака по каменистой пустынной местности, по голым скалам, ночевать в жалких, грязных китайских харчевнях и вернуться в Пекин, сожженным солнцем, измученным, да хорошо еще, если целым и невредимым - и все это для того, чтобы поглядеть на стену»⁵⁹! Однако трудности не пугали нашего путешественника, и он преодолел их все, достигнув стены, поразившей его своим величием. «Словно чудовищная окаменелая змея вьется она к востоку и западу по крутизнам гор, подымается на головокружительные высоты, спускается в глубочайшие долины»⁶⁰.

⁵⁵ Гессе-Вартег Э. Китай и китайцы. С. 220.

⁵⁶ Там же. С. 227-228.

⁵⁷ Там же. С. 257.

⁵⁸ Там же. С. 261.

⁵⁹ Там же. С. 263.

⁶⁰ Там же. С. 267.

Лишь малая часть повествования Эрнеста фон Гессе-Вартега посвящена описанию быта и повседневных трудностей, с которыми приходилось сталкиваться путешественнику. Большая часть почти 400-страничного труда содержит информацию о жизни китайцев: их этикете, судопроизводстве, тайных обществах, системе традиционных экзаменов, ремеслах, торговле, нравах и обычаях. Труд Гессе-Вартега - прекрасный источник для изучения образа традиционного Китая, который постепенно уходил в прошлое под воздействием европейского проникновения. Фон Гессе-Вартег с воодушевлением писал о европейских новшествах. Европеизацию Китая он считал благом, восхищался открытыми для европейских купцов Шанхаем и Гонконгом, пароходами европейских компаний, уютными европейскими отелями, в которых ему приходилось останавливаться, благоустроенными набережными. Считал, что все китайские города должны быть открыты для проживания иностранцев всех наций. Он не скрывал своей брезгливости к китайским ночлежкам и харчевням, отвратительному запаху китайских городов, куда еще не проникли европейские торговцы, миссионеры и военные. Его не привлекала экзотика путешествия на ишаках, он был вынужден использовать этот транспорт в отсутствие лучшего. Общее разложение, нищета Китая отталкивали его, что вполне проявилось при описании китайских городов.

УДК 321.7(4+7)

**«ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
МЫШЛЕНИЯ...»¹ (ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ГЛАЗАМИ
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ)***

В.А. Митрохин

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра политических наук
e-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье на материале разнообразных источников исследуется реакция представителей разных течений русской эмиграции «первой волны» на общественно-политический порядок стран пребывания и функционирование институтов западной демократии.

Ключевые слова: эмиграция, фашизм, демократия, парламентаризм, выборы, манипуляция.

**«ABANDONED EUROPEAN POLITICAL THINKING»
(WESTERN DEMOCRACY THROUGH THE EYES OF RUSSIAN
EMIGRATION)**

V.A. Mitrokhin

(Saratov, Russia)
e-mail: mitrokhinva@yandex.ru

The article examines the reaction of representatives of different currents of the Russian emigration of the «first wave» to the sociopolitical order of the host countries and the functioning of the institutions of Western democracy.

Keywords: emigration, fascism, democracy, parliamentarism, elections, manipulation.

Первые годы пребывания в эмиграции качественным образом повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской им-

* Статья написана по основе доклада на IX международной научной конференции «Запад на Востоке, Восток на Западе: кросс-культурные отношения, взаимовосприятия и историческая память» (16 мая 2019 года, Саратов).

¹ Трубецкой Н.С. У дверей реакция? Революция? Евразийский временник. Берлин, 1923. С. 28.

перии, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности.

Рассеянные по разным, преимущественно европейским, странам россияне не только решали насущные экономические и бытовые проблемы, связанные с адаптацией в новых условиях, но и обретали уникальный политический опыт, который рассчитывали применить в посткоммунистической России. Не последнюю роль в формировании общественной позиции эмигрантов играла ожесточённая идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе и напрямую связанная с ней политическая практика.

Повышенный интерес в русской среде, в первую очередь, вызвала западная демократическая система, функционирование её основных институтов власти. Подробно исследовался вопрос взаимодействия русского и западного общественных укладов. Одним из дискуссионных вопросов стал европейский парламентаризм, деятельность которого вызвала разноречивые суждения и вызвала пристальный интерес.

Мнения как всегда разделились. Часть представителей эмигрантской политической элиты (В. Станкевич, А. Салтыков, А. Керенский, П. Милюков) разделяли и поддерживали европейские парламентские ценности. Например, Павел Николаевич Милюков связывал будущее российского государства со «свободной игрой демократических сил», политической конкуренцией в рамках парламентской системы. Будучи приверженцем такого подхода, он неоднократно выступал с трибуны французского парламента по приглашению местных законодателей и артикулировал свою позицию.

Исследование эмигрантской литературы и периодики позволяет нам утверждать, что подобное восприятие парламентаризма не являлось доминирующим.

События Первой мировой войны, а также реакция западных стран на последовавшие затем революцию и гражданскую войну в России послужили решающим основанием для пересмотра взглядов многих представителей первой волны эмиграции. Традиционная влюбленность российской элиты в Европу сменилась разочарованием, а зачастую жестким неприятием общественного уклада и западных политических ценностей.

Достаточно показательна в этой связи позиция бывшего декана историко-филологического факультета Саратовского университета С.Л. Франка. Автору на шумевшей книге «Крушение кумиров», как, впрочем, и его соратникам, открылись новые, неизвестные раньше черты духовного мира «цивилизованной» Европы². Среди многих «кумиров», рухнувших в сознании русских эмигрантов под влиянием европейских событий, был и «кумир политики», «политического фанатизма вообще», с их непременным атрибутом - парламентской конкуренцией³.

Весьма красноречивую и малоизвестную оценку европейским парламентариям дал один из лидеров зарубежья генерал П.Н. Врангель. С его точки зрения - это «карьеристы, интриганы, люди, жаждущие власти и популярности..., готовые поступиться своими взглядами и убеждениями ради этой власти», а среди них «лидеры партий - сознательные или слепые рабы утопий и идей»⁴.

Солидарную с П.Н. Врангелем позицию занимал другой эмигрантский автор - сторонник монархизма Н.Е. Муров. Он считал, что европейская парламентская система обеспечивает контроль и манипуляцию в отношении общества, ослабляет позиции государства: «Государственной власти надо помогать, парламент же есть собрание безответственных перед народом людей, пришедших «подсидживать» власть в личных целях и тем её растлевать... приходят люди второго сорта, шустрые, болтливые изворотливые...».

Сам принцип борьбы партий, по мнению Мурова, есть «недоверие к власти и осада власти»⁵. А.В. Меллер-Закомельский в изданной в 1923 году в Париже книге полемизирует по вопросам парламентаризма с одним из авторитетов эмиграции Д.С. Пасмаником. Рассуждая о будущем России, автор считает недопустимым «менять коммунизм на европейский парламентаризм..., эту западно-европейскую гниль, мертворождённую идею,

² Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924. С. 3, 25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Врангель П.Н. Начертание зверя. Берлин, 1923. С. 26

⁵ Муров Н.Е. Плоды народовластия. Париж, 1923. С. 77, 93.

в смертных одеждах которой задыхается и гибнет государственная жизнь всей Европы»⁶.

Русские эмигранты-монархисты отмечали ещё одну, смущавшую их особенность парламентской системы, а именно, зависимость от денег. Б. Тур в статье «Учредительное собрание» на примере США убеждал читателей, что в «демократиях» деньги играют подавляющую роль - «выборная кампания в Соединённых Штатах обходится борящимся за власть партиям в сотни миллионов долларов»⁷. Аналогичную позицию занимал Тимофей Локоть, утверждавший, что «политические партии контролируются богатыми людьми»⁸.

Весьма критично к западным выборам относились русские евразийцы. По их мнению, результатом «заискивания перед избирателями», «неисполнимых обещаний» является фактическое отстранение народа от политической власти. С точки зрения Л.П. Карсавина на западе «вся власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты»⁹. Другой лидер евразийства, Н.С. Трубецкой, был убеждён в том, что деспотизм возможен при любой форме власти, включая демократическую¹⁰.

Солидарную с евразийцами позицию занимали Н.В. Устрялов и С.В. Дмитриевский. Грядущий политический миропорядок, как считал последний, будет созидаться «не в пропитанных ложью и предательством кулуарах парламентов, не в канцеляриях продажных соглашательских партий и не в затхлых редакциях «демократической» прессы», а «там, где народ».

С точки зрения С.В. Дмитриевского, «мещанская демократия» обречена самой историей. Предстоящие испытания вынудят монополистический капитал перестроить несоответствующую за-

⁶ Меллер-Закомельский А.В. Страшный вопрос о России и еврействе. Париж, 1923. С. 42.

⁷ Двуглавый орёл. 1921. № 5 от 1 апреля.

⁸ Локоть Т.В. Завоевания революции и идеология русского монархизма. Берлин, 1921. С. 8.

⁹ Карсавин Л.П. Основы политики. Евразийский временник. Париж, 1927. С. 220.

¹⁰ На путях: утверждение евразийцев. Берлин, 1922. Кн. II. С. 296-297.

просам времени структуру власти: «Все публичные дома политики сегодняшнего дня, вероятно, будут разогнаны и закрыты»¹¹.

Критическая позиция в отношении европейского политического мироустройства с годами укрепилась в контексте эволюции и борьбы мнений в среде российской эмиграции.

Представители разных групп, потерявших свою родину русских, пытались разобраться в хитросплетениях политики и определить своё отношение к динамичной западной жизни. Мнения, как водится, разнились. С точки зрения писателя И.Ф. Наживина, Европа уверенно двигалась к очередной бойне. Удивительно точными и проницательными выглядят его суждения, сформулированные ещё в 1930 году, задолго до прихода фашистов к власти в Германии: «Искры тлеют и в России, и в Италии, и в Германии, и в Польше, и на Балканах. Пожар запыхает непременно... впереди не мир, но война»¹².

Автор, увы, подтвердившегося через несколько лет прогноза в своём «Открытом письме» поясняет, почему это неизбежно: «В основании «новой» Европы лежит огромная бочка с динамитом - Версальский договор»¹³.

Особое внимание в изданной в Брюсселе брошюре уделено отношениям России и Германии. В частности, утверждалось, что на этапе преодоления кабального договора эти страны будут союзничать и двигаться в одном направлении. В дальнейшем их пути разойдутся, а отношения вероятнее всего обострятся¹⁴.

¹¹ Дмитриевский С.В. Сталин. Берлин, 1931. С. 16.

¹² Наживин И.Ф. Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову. Брюссель, 1930. С. 18. В мемуарах «Среди потухших маяков» писатель выражает решительный протест против «нового мирового порядка», придуманного странами-победителями по итогам Мировой войны без участия России. Для Наживина слишком очевидны его несовершенство и неизбежность крушения: «докажите мне, что версальские каннибалы, только вчера оравшие на весь мир о «последней» войне... о союзе народов, действительно знают, что делают...» (Наживин И.Ф. Среди потухших маяков. Из записок беженца. Берлин, 1922. С. 4).

¹³ Наживин И.Ф. Глупость или измена? С. 17.

¹⁴ Эта точка зрения в дальнейшем нашла поддержку у многих представителей российской эмиграции. Например, А.И. Деникин, в изданной в 1934 году в Париже брошюре «Международное положение, Россия и эмиграция», прямо указывал на опасность германской экспансии и «восточной»

Отдельной критики со стороны Наживина подвергались те политические круги российской эмиграции, которые, не смотря на гуманистическую риторику, по сути, поддерживали европейских поджигателей войны. Это, по его мнению, в первую очередь, представителями, так называемого, либерально-демократического крыла эмиграции, одним из лидеров которого являлся П.Н. Милюков.

Эти «наивные интеллигенты» (самого Милюкова Наживин считал далеко не наивным человеком), с точки зрения писателя, именуя себя «реальными политиками», «упорно закрывают глаза на истинное положение дел»¹⁵.

Заслуживающая лучшего применения активность по приближению «золотого века счастливых демократий под управлением швейцарских банков»¹⁶ будет иметь роковые последствия не только для Европы, но и для России. Это одна из главных идей «Открытого письма» И.Ф. Наживина П.Н. Милюкову, увидевшего свет в 1930 году: «Вы слащаво разводите мечты о слиянии великих демократий в одну, а в это время ваши великие демократии, в лице своих генеральных штабов, своё дельце делают у вас под носом весьма исправно...»¹⁷.

Весьма показательным, расчётливое и циничное отношение Запада к России, просматривается на примере политики «союзнической» Англии. Обращаясь к истории взаимодействия держав, Н.Е. Муров в своей книге «Плоды народовластия» высказал предположение, что члены британского коалиционного кабинета (по подсчетам автора 17 из 22 были выпускниками Оксфорда и потому считались высококультурными людьми) решили попросту «разделаться» со своей «союзницей»¹⁸.

Это вполне согласовывалось с планами мировой финансовой аристократии в отношении России. «Сперва Монарх России был умышленно оклеветан в измене и нежелании продолжать вой-

программы Гитлера: «Восточная» программа может осуществляться лишь злейшим врагом России и русского народа». (С. 10).

¹⁵ *Наживин И.Ф.* Глупость или измена? С. 7.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Муров Н.Е.* Плоды народовластия. Париж, 1923. С. 32.

ну»¹⁹. Революция, которая через некоторое время произошла в России, развивалась также не без участия английской пропаганды (Г. Вальполь) и особенно дипломатии (Дж. Бьюкенен)²⁰.

Характерно, отмечал Н.Е. Муров, что известие о падении русской монархии было встречено в английском парламенте горячими аплодисментами и энтузиазмом.

Последовавшие в дальнейшем военные кампании и междоусобица в решающей степени финансировались английской стороной. Доказывая это, Н.Е. Муров обращался к выступлению в парламенте в 1919 г. военного министра У. Черчилля.

Поддержка Англией военной кампании в России была обусловлена, в первую очередь, необходимостью реализации британских стратегических замыслов: недопущения захвата немцами ресурсов, продолжения блокады Германии и т. д. Достаточно характерна в этой связи цитата из речи У. Черчилля: «Они (русские. - В.М.) образовали армии по нашему наущению и без сомнения в значительной степени на наши деньги. Такая помощь являлась для нас целесообразной военной политикой»²¹.

Венцом проведенной операции стало заключение в 1919 г. Версальского договора, юридически закрепившего раздел территории бывшей Российской империи и подписанного без участия представителей России. Таким образом, была воплощена в жизнь идея, давно витавшая в головах геополитических противников России, соответственно выражавшаяся в «общественном мнении».

Н.Е. Муров приводит в своей книге фрагмент статьи Эдгара Гранвила из швейцарской газеты «Ревю Политик» (1918. № 32): «Беглого взгляда на географическую карту достаточно, чтобы понять, что падение царизма и вытекающее из него расчленение государства есть лишь первый шаг к мировому равновесию. Чудо-

¹⁹ Муров Н.Е. Плоды народовластия. С. 32.

²⁰ Там же. Здесь Н.Е. Муров поддерживал точку зрения, устоявшуюся в определенных кругах российской эмиграции. Например, журнал «Двуглавый орел» (Берлин) от 1 июля 1921 г. писал: «Великобританский посол сэра Бьюкенен, верный традициям английской дипломатии, навеки вписал свое имя в летопись истории яркими штрихами подлости и предательства».

²¹ Там же. С. 218.

вищное географическое тело, каковым была Империя Царя, делала московитов опасными»²².

Мотивы глубокого разочарования в действиях европейских государств, их реакция на события в России прослеживаются в книгах и статьях Д.С. Мережковского. Так, он писал: «Мы уже давно не ждем от Европы жалости... самые гордые из европейских народов продают им (большевикам - В.М.) честь свою за ничто»²³.

Еще большее возмущение у эмигрантов вызывало стремление западных политиков решить проблемы своих государств, воспользовавшись несчастьем России. А.В. Бобрищев-Пушкин в сборнике «Смена вех» прямо указал на колониальный подход Англии к России. Реализуя свои национально-эгоистические устремления на обширном пространстве от Архангельска до Туркестана, англичане, по мнению автора статьи, занимались откровенным грабежом, стремясь вывезти максимальное количество материальных ценностей из России²⁴.

Весьма скептически оценивая плоды морального прогресса Запада, Н.Е. Муров писал: «Эта современная культура, которой так гордятся передовые государства, в действительности есть по преимуществу культура безжалостная и антирелигиозная... Все эти Бьюкенены, Ллойд-Джорджи, Вильсоны, хотя, может, и соблюдали внешнее благочестие, но поступками своими, которые запечатлены в истории, были людьми глубоко антирелигиозными и являются естественным порождением современной культуры научно-коммерческих знаний»²⁵.

Неотъемлемой частью устоявшихся на Западе культурных ориентиров явилась соответствующая им потребительская культура. С точки зрения Н.Е. Мурова, она была обращена к удовлетворению постоянно возрастающей потребности в роскоши и удовольствиях, способствовала развитию алчности и корыстолю-

²² Муров Н.Е. Указ. соч. С. 98.

²³ Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А. Царство антихриста. Лейпциг, 1922. С. 22.

²⁴ См.: Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // Смена вех. Сб. статей. Прага, 1921. С. 114.

²⁵ Муров Н.Е. Указ соч. С. 37.

бия: «Груд для европейца все более и более превращается в ка-торжную работу, не дающую времени мыслить ни о чем ином как об удовлетворении своих запросов»²⁶.

Именно в отношении к материальным ценностям, с точки зрения автора книги «Плоды народовластия», кроется принципиальное различие между европейцами и русскими. Последние относятся к земледельческим народам, ведущим простой образ жизни, мало заботящимся о накоплении богатства, но при этом «замечательно религиозным».

«Русский правящий класс по сравнению с европейским был просто нищим. Русский человек не работает так, как европеец, не потому, что он ленив. Он ленив именно потому, что не верит, будто цель в жизни заключается в земных соблазнах, до которых так падок европеец»²⁷.

С точки зрения Н.Е. Мурова, в кризисном положении находится не только Россия, но и западное сообщество: «следует думать и заботиться о тех задачах, от которых старательно и умышленно отвлекают внимание народных масс, но без разрешения которых нельзя быть спокойным ни за настоящее, ни за будущее человечества, все более нравственно вырождающегося и ожесточающегося»²⁸.

Что касается России, то трудности переживаемого ею исторического момента связаны не столько с большевистской диктатурой, сколько с тем, что «образованный класс за последние 60 лет утратил русское народное жизнепонимание и слепо приобщился к жестокой западноевропейской философии, культуре корыстолюбия и антирелигиозности».

Доминирующий критический подход в отношении европейского либерализма подытожили в конце 1930-х годов «солидаристы» в легендарных «Зелёных романах». С их точки зрения в эмиграции вновь проявилась извечная беда российского просвещённого класса - слепое подражание и копирование европейских привлекательных образцов, в том числе в области мировоззренческих поисков: «В течение двух последних веков образованное об-

²⁶ Муров Н.Е. Указ. соч. С. 118.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 42.

щество России ставило вопросы её бытия и искало их разрешения не в сущности русской жизни и психики, а в западноевропейской философии, одной из крайностей которой является коммунизм»²⁹.

Идейные вожди Национально-трудового союза нового поколения (НТС НП) весьма критично оценивали увлечение определённой части эмигрантского сообщества европейским фашизмом, а сам фашизм как идея развития вызывал у них большие сомнения: «В приложении к так называемому фашистскому строю и фашистской государственности рано ещё говорить о «новом» строе и «новом» человеке. Период партийных диктатур и диктатур вообще есть период ломки»³⁰.

Особенное неприятие у русских эмигрантов вызывали расовые аспекты европейского фашизма. Они считали невозможным любое угнетение, так называемых, «низших» рас «высшими» с последующей ассимиляцией: «Недопустимо, когда один народ насилует другие». По мнению НТС НП в наибольшей степени этой «заразе» были подвержены немецкий и еврейский народы³¹.

Не меньшей критике подвергалась другая крайность - увлечение европейским либерализмом и связанной с ним политической демократией³².

Особые нарекания вызывала «партийная грызня» и следующие за ней выборы. В погоне за голосами партии дают несбыточные обещания, а сама пропаганда партийных взглядов и программ требует внушительных средств. «Нередко партии, стоящие у власти, достают деньги из государственной казны», выборы же с

²⁹ Муров Н.Е. Указ соч. С. 152.

³⁰ Там же. С. 154. В это области идейных утверждений позиции лидеров НТС совпадали со взглядами С.Б. Струве, который ещё в 1927 году выражал критическое отношение к фашизму. См.: Возрождение. 1927. № 682 от 15 апр.

³¹ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТС НП). Курс национально-политической подготовки. Белград, 1939. С. 109

³² Весьма жёстко авторы «Зелёных романов» оценивали итоги политической демократии в России после крушения монархии в 1917 году: «Если говорить о политической демократии, о правительстве крикунов, адвокатов, профессоров, втиравших очки народу, то век демократии умер вместе с Миллюковым». Национально-Трудовой Союз... С. 155.

их участием превращаются в «унизительную для серьёзных государственных работников шумиху»³³. В «Зелёных романах» по этому поводу приводится мнение французского социалиста Леона Блюма: «Успех выборов зависит от последней предвыборной недели. Всё основывается на минутном настроении масс. Под влиянием пропаганды это настроение быстро создаётся и после выборов столь же быстро исчезает. Во Франции с 1920 по 1931 годы сменилось 21 правительство»³⁴. Сформированный по итогам конкурентной борьбы парламент, «по идее долженствующий быть носителем «воли народной» превращается в арену для сведения партийных счётов»³⁵.

Программное заявление лидеров НТС НП в отношении европейского политического порядка больше напоминает строки из приговора: «Мы отмечаем либерализм, ведущий к деспотизму партий, экономической анархии и духовной опустошённости»³⁶. Этот подход разделяла весьма значительная часть российской эмиграции.

³³ Национально-Трудовой Союз... С. 11.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 15.

«ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА» В ВОСПОМИНАНИЯХ РОССИЙСКИХ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ

Ф.В. Николаи

НГПУ им. К. Минина
кафедра всеобщей истории,
классических дисциплин и права
email: fvnik@list.ru

Ж.Д. Балдуева

НГПУ им. К. Минина
кафедра всеобщей истории,
классических дисциплин и права
email: baldueva.z@mail.ru

В статье рассматривается сложная взаимосвязь социально-политических установок и тактик субъективации советских солдат и офицеров во время войны в Афганистане. На материале полужформализованных интервью исследуется восприятие воспитательной работы разными группами военных: срочниками, прапорщиками и лейтенантами, старшими офицерами.

Ключевые слова: устная история, исследования памяти, ветераны локальных конфликтов, интернализация дисциплины, нарративы, повседневные практики.

«TRAINING AND IDEOLOGY» IN THE MEMORIES OF RUSSIAN VETERANS OF AFGHANISTAN WAR

F.V. Nikolai

(Nizhny Novgorod, Russia)
email: fvnik@list.ru

Z.D. Baldueva

(Nizhny Novgorod, Russia)
email: baldueva.z@mail.ru

The article is devoted to the complex relationship between political frameworks and tactics of subjectivation of Soviet soldiers and officers during the war in Afghanistan. The analysis of semi-formalized interviews allows to differentiate the connections of training and ideology for different military groups: conscripts, warrant officers and lieutenants, and senior officers.

Keywords: oral history, memory studies, veterans of local conflicts, internalization of discipline, narratives, everyday practices.

В феврале 2019 г. исполнилось 30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. Хотя большая часть официальных источников по-прежнему хранится под грифом «секретно», войне 1979-1989 гг. посвящено достаточно много исследований, среди которых широко известны работы Е.С. Сенявской, В.С. Христофорова, Н.С. Авдониной, Т.В. Рабуш и других¹. В англо-американской историографии эта проблематика также вызывает пристальное внимание в связи с военными действиями 2000-х гг. и анализом истоков формирования движения «Талибан»². Но посвящены все эти исследования в основном социально-политическим вопросам, проблемам дипломатических отношений между лидерами Афганистана и руководством СССР / США, а также дискуссиям о нюансах военной стратегии. Феноменология фронтового опыта за редким исключением³ остается в этих работах на заднем плане. Цель данной статьи – не перевернуть или оспорить подобную оптику, но показать важность обеих составляющих военной машины, продемонстрировать сложную взаимосвязь социально-политических установок и тактик субъективации советских солдат и офицеров.

В этом контексте особый интерес представляет вопрос об организации воспитательной работы и ее восприятии разными группами военных: срочниками, прапорщиками и лейтенантами, старшими офицерами. Чаще всего в воспоминаниях последних ее цели описываются функциональным языком поддержания дисциплины: «<...> защита войск от информационно-психологического воздействия противника; изучение и доведение

¹ Христофоров В.С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М., 2009; Рабуш Т.В. Противостояние США и Советского Союза в Афганистане: 1978-1985 гг. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2011; Рабуш Т.В. История противостояния США и Советского Союза в Афганистане (1978-1984 гг.) СПб., 2012; Авдониной Н.С. Метаморфозы исторической памяти о войне в Афганистане (1979-1989) // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 338-346; и др.

² Goodson L. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban. Washington, 2011; Johnson R. The Afghan Way of War: How and Why They Fight. Oxford, N.Y., 2011; Riedel B. What We Won: America's Secret War in Afghanistan, 1979-1989. Washington, 2014; etc.

³ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999; Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136-150.

до войск военно-политической и морально-психологической обстановки в районе боевых действий; разъяснение личному составу боевых задач, обеспечение безусловного выполнения боевого приказа; непрерывное укрепление боевого духа войск; сохранение морально-психологической устойчивости и боевой активности личного состава; выявление и перекрытие каналов информационно-психологического воздействия противника и т.д.»⁴ Насколько это соответствовало действительности и влияло на восприятие войны рядовыми солдатами?

Источниками нашего дальнейшего анализа станут около 40 полуформализованных интервью ветеранов Афганистана, собранных авторами статьи в 2013–2019 гг. и включавших вопрос об организации воспитательной работы. Ответы респондентов, безусловно, в чем-то пересекаются, но имеются и существенные отличия, зависящие от возраста, должности и рода войск. Замполиты описывают воспитательную работу как *систему*, функционирование которой включает несколько уровней. Прежде всего, это занятия, политинформации и специально организованные мероприятия, использующие риторику «интернационализма», «верности военной присяге» и «патриотического духа». В формальной отчетности именно эта составляющая в 1979-1989 гг. играла ключевую роль. Но в рассказах старших офицеров (особенно боевых частей) идеологически окрашенная риторика постепенно отходит на второй план и вытесняется дискурсом эффективности и профессионализма. С этой точки зрения, воспитательная работа выступает дисциплинарным сопровождением боевой подготовки и предполагает доведение до личного состава общих сведений о ситуации в Афганистане, оперативной информации, предостережение от контактов с местным населением или попадания в плен. В ее основе оказывается прагматика выживания. Особенно часто подобный функционализм оказывается востребован в погранвойсках, ВДВ, подразделениях разведки и среди советников афганской армии. Николай (подполковник, 1986-1988): «Если я не буду знать моральную обстановку, то меня поймают ночью, завяжут в мешок и утащат к духам».

Кроме того, важную роль в рассказах старших офицеров играет «личный пример». Леонид Н. (майор, 1979-1980): «Нас обстреливать с минометов начали, и все афганцы пулей побежали в

⁴ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995. С. 176.

арык прятаться. А мне тоже страшно, но я себя заставил не бежать, а шагом идти. Думаю: если побегу как все, они потом уважать перестанут. Я должен показать выдержку, показать пример». С одной стороны, демонстрация своего опыта и «выдержки» позволяет рассказчику претендовать на высокий статус в армейской иерархии. С другой, она становится проявлением популярного нарратива продвижения по службе за счет своих (профессиональных) заслуг.

В тоже время (особенно в интервью замполитов) между этими уровнями макро-идеологической риторики и «личным примером» появляются дополнительные линии взаимосвязи: работа с неформальными солдатскими лидерами, контроль за перепиской с родными, работа с военными корреспондентами и даже обеспечение своевременного снабжения продовольствием и боеприпасами⁵. Эти аспекты воспитательной работы свидетельствуют о важности не просто дисциплинарного контроля «сверху», но о формировании более сложной схемы субъективации или интерпелляции (в терминологии Л. Альтюссера) – двусторонней взаимосвязи интернализации дискурса безопасности и экстернализации опыта выживания⁶.

Следует отметить также, что за рамками таких воспоминаний оказывается целый набор сюжетов и тем, о которых «не принято рассказывать»: скучная бюрократическая рутина, трудные моменты, не вписывающиеся в общую риторику «патриотизма и высокого морального духа», и т.д. Особенно это касается подвижности границ между «своими» и «чужими», в частности таких сложных вопросов, как употребление наркотиков, случаи мародерства, дедовщина и использование физических наказаний для поддержания дисциплины⁷. Подобные сюжеты в рассказах старших

⁵ Дмитрий И. (рядовой, 1984-1986): «Замполит у меня был очень хороший - Рябоконт, - никогда нас голодными не оставлял. Когда Рябоконт ушёл, нам прислали молодого лейтенанта после училища. Такой козёл был: попрекал товарища, что расскажет маме его, где он на самом деле служит. Его аж убить хотелось».

⁶ Воробьева О.В., Николаи Ф.В. «Страх был, но ко всему привыкаешь»: интернализация дисциплины и экстернализация страха в воспоминаниях российских ветеранов локальных войн // Электронный научно-образовательный журнал История. 2018. № 8(72). С. 15.

⁷ Подробнее см.: Кобылин И.И., Николаи Ф.В. «Восточная экзотика» и солдатская прагматика: воспоминания воинов-интернационалистов о войне

офицеров появляются (как нечто экстраординарное) в тех случаях, когда сбой работы советской военной машины представляется почти неизбежным, - например, при описании афганской армии, состоящей из «других». Николай (подполковник, 1986-1988): «Приходилось принимать запрещённые решения. Например, при наступлении организовывать заградотряды, для того чтобы держать полк на позиции».

Гораздо чаще такие пограничные ситуации проявляются в воспоминаниях рядовых. Однако и для них в центре воспитательной работы оказывается скорее дисциплинарная прагматика. Алексей Ж. (рядовой, 1986-1988): «Суть воспитательной работы сводилась в основном к тому, чтобы не погибнуть по глупости». С этой точки зрения, не риторика интернационального долга определяла мотивацию военнослужащих, а прагматика исполнения приказов. Особенно важна подобная функциональность была в подразделениях, активно участвующих в боевых действиях. Леонид М. (сержант, 1985-1987): «Она [воспитательная работа] присутствовала только в учебке, в боевом подразделении было не до этого. Все уже было понятно, на этом никто ни заикливался, на нее не тратили время. Но в зависимости от поставленной задачи и конкретной местности доводили оперативную информацию. Подразумевается, что погранвойска КГБ – это титульные войска, и разведывательная работа шла на соответствующем уровне. Сегодня мы в зоне термезского погранотряда, но завтра мы, условно говоря, вылетим сюда. И через 2-3 часа мы окажемся в другой местности, где могут быть таджики или хазарейцы. И нам дают раскладку: чем эта местность отличается от той в которой мы были: может быть, слова какие-то особенные, народ другой. И это очень помогало. Давали расклад, что мы будем работать в такой-то обстановке: численность населения такова, расклад политических сил следующий, столько-то за этих, столько-то за этих, какие органы власти, - вот что нам рассказывали». Сама же идеологическая риторика вспоминается при этом как обязательный, но бессмысленный ритуал. Александр С. (сержант, 1985-1987): «Надо было отвечать про братскую помощь афганскому народу, защиту южных рубежей нашей Родины. Потом, когда я в разведвзвод по-

пал, у нас вообще этой ерунды не было, мы же все время на выездах были».

В мотострелковых частях информация о местном населении и оперативной обстановке не была столь функционально значима, и потому редко запоминалась. Служившие в них комбатанты чаще упоминают специальные брошюры («Памятки»), в которых описывались обычаи и правила взаимодействия с местным населением. Идеологическая риторика на этом фоне воспринималась гораздо более критически. Иван Ф. (рядовой, 1979-1982): «Политической работы вроде и не было никакой. Сказали, вашей задачей будет разведка троп и караванных путей, биться будете с теми. Никто и понять-то не мог кто свой, кто чужой. Боялись всех. У кого был автомат из местных, боялись вдвойне. Был паренек один, скулил по ночам. Ночью его старшие отмудохали, чтобы не ныл. Вот вам вся воспитательная и политическая работа».

Отдельную группу составляют воспоминания прапорщиков и лейтенантов, для которых в центре воспитательной работы оказывается неформальные дисциплинарные практики - поддержание дисциплины и борьба с дедовщиной. Анатолий (прапорщик, 1980-1981): «Мы, прапорщики и офицеры, каждый вечер беседовали с солдатами. Днём постоянно наблюдали: кто чем занимается. Запоминали в первую очередь то, чем занимались старослужащие. Допустим, наблюдали за их поведением, и если кто-то начинал себя не так вести - грубить молодым, гонять их и т.д., - то фиксировали это в блокнотах. Потом, когда каждый вечер садились все прапорщики в одну палатку и каждые 3-4 случая, которые увидели за день, выносили на обсуждение. Рота большая была, 250 с лишним человек. Поэтому, случаев таких было достаточно. И вот каждый вечер собирались и вызывали к себе провинившихся. Молодежь мы не трогали никогда, только старослужащих. Сначала словесно беседовали с ними, а когда слова не действовали, то и до рукоприкладства доходило, хоть и было это под запретом. Но все это было, конечно, только в воспитательных целях. Замполит на нас, конечно, постоянно кричал за то, что мы их так иногда воспитывали. Объясняли, что они за дело получают». Здесь «воспитание» связывается не с идеологической риторикой или боевой функциональностью, но с поддержанием справедливости и солидарности в солдатском коллективе. И хотя такое понимание «воспитательной работы» явно входит в противоречие с официальной дисциплинарной риторикой замполитов (многие

из которых не пользовались популярностью⁸), оно оказывается тоже связано с функциональностью: речь идет не просто о борьбе с «дедовщиной», но о «правильном» распределении обязанностей - «молодые» выполняют большую часть хозработ и поддерживают порядок в расположении части, более опытные солдаты несут основные тяготы боевых действий. Нарушение этого хрупкого баланса, включая издевательства над «молодыми», ведет к ослаблению коллектива в целом.

Таким образом, отмеченные различия в понимании «воспитательной работы» в Афганистане оказываются связаны с функционированием военной машины, которая ставит перед разными категориями военнослужащих разные задачи. Война в Афганистане привела к перераспределению функций внутри армейского сообщества: идеологическая дисциплинарная риторика в значительной степени потеряла свою актуальность. А после 1985 г. в условиях перестройки она еще активнее стала вытесняться неформальными практиками, ориентированными на прагматику выживания. Возможно, эти практики стали более востребованными и в связи с изменением характера боевых действий: использованием небольших групп (от разведзвезда до батальона). Тактика оказывалась более востребованной в условиях неудачи общей (политической) стратегии. В этих обстоятельствах сержанты, прапорщики и лейтенанты должны были руководить коллективом, используя иные тактики и слова, не связанные с прежней идеологической риторикой. Однако последняя все еще оставалась востребованной на уровне официальных церемоний в расположении части, где боевые соединения редко преобладали по численности. То есть, соотношение официальной советской риторики «воспитательной работы» и неформальных практик накладывалось на разделение «военного» и «армейского» времени / функционала. Именно в этом контексте практики интернализации дисциплины и экстернализации опыта выходят на передний план и оказываются важнее устаревающего идеологического советского языка. С этой точки зрения, индивидуальные различия в

⁸ Анатолий (прапорщик, 1980-1981): «Своих политработники наградили всех. Когда читали наградные листы, то было неприятно и противно это читать. Мы знали, что некоторые из этого списка никогда и никуда не ходили, а к награде приставлены. А честных ребят, которые не выпячивались, не награждали. Награды дают не только ведь за подвиги, но и когда просто служишь хорошо».

воспоминаниях рядовых, прапорщиков и лейтенантов, старших офицеров зависят не столько от конкретной ситуации и личных качеств ее действующих лиц, но подчиняются более общей закономерности - функциональности или прагматике коллективного выживания, которая определяет различия индивидуальных воспоминаний - их зависимость от возраста, времени призыва и воинского звания.

Безусловно, эти выводы носят предварительный характер и нуждаются в уточнении на материалах дневников, воспоминаний и официальных документов (после того, как последние станут открытыми в военных архивах). История войны в Афганистане будет написана еще не скоро. Но материалы военно-исторической антропологии уже сегодня позволяют определить ключевые гипотезы, фиксирующие взаимосвязь субъективного фронтового опыта и коллективных практик выживания на войне, оказавшихся востребованными не только в армии, но и во многом определивших постсоветскую повседневность в 1990-е гг. в целом.

**АРМЯНО-ИРАНСКИЕ СВЯЗИ:
ОБЩНОСТЬ ДРЕВНЕЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И
МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ НАРОДОВ**

В.А. Чолахян

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра отечественной истории
и историографии
e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Армяно-иранские связи, уходящие вглубь веков, традиционно являются одним из интереснейших сюжетов для специалистов. Общность древней духовной культуры обусловила многообразие форм исторического взаимодействия двух народов. Будучи близко живущими народами, армяне и иранцы имеют длительную историю отношений, берущую начало в истории Древнего мира. Армяно-иранские связи представляют собой также ресурс для серьезного интеллектуального и политического осмысления от древних времен до средневековья и событий последних десятилетий.

Ключевые слова: Армения, Иран, духовная культура, религия, язык, экономика, политика.

**ARMENIAN-IRANIAN TIES:
THE UNITY OF ANCIENT SPIRITUAL CULTURE AND
DIVERSITY OF THE FORMS OF HISTORICAL
INTERACTION BETWEEN THE TWO PEOPLES**

V.A. Cholakhyan

(Saratov, Russia)
e-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Armenian-Iranian relations going back centuries are traditionally one of the most interesting subjects for specialists. The commonality of the ancient spiritual culture caused a variety of forms of historical interaction between the two peoples. Being close living Nations, Armenians and Iranians have a long history of relations, which originates in the history of the Ancient world. Armenian-Iranian relations are also a resource for serious intellectual and political understanding from Ancient times to the Middle Ages and the events of recent decades.

Key words: Armenia, Iran, spiritual culture, religion, language, economy, politics.

В Иране и Армении издавна бытует мнение, обычно выраженное во фразе: «Мы близкие народы, нас разъединила религия». Но существует нечто, которое всегда объединяло и продолжает объединять иранцев и армян. Это их индоевропейское родство. Иранцы и армяне - родственные народы, живущие тысячами лет рядом друг с другом. Армянский народ сформировался в непосредственном соседстве с народами Ближнего Востока, в том числе и в значительной мере - Ирана, с древнейших времен находясь с ними в теснейших взаимоотношениях. Это обусловило его многовековое знакомство с историей, культурными ценностями, бытом, обычаями соседних народов, что нашло свое многогранное отражение в письменном наследии, оставленном армянскими историками, летописцами, литераторами.

Пантеон богов древних армян и иранцев представлял собой продукт их самобытного духовного развития под влиянием урартской, хеттской, ассирийской и других культур. Согласно сведениям отца армянской истории Мовсеса Хоренаци, первоначально древнеармянская мифология была представлена такими персонажами, как Хайк, Арам, Ара Прекрасный, Торк, Астгик. Наряду с ассирийскими, индийскими и позднейшими греко-римскими божествами в армянской дохристианской религии имело также несомненное персидское влияние. Так, имя верховного бога Арамазда является транскрипцией иранского Ахуромазды и греческого Ормузда. В древнеармянском пантеоне появились иранские топонимы Ваагн, Анахит, Михра и другие. Причём в отличие от единого иранского Ахура - Мазды, в армянском пантеоне имелись четыре различные Арамазды¹.

В труде Егише «История Армении» приводится одна из письменных фиксаций мифологической теории происхождения мира, составляющей основу персидского маздеизма². В дальнейшем, несмотря на противоречивый характер персидско-

¹ Хоренаци, Мовсес. История Армении. Ереван, 1990. С. 16.

² Армения - Иран. История. Культура. Современные перспективы взаимодействия. М., 2013. С. 66.

армянских контактов начиная с раннего средневековья, по мере распространения в Армении христианства и впоследствии в Персии ислама, процесс культурного обмена и взаимообогащения не прекратился.

Время образования иранского и армянского государств приходится на VI в. до н.э. Армянское царство возникло в период возвышения в Иране Мидии. Её царь Киаксар (625-585 гг. до н.э.), известный тем, что в союзе с Вавилоном разрушил Ассирию, увенчал Паруйра, сына Скайорди, потомка родоначальника армян Хайка (Наук), царской короной за оказанное содействие в ассирийском походе³. Впервые этноним Армения появился в знаменитой Бехистунской надписи персидского царя Дария I, датированной 522-521 гг. до н.э.

Во время походов Александра Македонского Ахеменидская держава в Иране была повержена и наступил эллинистический период в истории человечества. Это способствовало сближению Востока и Запада, что отразилось также на Иране и Армении. Приобщение к эллинистической культуре, а затем и проникновение в Армению идей христианства предопределили поворот армян к греко-римскому миру, к Европе. В эллинистический период армянский пантеон претерпел изменения: местные боги стали срастаться с греческими - Арамазд (Зевс), Тир (Аполлон), Анахит (Артемида), Ваагн (Геркул) и другие.

С III-II вв. до н.э. центр политической и культурной жизни армянского народа постепенно переместился в пределы Араратской долины. Первая царствующая династия Арташесидов правила в Армении почти два столетия. Столицей царства при Арташесе I стал Арташат (Артаксата), город, основанный Арташесом в 176 г. до н.э. в месте, где ему посоветовал карфагенский полководец Ганнибал (короткое время живший в Армении), на реке Аракс, недалеко от старой столицы — Армавира и современного Еревана. Арташат оставался столицей страны до 164 г. н.э.⁴

Наиболее известным представителем династии Арташесидов являлся Тигран II Великий (95-55 гг. до н.э.). В юности он был за-

³ Армения - Иран. С. 36-37.

⁴ Всемирная история / Под ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. М., 1956. Т. 2. Ч. II. С. 275-277.

ложником у парфян, утвердившихся в Иране. Однако, воцарившись, он сам разгромил их, захватил Атропатену и принял титул «царя царей». Тигран II заключил военный и родственный союз с понтийским царём Митридатом Евпатором, женившись на его дочери Клеопатре. При Тигране II Армения превратилась в крупнейшую державу, имела границы от Куры до Иордана и от Средиземного моря до Каспийского. Армянский самодержец ликвидировал царство Селевкидов. Он отстроил новую столицу Тигранакерт, куда насильственно переселил жителей множества греческих городов⁵.

В начале новой эры Армянское царство постепенно утратило самостоятельность и стало предметом для раздора между двумя могущественными соседями - Римской империей и Парфянским государством. Перелом наступил в 52 г., когда энергичный парфянский царь Вологес I Аршакид объявил царем Армении своего брата Трдата. Был установлен союз между Ираном и Арменией, укрепились династические связи между правителями обеих стран - Аршакидами.

Отход армян от иранцев в религиозном плане значительно углубился с приходом к власти в Иране династии Сасанидов (224-651 гг.). В своем стремлении восстановить былую Ахеменидскую державу они встали на путь завоеваний. Война между Ираном и его главным соперником Римской (Византийской) империей приняла религиозную окраску и была возведена в ранг государственной политики. Сасаниды стремились насильственно распространить зороастризм в Армении. Однако в 301 г. при Трдате III (287-330 гг.) христианство было принято государственной религией в Армении. В 60-х годах IV в. сасанидский царь Шапух II (309-379 гг.) учинил разгром в Армении: разрушил ряд её крупных городов и увел в Иран десятки тысяч пленных.

В 450 г. в столицу Сасанидской Персии Ктесифон были вызваны 10 нахараров из Армении и правитель области Гугарк. Их вынудили публично отречься от христианства и принять маздеизм (одну из разновидностей зороастризма). Но когда в Армению приехали персидские жрецы-маги для внедрения персидской ве-

⁵ Армения - Иран. С. 36.

ры, началось стихийное восстание, поддержанное вчерашними отступниками, которые публично покаялись в своём грехе. Успех сопутствовал восставшим. Они обратились за поддержкой к Византии, но помощи не получили. В 451 г. состоялась знаменитая Аварайская битва, вошедшая в сознание армян как героический акт, как победа духа над темными силами. Полководец Вардан Мамиконян с 66 тыс. воинов выступил против превосходящих персидских войск. В этом сражении, по словам историка и очевидца Егише, «цветущие поля были залиты кровью» и «сердце человека разрывалось при виде груд убитых». Девизом сражения стали вещие слова: «Смерть осознанная - это бессмертие». В ходе сражения обе стороны понесли большие потери, а сам Вардан Мамиконян погиб в бою. Аварайская битва была проиграна, однако, встретив упорное сопротивление, персы вынуждены были отказаться от посягательств на религию и самобытность армянского народа⁶.

Продолжительные войны между Ираном и Византией обескровили силы обеих сторон, что облегчило экспансию арабов в Передней Азии. В VII в. Иран и Армения оказалась в составе Арабского Халифата. Лишенные государственной независимости, армяне и иранцы постоянно вели борьбу за свою самостоятельность.

В IX в., с ослаблением арабского Халифата, Армения добилась независимости и в стране утвердилась новая династия Багратидов. Нашествия тюрков-сельджуков и монголов вновь разорили Армению и Иран. Политическая ситуация в Малой Азии, Закавказье и Иране резко изменилась в XV-XVI вв. с возникновением Османской Турции и восстановлением (1502 г.) персидского государства - Сефевидского Ирана. Турецко-иранские войны воскресили в памяти эпизоды древней истории ирано-армянских отношений, когда армяне зачастую выступали вместе с иранцами против римлян и византийцев. Как и в былые времена, их объединила борьба против совместного врага. В 1555 г. состоялся первый раздел Армении между Турцией и Ираном, по которому вос-

⁶ Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2005. С. 156-157.

точная её часть перешла к Ирану, а западная - Турции. В 1639 г. состоялся второй раздел Армении между этими государствами.

Однако была и другая сторона этих войн. В частности, в годы правления шаха Аббаса I (1587-1629) десятки тысяч армян из областей Малой Азии, и Закавказья в целях создания «зоны опустошения», «выжженной земли» перед наступавшими турецкими войсками были переселены в глубинные провинции страны (Исфаган и др.). В Иране образовалась значительная по численности армянская колония.

В начале XVIII в. взоры армян обратились к России. Представитель католикоса Акопа IV Исраэл Ори был принят Петром I и передал ему письмо суникских меликов, в котором говорилось: «Не имеем иной надежды, токмо в Бозе монарха небеснаго, вашего величества на земли государя»⁷. Петр I пообещал оказать армянам помощь по окончании войны со Швецией. Благодаря широкой эрудиции и интеллекту, Исраэл Ори привлёк к себе симпатии царского двора. Не случайно в документе, написанном много позднее по поручению князя Г. Потёмкина, он характеризовался как «муж отличного разума и дарований»⁸.

В 1722 г. произошло восстание армян Сюника под предводительством военачальника Давид-Бека против персидского гнета. Одновременно развернулось освободительное движение в Карабахе (Арцахе).

Усилению прорусской ориентации иранских армян способствовала деятельность купцов армянской торговой колонии Новая Джульфа (Нор-Джуга), расположенной недалеко от Исфагана. В 1747 г. из Нор-Джуги в Россию (Астрахань, затем Москва и Петербург) переселилась семья богатого персидского купца армянского происхождения Л.Н. Лазарева, сыгравшая значительную роль в судьбах армянского народа и становлении армяно-российских отношений⁹.

⁷ Перевод послания армянских меликов Петру I Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II, Ч. I. Ереван, 1964. С. 175.

⁸ *Востриков С.В.* Карабахский кризис и политика России на Кавказе // *Общественные науки и современность.* 1999. № 3. С. 28.

⁹ *Армения – Иран.* С. 56.

В результате русско-иранской войны 1804-1813 гг., по Гюлистанскому мирному договору 1813 г., в состав России вошла значительная часть Закавказья, в том числе и Карабахское ханство (Арцах). Присоединение этих территорий избавило народы Закавказья от нашествий персидских и турецких захватчиков, привело к постепенной ликвидации феодальной раздробленности. Персия не смирилась с утратой Закавказья и, подталкиваемая Англией, вскоре развязала новую войну против России, закончившуюся её поражением. По Туркманчайскому договору 1828 г. к России отошла Восточная Армения в составе Ереванского и Нахичеванского ханств. В марте 1828 г. была образована Армянская область, включавшая Эриванский, Нахичеванский уезды и Ордубадский округ. В 1849 г. была создана Эриванская губерния, состоявшая из Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Норбазетского и Ордубадского уездов. Остальные районы Восточной Армении вошли в Тифлисскую и Елизаветпольскую губернии. Такое административное деление в основном сохранялось до 1917 года.

В период первой Армянской республики 1918-1920 гг. Иран воспринимался как важнейшее окно во внешний мир. Две страны установили тогда между собой конструктивные отношения, а с января 1920 г. в Тегеране работал полномочный представитель Армении Овсеп Аргутян, который назначил консульских представителей или служащих во многих регионах тогдашней Персии. Как писал американский историк армянского происхождения Ричард Ованнисян: «Персидское правительство громко рекламировало свою дружбу с Арменией, превозносило вековые связи между двумя соседствующими народами и выражало надежду, что скоро представится возможность для более тесных политических и экономических отношений»¹⁰.

Падение буржуазной Республики Армения и её последующая советизация отодвинули возможность реализации таких планов на более чем семь десятилетий. Иран был одной из первых стран, признавших государственную независимость третьей Республики

¹⁰ Специфика армяно-иранских отношений. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18131> (дата обращения: 26.04.2019).

Армения. Официальное признание датируется 25 декабря 1991 года. Ещё через полтора месяца - 9 февраля 1992 г. в столице Ирана — Тегеране — была подписана официальная «Декларация об установлении дипломатических отношений между двумя странами» и «Декларация о целях и принципах отношений», подтверждающая намерение сторон об установлении дружеских отношений. В том же году были открыты первые дипломатические представительства Ирана и Армении: в апреле 1992 г. в Ереване состоялась торжественная церемония открытия посольства Исламской Республики Иран, которое в качестве Временного поверенного возглавил Бахрам Касеми, а в декабре было открыто посольство Республики Армения в Тегеране во главе с Ваганом Байбурдяном. В 2007 г. подписано соглашение об образовании и открытии Генеральных консульств на территории двух стран.

На нынешнем этапе армяно-иранские отношения характеризуются высокой интенсивностью визитов на высшем уровне. Так, трижды, начиная с 1992 г., Тегеран посетил первый президент Республики Армения Левон Тер-Петросян, дважды - президент Серж Саргсян, один раз - президент Роберт Кочарян. С официальными визитами бывали в Тегеране премьер-министры страны Грант Багратян и Тигран Саргсян, главы МИД и парламента, члены правительства, другие политические и государственные деятели. В Ереване находились с официальными визитами иранские президенты Сейед Мохаммад Хатами - в 2004 г., и Махмуд Ахмадинежад - дважды в 2007 и в 2011 годах. Многократно посещали Ереван главы иранского МИДа Али-Акбар Велаяти, Камал Харрази, Манучехр Моттаки и Али-Акбар Салехи, другие государственные и политические деятели ИРИ.

В декабре 2017 г. состоялся официальный визит президента Ирана Х. Роухани в Армению. Центральной темой переговоров стала реализация совместных инфраструктурных проектов, в том числе транспортных коридоров Черное море - Персидский залив и Север-Юг. Х. Рухани подтвердил сохранение устойчивого экономического и политического интереса у Ирана к Армении в контексте создания зоны свободной торговли, которая бы способ-

ствовала активизации связей ЕАЭС, и обозначил необходимость существенно нарастить двусторонний товарооборот¹¹.

В сентябре 2019 г. в Нью-Йорке состоялась встреча премьер-министра Армении Никола Пашиняна с президентом Ирана Хасаном Роухани. По мнению аналитиков, прозвучавшие на этой встрече месседжи, свидетельствуют о готовности сторон придать новое качество двусторонним отношениям¹².

Для современной Армении политический образ Ирана является максимально прагматизированным. Иранцы не пытаются вести пропаганду достижений Исламской Республики в идеологическом плане. Они понимают, что чересчур велик разрыв в культурно-цивилизационном плане, и армянские христиане не готовы к восприятию идей исламской революции, ибо для этого в Армении нет культурно-религиозной почвы.

На сегодняшний день армянская диаспора в Иране составляет приблизительно 100 тыс. чел. Согласно довольно либеральному законодательству ИРИ по отношению к меньшинствам они обладают правом свободно исповедовать свою веру и имеют гарантированное представительство в Меджлисе (иранском парламенте) и местных советах. Армянская христианская община является самой многочисленной христианской общиной в Иране. По всей стране функционирует 200 армянских церквей¹³.

Интерес Армении к Ирану обусловлен целым рядом политических и экономических факторов, но, пожалуй, самым весомым среди них является уравновешенная и прагматичная позиция Ирана по карабахскому конфликту. В условиях военного кон-

¹¹ Григорян В. Армения-Иран: пора перейти от слов к делу. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161226/238448208.html> (дата обращения: 27.04.2019).

¹² Армения – Иран: есть ли отношения дальше тостов и благих намерений? URL: <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20180927/14723090/armeniya-iran-est-li-otnosheniya-dalshe-tostov-i-blagih-namerenij.html> (дата обращения: 25.04. 2019).

¹³ Ирано-армянские отношения: исторический опыт и перспективы сотрудничества. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13343-the-potential-and-obstacles-to-armenia-iran-strategic-relations.html> (дата обращения: 27.04.2019).

фликта и последующей блокады Армении экономические отношения с Ираном оказались для неё спасительными.

Общность древней духовной культуры двух народов предопределила и глубокие языковые контакты. В армянском языке много заимствований из персидского на разных этапах его развития. В свою очередь армяне в Иране организовали академическую науку и светскую систему образования, стали выпускать первые в стране газеты и журналы, создали первые типографии, фотостудии и т.д. Торговый путь от Ирана до Китая через Кашмир долго контролировался именно армянскими торговцами.

В ирано-армянском опыте взаимоотношений существует несколько совместных инфраструктурных проектов, самым значительным среди которых, является соглашение, заключенное в 2007 г., согласно которому в обмен на газ из Ирана, Армения поставляет в его северные регионы электроэнергию. Помимо этого, активно развивались и другие сферы сотрудничества: политическая, экономическая, гуманитарная. Например, высокими темпами росли объемы взаимной торговли. В 2010 г. товарооборот между Ираном и Арменией достиг 1 млрд. долларов. Именно в этот период со стороны иранских и армянских политиков высказывались первые идеи о необходимости открытия зоны свободной торговли, которая бы укрепила экономические отношения между странами и ускорила рост товарооборота.

Отношения армян с мусульманами по большей степени были добрососедскими. Более того, сама религия ислама, даже в церковных кругах у армян традиционно воспринималась положительно. В Иране этническое название армян, «армани», стало даже общим обозначением всех христиан страны. Что касается, так сказать, «извечного» армяно-тюркского противостояния, то и это является грубым извращением исторической правды. Со времен проникновения тюрков в Переднюю Азию у армян с ними было, во всяком случае, не больше проблем, чем у других народов региона. С тюрками и позже с монголами в отдельные исторические периоды отношения армян были даже дружескими, а порою и союзническими. Пример союза Киликийской Армении с Золотой Ордой. Армяно-турецкое и армяно-азербайджанское противоречия ни в коей мере нельзя рассматривать в рамках армяно-

тюркских отношений. Более того, и здесь так называемый антагонизм - отнюдь не «первородный», а обусловлен историко-политическими факторами: османским гнетом, посягательством на исконные армянские земли, геноцидом. К тому же, если уж быть точным, азербайджанцы и турки - тюрки только по языку. С истинными же тюрками, народами Центральной Азии - казахами, узбеками, кыргызами, туркменами и проч., - мы всегда дружили¹⁴.

Таким образом, немислимое на первый взгляд тесное партнерство шиитского Ирана и христианской Армении на деле имеет не только весьма глубокие исторические, социальные и политические корни, но и хорошие перспективы.

¹⁴ Асатрян Г. Армения между Востоком и Западом. URL: <https://husisapail.wordpress.com> (дата обращения: 06.05.2019).

ОТРАЖЕНИЕ СИРИЙСКИХ СОБЫТИЙ 2011 ГОДА НА СТРАНИЦАХ «АШ-ШАРК АЛЬ-АУСАТ»

А.В. Баранов

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра всеобщей истории
e-mail: baranovav@mail.ru

В статье анализируется проблема восприятия событий «сирийской весны» 2011 года на страницах ведущей саудовской газеты «Аш-Шарк аль-Аусат». «Арабская весна» в регионе Ближнего Востока дала возможность заявить о себе Саудовской Аравии как о региональном гегемоне. Активная кампания в медиасфере, в частности через «Аш-Шарк аль-Аусат», должна была объяснить позицию саудовских властей и их трактовку происходящих в Сирии событий. Изображая их как народное восстание против диктаторского режима Башара аль-Асада, саудовские медиа готовили почву для активной политики по свержению сирийского режима и обосновывали мысль о неизбежности лидерства Саудовской Аравии в регионе.

Ключевые слова: «Арабская весна», «сирийская весна», Сирия, Саудовская Аравия, Башар аль-Асад, «Аш-Шарк аль-Аусат», Ближний Восток.

THE REFLECTION OF SYRIAN EVENTS OF 2011 ON THE PAGES OF «ASHARQ AL-AWSAT»

A.V. Baranov

(Saratov, Russia)
e-mail: baranovav@mail.ru

The article analyzes the problem of perceiving the events of the «Syrian spring» of 2011 in the pages of the leading Saudi newspaper «Asharq Al-Awsat». The «Arab Spring» in the Middle East region made it possible for Saudi Arabia to declare itself as a regional hegemon. An active campaign in the media sphere, in particular through «Asharq Al-Awsat», should have explained the position of the Saudi authorities and their interpretation of the events taking place in Syria. Representing them as a popular uprising against the dictatorial regime of Bashar al-Assad, Saudi media prepared the ground for an active policy to overthrow the Syrian regime and justified the idea of the inevitability of Saudi Arabia's leadership in the region.

Key words: Arabic spring, Syrian spring, Syria, Saudi Arabia, Bashar al-Assad, Asharq Al-Awsat, Middle East.

Сегодня мы все живем в постиндустриальный век современных информационных технологий, когда информация, получаемая нами из различных источников, становится неотъемлемым атрибутом нашей повседневности. Информация стала не только востребованным продуктом потребления со стороны простых обывателей - «юзеров» рынка информационных услуг, но и важной составляющей в обеспечении национальной безопасности на уровне общества и государства. Подача информации на лентах мировых информагентств, ее компоновка и трактовка тех или иных событий, призвана не только, а скорее даже, не столько информировать потребителя, сколько формировать представления, восприятия и отношение к происходящему. Так называемые «информационные войны», как элементы «мягкой силы» современных государств, призваны решать определенные задачи по подготовке общественного мнения для оправдания конкретных акций государства на внешнеполитической арене.

События на Ближнем Востоке и Северной Африке в 2011 году, получившие в мировых медиа название «Арабской весны», должны были нести четкую коннотацию с европейской «Весной народов» 1848 года, стали очередным «полем битвы» в информационной войне не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Крах традиционной системы региональной безопасности, в результате падения режимов Хосни Мубарака в Египте, Муаммара Каддафи в Ливии, а до них свержение Саддама Хуссейна в Ираке, поставило вопрос о реформативации всей геополитической структуры региона. На место традиционных «тяжеловесов» стали претендовать новые игроки, среди которых оказалась и Саудовская Аравия. Позиционируя себя как «духовный центр» арабского мира и исламской уммы, правители Эр-Рияда в событиях «Арабской весны» увидели хорошую возможность для закрепления своего статуса регионального лидера. Этому способствовало и наличие значительных финансовых ресурсов, и современные вооруженные силы, которые Эр-Рияд активно стал использовать, начиная с ввода ограниченного контингента в марте 2011 года в Бахрейн. Саудовская Аравия с момента начала активной фазы народных антиправительственных движений в Тунисе

и Египте, стала уделять большое внимание продвижению своего концепта разворачивающейся в регионе «Арабской весны». И в этом вопросе в полной мере были использованы открывающиеся возможности ведущих средств массовой информации.

В распоряжении властей Королевства Саудовская Аравия имеется мощный инструмент воздействия на мировое и региональное общественное мнение в виде одного из ведущих арабо и англоязычных ресурсов мира - газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» (араб. «Ближний Восток»).

Газета «Аш-Шарк Аль-Аусат» ведет свою историю с 1978 года, когда два брата Хашим и Мухаммед Али Хафезы, граждане Саудовской Аравии, стали издавать газету в Лондоне на арабском языке. Официально газета выпускалась на средства учрежденной братьями «Саудовской кампании исследований и маркетинга», капитал которой, в свою очередь, предоставил саудовский принц Турки ибн Фейсал Аль Сауд, возглавлявший саудовскую разведку с 1977 по 2001 год¹. Кстати сказать, правящая фамилия Саудовской Аравии до сих пор сохраняет доминирующую позицию в управлении кампании, которая на сегодняшний день превратилась в мощный медиа-холдинг. С 2002 года административный совет «Саудовской кампании исследований и маркетинга» возглавляет саудовский принц Фейсал ибн Салман ибн Абдель Азиз Аль Сауд, сын правящего с 2015 года короля Саудовской Аравии Салмана ибн Абдул-Азиза Аль Сауда.

Сирийская Арабская Республика имеет особое значение для Саудовской Аравии и ее внешнеполитического курса. Позиционируя себя как регионального тяжеловеса, Саудовская Аравия рассматривает Сирию, и все, что с ней связано, через призму своего противостояния со своим основным конкурентом в регионе – Ираном. Дамаск, выступая с периода ирано-иракской войны союзником Исламской Республики, в 1990-е годы лишь укреплял эти отношения, выведя их на стратегический уровень, что не в последнюю очередь было вызвано поспешным «уходом» из региона России, взявшей безоглядный курс на Запад. Таким обра-

¹ Косач Г.Г. «Аш-Шарк Аль-Аусат»: «Международная арабская газета». URL: <http://www.iimes.ru/?p=6461#more-6461> (дата обращения: 13.01.2019).

зом, для Саудовской Аравии, Сирия становилась полем прямого противостояния с Ираном, так как смена власти в Дамаске, серьезным образом изменяла ландшафт региона. В первую очередь, разрывалась, так называемая «шиитская дуга», идущая из Ирана, через Ирак и Сирию в Ливан. Влиянию Ирана в регионе ставился, таким образом, непреодолимый барьер.

Саудовские власти внимательно отслеживали развитие событий в регионе, скептически восприняли заявления президента САР Башара аль-Ассада о том, что Сирия имеет «иммунитет» на подобного рода беспорядки. Комментируя это высказывание редакция «Аш-Шарк Аль-Аусат» отмечает, что все обстоит не так однозначно, как этого бы хотелось. По мнению редакции, получив власть от отца в 2000 году, Башар слишком медленно продвигает свою страну вперед, отказываясь от советского стиля управления. Проводимые робкие либеральные реформы в экономике, не сопровождаются реформами в политике, а критики режима, по привычке, находятся в тюрьме². Все это создает благодатную почву для недовольных правлением Башара аль-Ассада, тем более что у них есть наглядный пример успешных протестов в соседних странах.

Первые призывы к проведению акций протеста также раздаются, как и в других странах, через блоги в Facebook. Причем страницы неизвестных пользователей позиционируются как не принадлежащие ни к какой партии, а лишь являющиеся «защитниками прав человека, сирийских борцов, внутри Сирии и в Европе». Одна из не идентифицированных групп в Facebook, использовала сеть для призыва к проведению «дня гнева» 4 февраля 2011 года, но, несмотря на подписку нескольких тысяч фанов, демонстраций так и не произошло, ни в этот день, ни в последующие дни февраля. Все подобные обращения, размещаемые на Facebook, призывали к «мирным демонстрациям во всех сирийских городах», а также в Канаде, в США, Великобритании, Фран-

² Syrian leader: Arab world protests mark 'new era' // Asharq Al-Awsat. 2011. Jan 31. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-leader-arab-world-protests-mark-new-era> (дата обращения 31.01.2011).

ции, Германии и Австралии. И только 26 февраля в сети появился первый призыв к отставке президента Башара аль-Ассада. Как отмечает редакция «Аш-Шарк Аль-Аусат», из анализа аккаунтов за февраль месяц, можно сделать вывод о росте подобных постов, их репостов среди других пользователей интернета и социальных сетей. Причем, в основной своей массе, пользователями интернета является молодежь, и их требования мало чем отличаются от требований молодежи в других странах региона³.

Первая акция протеста в Дамаске состоялась только 15 марта 2011 года, когда небольшая группа молодежи вышла в один из центральных скверов столицы на мирный митинг с плакатами, требующих реформ в стране, освобождения политзаключенных и борьбы с коррупцией. Причем, несмотря на присутствие полиции, акция закончилась мирно. Никаких арестов и задержаний не было. С этого дня принято вести историю «сирийской весны». Методы протеста были исключительно мирные – митинги, демонстрации, пикеты, сидячие забастовки, собрания, распространения листовок и агитационной литературы. Что бросалось в глаза, при взгляде на первые манифестации протеста, так это то, что они были крайне малочисленны – не более сотни участников, и как правило, в основном молодежь. Пытаясь объяснить эту пассивность народа, «Аш-Шарк Аль-Аусат» заявляет о том, что власти через запугивание и другие формы устрашения, мешают организовать акции в стране, «где рутинно сажают в тюрьмы критиков режима»⁴.

Однако уже 18 марта, по мнению «Аш-Шарк Аль-Аусат», режим аль-Ассада показал свое «истинное лицо», когда силы правопорядка разогнали демонстрации в столице и на юге страны – в Дераа. Причем в Дераа, в результате столкновений с полицией, погибли четверо молодых людей. В их гибели сразу обвинили полицейских. На похороны 19 марта, по словам респондентов га-

³ Calls on Facebook to oust Syria's Assad // Asharq Al-Awsat. 2011. Feb 27. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/calls-on-facebook-to-oust-syrias-assad> (дата обращения: 27.02.2011).

⁴ Security forces disperse protest in Damascus // Asharq Al-Awsat. 2011. Mar. 18. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/security-forces-disperse-protest-in-damascus> (дата обращения 18.03.2011).

зеты, вышло около 10,000 человек. Тысячи скорбящих в похоронных процессиях, призывали к «революции», скандируя «Бог, Сирия, свобода». «Это самый серьезный вызов сирийским властям с начала восстаний в Арабском мире», делает вывод «Аш-Шарк Аль-Аусат» в заключение своего репортажа о событиях в Сирии⁵.

Как оказалось, трагедия в Дераа стала прелюдией для начала массовых акций протеста, которые стали распространяться по стране в последующие дни. Демонстрации, проходившие в поддержку жертв в Дераа, как правило, заканчивались столкновениями с полицией. В результате чего стало расти число пострадавших, задержанных, а также погибших. Согласно сообщениям «Аш-Шарк Аль-Аусат» в гибели мирных демонстрантов были повинны служащие охраны правопорядка. Газета, в данном случае, ссылается на рассказы анонимных очевидцев. Так, например, некий доктор, сообщил, что снайперы расстреливали людей в Дераа, находясь на крышах правительственных зданий. «Мы насчитали 30 человек, застреленных в голову и шею, сотни были ранены», заявил он⁶. При этом, заявления официальных представителей власти о том, что полицейские вооружены только дубинками и щитами, отвергаются газетой как не соответствующие действительности. А сообщения правительственных СМИ о действиях групп неизвестных вооруженных боевиков, расстреливающих как демонстрантов, так и военнослужащих сил правопорядка, объявлялись фейками.

30 марта 2011 года Башар аль-Ассад впервые обратился к народу, попытался успокоить и объяснить политику властей по урегулированию возникшего кризиса. Комментируя сделанные заявления о том, что власти инициируют процесс обсуждения проектов реформ, обозреватель «Аш-Шарк Аль-Аусат» заявил, что «Башар аль-Ассад разбил надежду на прекращение длящего-

⁵ Syria mourners call for revolt, forces fire tear gas // Asharq Al-Awsat. 2011. Mar. 19. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syria-mourners-call-for-revolt-forces-fire-tear-gas> (дата обращения 19.03.2011).

⁶ Six dead in port city as Syrian crisis grows // Asharq Al-Awsat. 2011. Mar. 27. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/six-dead-in-port-city-as-syrian-crisis-grows> (дата обращения 27.03.2011).

ся десятилетия чрезвычайного правления в своем первом выступлении, с которым он обратился к народу. Он так и не произнес фразу о прекращении чрезвычайного положения в стране»⁷. Вместо конкретных шагов по выходу из кризиса, народ услышал череду предостережений и обещаний на будущее. В целом, аль-Ассад упустил свою возможность по деэскалации ситуации в стране, а само обращение расценили как «очень разочаровавшую» речь, от которой ждали большего.

Вместо умиротворения, Сирия продолжила акции протеста, причем в апреле определились наиболее «горячие» точки сопротивления режиму аль-Ассада. Ими стали Дераа, Хама, Хомс и пригороды Дамаска – Дума и Хараста. Именно на эти пункты приходилось большинство жертв столкновений демонстрантов с силами правопорядка. Не было дня, чтобы на страницах «Аш-Шарк Аль-Аусат» не появлялись свежие цифры о погибших. Таким образом, складывалось впечатление о регулярных убийствах мирных граждан силами правопорядка. Читателю внушалась мысль, что режим уничтожает собственный народ.

В связи с тем, что силы правопорядка, фактически, не могли справиться с акциями протеста, власти страны в апреле решили привлечь армию для блокирования ряда населенных пунктов страны, стремясь не дать возможности вооруженным группировкам боевиков свободно маневрировать. Простое блокирование въездов в города, на практике не смогло воспрепятствовать свободному сообщению боевиков между центрами протеста и их снабжению. Это заставило власти решиться на отчаянный шаг по вводу армейских подразделений и тяжелой бронетехники в жилые кварталы городов. Так, 21 апреля 2011 года войска вошли в Хаму, 24 апреля - в Дераа и пригород Дамаска – Думу. «Аш-Шарк Аль-Аусат» прокомментировала это событие, заявив, что: «Решительные действия войск в Дераа и Думе могут свидетельствовать о

⁷ Syria leader dashes hopes of end to emergency rule // Asharq Al-Awsat. 2011. Mar. 31. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syria-leader-dashes-hopes-of-end-to-emergency-rule> (дата обращения 31.03.2011).

намерении Асада сокрушить сопротивление со стороны оппозиции силой»⁸.

Транслируя точку зрения сирийской оппозиции, «Аш-Шарк Аль-Аусат» обвиняла правительственную армию в убийствах, разрушениях и насилиях против мирных граждан, отстаивающих свои права. Так, например, приводились слова жителя города Тель-Келлах Мохаммада аль-Дандаши, сообщившего по телефону, что он насчитал 85 выстрелов из танковых пушек по зданиям города. «Они наказывают нас за демонстрацию протеста против режима», заявил он, сообщив, что видел около 20 солдат, которые засели на крыше больницы и вели огонь по мирным демонстрантам⁹. Тем самым опровергая заявления сирийских властей, что среди демонстрантов находились группы неизвестных вооруженных людей, которые открывали провоцирующий огонь против военнослужащих и сил правопорядка, зачисляя всех погибших в ряды жертв режима Башара аль-Асада.

Правительство Сирии с самых первых столкновений полицейских с «мирными демонстрантами», регулярно сообщало о наличии погибших и раненных со стороны сил правопорядка и армии. В итоге, 15 июня 2011 года, базирующаяся в Великобритании, «Сирийская обсерватория по правам человека», подтвердила наконец-то факты потерь правительственных сил. По данным Обсерватории за три месяца «сирийской весны» количество жертв составило 1297 гражданских лиц и 340 сирийских военнослужащих¹⁰. Однако журналисты «Аш-Шарк Аль-Аусат» нашли этому объяснение. Так, когда в ходе спецоперации правительственных войск в Хомсе, где шли серьезные бои в районе Баб Амро с 11 мая, стали приходить новости о погибших военнослужащих

⁸ Syrian troops storm Deraa, where uprising erupted // Asharq Al-Awsat. 2011. Apr. 25. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-troops-storm-deraa-where-uprising-erupted> (дата обращения 25.04.2011).

⁹ Heavy gunfire heard in Syrian protest town // Asharq Al-Awsat. 2011. May. 15. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/-heavy-gunfire-heard-in-syrian-protest-town> (дата обращения 15.05.2011).

¹⁰ Syria tightens grip on flashpoint despite outcry // Asharq Al-Awsat. 2011. Jun. 15. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/-syria-tightens-grip-on-flashpoint-despite-outcry> (дата обращения 15.06.2011).

Сирийской армии, в «Аш-Шарк Аль-Аусат» заявляли, со ссылкой на сирийских правозащитников, что «их убили представители тайной полиции за то, что те отказались стрелять по демонстрантам». Также со ссылкой на репортажи арабского канала Al-Jazeera рассказывалось о видео, на котором демонстрировались пять раненных сирийских солдат, лежащих на полу больницы в Хомсе. Снимавшие это видео «активисты» утверждали, что эти пятеро были подстрелены своими же сослуживцами за отказ открывать огонь по протестующим¹¹.

По мнению «Аш-Шарк Аль-Аусат» все эти факты говорили о разложении правительственной армии, бойцы которой не хотели стрелять в своих соотечественников, протестующих против произвола и насилия со стороны режима Башара аль-Ассада. «Бойня» в Джиср эш-Шуггуре в начале июня 2011 года должна была подтвердить эти выводы о плачевном состоянии сирийской армии.

Согласно версии, которой придерживалась «Аш-Шарк Аль-Аусат», ссылавшаяся на показания сирийских информаторов, события в городе Джиср эш-Шуггур имели место 6-13 июня 2011 года. Началом их стал расстрел снайперами похоронной процессии. Как заявили информаторы газеты, снайперы были бойцами сирийских спецслужб. Данный акт привел к штурму здания почты, с крыши которой якобы и велся обстрел, разгневанным народом. При штурме погибли шестеро военнослужащих, охранявших здание почты. Это стало сигналом для начала мятежа местных полицейских, которые поддержали народное выступление. Местный военный гарнизон вступил в бой с мятежными полицейскими. Информаторы сообщали, что «смерти солдат и полицейских явились следствием дезертирства в армии». Они также отрицали заявления официальных властей, говоривших о действиях вооруженных боевиков в районе, которые якобы проникли с территории соседней Турции. При этом газета признает, что район Джиср эш-Шуггур исторически являлся оплотом сирийских «братьев-мусульман», поднявших вооруженное восстание

¹¹ Syrian tanks attack two central towns // Asharq Al-Awsat. 2011. May. 29. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-tanks-attack-two-central-towns> (дата обращения 29.05.2011).

против режима аль-Ассада-старшего в 1982 году. Правительственные войска, на какое-то время были вынуждены даже отступить из ряда городских районов. Вышедшее на помощь подкрепление попало в засаду, и было атаковано повстанцами. Только к 12 июню армии удалось перегруппировать свои силы и приступить к полномасштабной военной операции по «зачистке» города от повстанцев, что и было сделано 13 июня. В общей сложности погибли около 120 полицейских, из которых 80 были служащие сил правопорядка самого Джиср эш-Шугтур. Сирийская армия также потеряла только убитыми 110 человек: 82 погибли в городских боях и еще 28 погибли в засаде.

Подводя итоги боев в Джиср эш-Шугтур, газета приводит слова спикера сирийских «братьев-мусульман» Зухейра Салема: «Высказывания МВД о присутствии вооруженных группировок, терроризирующих население Джиср эш-Шугтур – это повод оправдать еще большие преследования и убийства невинных граждан». «Единственные убийцы в Сирии – это банды органов безопасности страны», заявил Салем¹².

Констатируя факты непрекращающихся антиправительственных акций протеста и массового дезертирства из рядов не только армии, но и правящей партии¹³, в «Аш-Шарк Аль-Аусат» приходят к выводу о наличии в стране огромного протестного потенциала, который должен быть организационно оформлен. Однако анализ политической ситуации внутри Сирии, проделанный экспертом газеты Абдулрахманом аль-Рашидом, заставил прийти к неутешительному выводу – какой-либо серьезной оппозиционной организации в стране нет. По словам аль-Рашида, «за исключением отдельных личностей, выступавших с оппозиционными лозунгами, организационно оппозиция структурироваться не смогла». Во многом это «заслуга» властей, которые полностью

¹² Syrian army presses scorched earth campaign in north // Asharq Al-Awsat. 2011. Jun. 14. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-army-presses-scorched-earth-campaign-in-north> (дата обращения 14.06.2011).

¹³ Assad under pressure as hundreds of Baathists quit // Asharq Al-Awsat. 2011. Apr. 28. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/assad-under-pressure-as-hundreds-of-baathists-quit> (дата обращения 28.04.2011).

исключили из политического ландшафта Сирии все оппозиционные группы. Он уверен, что сирийской оппозиции, для консолидации, недостает поддержки со стороны арабов и международного сообщества, которая, например, была у иракской оппозиции в 1990-е годы, когда та противостояла режиму Саддама Хуссейна. Поэтому именно региональные страны, ближайšie соседи Сирии, должны активизировать процесс по организации и централизации оппозиции. Абдулрахман аль-Рашид уверен, что эту консолидацию возможно осуществить только за счет представителей внешней сирийской оппозиции, где организационно сильны позиции сирийских «братьев-мусульман»¹⁴.

Сложности, с которыми начался процесс по консолидации сирийской оппозиции, в дальнейшем сохранялись и так и не были разрешены. Газета «Аш-Шарк Аль-Аусат» проанализировала программные установки основных политических сил, принимавших участие в стамбульском саммите, выявив как совпадающие, так и разъединяющие моменты. Ведущими элементами в структуре сирийской оппозиции, в особенности той, что касается ее заграничной, или «внешней», части, являлись диссидентские круги, выражавшие светские, либеральные принципы, а также исламисты, представленные, в основном, сторонниками «братьев-мусульман».

Отсутствие единства в рядах внешней сирийской оппозиции, отражалось на расколе оппозиции внутри Сирии. Спецификой организации внутренней оппозиции было то, что имея центральные органы управления за границей, главным образом, в Турции, они располагали, в отличие от внешней оппозиции, сетью своих ячеек по всей территории Сирии. Другой отличительной чертой являлось доминирование в их рядах воинственной риторики в отношении правящего режима. Сторонников диалога о возможных мирных путях реформирования страны, среди оппозиционеров было меньшинство. И еще один интересный факт, выделяемый аналитиками «Аш-Шарк Аль-Аусат», отсутствие в их анализе упоминаний о наличии исламистов как отдельной поли-

¹⁴ *Al-Rashed A.* Is there a Syrian opposition? // *Asharq Al-Awsat*. 2011. Jun. 5. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/abdul-rahman-al-rashed/opinion/is-there-a-syrian-opposition> (дата обращения 05.06.2011).

тической силы в составе внутренней оппозиции Сирии на этапе «сирийской весны».

Общий вывод, который можно сделать из вышесказанного сводится к тому, что «сирийская весна» была порождением внутренних факторов в развитии современной Сирии, и носила ярко выраженный антиассадовский характер. Однако практически все оппозиционные силы выражали стремление на активную поддержку со стороны международного сообщества, в той, или иной форме. На фоне серьезного обострения внутривластной ситуации в Сирии в мае 2011 года, в «Аш-Шарк Аль-Аусат» начали появляться аналитические статьи, касающиеся регионального аспекта сирийского кризиса. Пожалуй, одной из первых была статья Али Ибрахима, проанализировавшего развитие ситуации в двух «горячих» точках региона – Сирии и Йемене. С его точки зрения, общая тенденция развития ситуации в регионе бросает региональным державам вызов, на который необходимо реагировать решительным образом, чтобы воспрепятствовать деструктивным процессам и их распространению на другие части региона. В этом отношении, таким странам, как Турция и Саудовская Аравия, которые, являясь «тяжеловесами» в регионе, имеющие общие границы с проблемными странами, должны взять на себя вопросы по урегулированию ситуации в соседних странах, чтобы гарантировать мирный переходный период по смене власти в этих странах. «Переходный период стал реальностью», констатирует Ибрахим, «так что Саудовская Аравия и Турция должны играть более активную роль в политической и экономической поддержке, чтобы ускорить безопасный переход к стабильности» в кризисных странах¹⁵.

Падение режима Башара аль-Асада в Сирии, по мнению экспертов «Аш-Шарк Аль-Аусат», дело уже решенное, оно неизбежно, и это вопрос нескольких месяцев, как были уверены большинство наблюдателей в первой половине 2011 года. Наиболее значимым вопросом для них становилась судьба будущей Сирии. И здесь также наблюдалось единодушие, так как главным проиг-

¹⁵ Ibrahim A. Saudi Arabia and Turkey the “Arab Spring” // Asharq Al-Awsat. 2011. Jun. 8. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/ali-ibrahim/-opinion/saudi-arabia-and-turkey-the-arab-spring> (дата обращения 08.06.2011).

равшим объявлялся Иран. Причем, по мнению ведущего аналитика газеты «Аш-Шарк Аль-Аусат» Амира Тахери¹⁶, Тегеран проигрывает при любом раскладе.

Сирия, таким образом, стала ключевым звеном в противоборстве между Тегераном и Анкарой за региональное доминирование. Турция, фактически, встала на сторону повстанцев, а Тегеран продолжает поддерживать клан аль-Асада. Если Тегеран изменит свою позицию в отношении Сирии, ключ окажется у Турции. Если режим в Дамаске сменится, Ирану придется замолчать как стороннику клана аль-Асада. Если аль-Асаду удастся удержаться у власти через массовую бойню своего народа, тогда Иран окажется вместе с изолированным и обанкротившимся режимом в Дамаске. Поэтому Тегеран является проигравшей стороной в «сирийской весне» и не может претендовать на какие-либо дивиденды в будущем.

Действительно, в затягивании процесса краха режима аль-Асада многие в экспертном сообществе «Аш-Шарк Аль-Аусат» видели, прежде всего «руку» Тегерана. В целом, если говорить о позиции редакции газеты, то она придерживалась критической и воинственной риторики в отношении политики Ирана в Сирии. На ее страницах часто появляются публикации с антииранским содержанием.

Хотя основная критика в поддержке «антинародного» режима Башара аль-Асада шла в адрес Ирана, доставалось и другим партнерам Дамаска. Конечно, накал критики в их адрес был несравнимо меньше, и она не была столь воинственной. Действительно, мы практически не увидим изобличающих статей в адрес, например, Ливана или Ирака. И в данном случае, несколько особняком стоит Россия, которая на протяжении 2011 года не раз инициировала ветирование резолюций по Сирии в СБ ООН. Воспринимая Россию как одну из великих держав, «Аш-Шарк Аль-Аусат» избегала прямых обвинений в адрес Москвы. Но при этом не упускала возможности дать понять о недовольстве занимаемой Россией позицией по сирийскому вопросу.

¹⁶ *Taheri A. Why Iran needs to drop Assad // Asharq Al-Awsat. 2011. Jun. 17. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/amir-taheri/opinion/why-iran-needs-to-drop-assad> (дата обращения 17.06.2011).*

Транслируя на страницах газеты точку зрения сирийской оппозиции, «Аш-Шарк Аль-Аусат», фактически, с ней солидаризируется. Воспроизводя слова лидера оппозиции Бурхана Гальюна, председателя СНС, редакция газеты соглашается, что позиция России «деструктивная». По словам Гальюна, Москва понимает проигрышность своего подхода, и просто хочет выторговать более высокую цену за изменение своей политики в отношении режима аль-Асада¹⁷. Если Россия и далее будет поддерживать режим, она будет вынуждена разделить всю ответственность за те преступления, которые совершил режим и лично Башар аль-Асад против сирийского народа. Естественно, что неоднократное ветирование Россией антисирийских резолюций в СБ ООН, не могло не вызывать возмущения со стороны сирийской оппозиции. Тот же Б. Гальюн в интервью «Аш-Шарк Аль-Аусат» заявлял, что подход России к выработке резолюций, есть попытка «уравнять жертву и палача», тогда как, по мысли лидера СНС, все резолюции по Сирии направлены на то, чтобы наказать «палача», убивающего свой же народ¹⁸.

Стремясь выразить недовольство занимаемой Москвой позицией, «Аш-Шарк Аль-Аусат» размещает на своих страницах информацию, якобы получаемую от своих респондентов в Сирии, демонстрирующую рост недовольства Россией и ее политикой среди простых сирийцев. Например, газета сообщала, что в Дераа, 7 октября 2011 года, прошли манифестации, где протестующие топтали флаги России и Китая в знак протеста против их поддержки режима аль-Асада¹⁹. Также приводились и оскорбле-

¹⁷ Syrian security apparatus only speaks language of repression – Syrian dissident // Asharq Al-Awsat. 2011. Jun. 24. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-security-apparatus-only-speaks-language-of-repression-syrian-dissident> (дата обращения: 24.07.2011).

¹⁸ Syrian Opposition urges UN Security council intervention // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 28. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/syrian-opposition-urges-un-security-council-intervention> (дата обращения: 28.12.2011).

¹⁹ Top Kurd killed in Syria, US calls on Assad to go // Asharq Al-Awsat. 2011. Oct. 8. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/top-kurd-killed-in-syria-us-calls-on-assad-to-go> (дата обращения: 08.10.2011).

ния в адрес России, якобы раздававшиеся из толпы. Но при всей этой критике и обвинений, тот же Б. Гальюн признавал факт важности присутствия России за столом сирийских переговоров, когда заявлял, что СНС сохраняет контакты с Москвой. По его словам, они еще надеются убедить Россию в том, что создание бесполетной зоны, а также буферной зоны, будет служить защитой мирного населения, а не оправданию вооруженного вторжения²⁰. Правда нужно отметить, что к концу 2011 года накал антироссийской риторики спал, и возобладал, в основном, курс на поиск решения посредством переговорного процесса о непризнании Россией режима Башара аль-Асада.

Таким образом, общий вывод, который можно сделать из вышесказанного сводится к тому, что «сирийская весна», с точки зрения саудовских властей, была порождением внутренних факторов в развитии современной Сирии, и носила ярко выраженный антиассадовский характер. Жесткий, непропорциональный ответ на законные требования сирийского народа о демократизации системы и смены власти, привели к необходимости оказания силового сопротивления при помощи соседних стран, в первую очередь, со стороны Турции. Однако затягивание процесса разрешения внутрисирийского кризиса и неспособность Турции объединить сирийскую оппозицию, привели к необходимости расширения внешнеполитической поддержки оппозиции со стороны коллективных усилий арабских и международных организаций. Саудовская Аравия, являясь бесспорным лидером арабского мира и ведущей страной в таких региональных организациях как Совет Сотрудничества арабских государств Персидского залива и Лиги Арабских государств, подготавливала почву для активизации своего участия в разрешении углублявшегося сирийского кризиса, делая ставку на исламскую оппозицию, к созданию которой она и перешла в 2012 году.

²⁰ At least 23 dead in intensifying Syria violence // Asharq Al-Awsat. 2011. Dec. 3. URL: <https://eng-archive.aawsat.com/theaawsat/news-middle-east/-syria-hit-with-turkey-sanctions-army-losses-mount> (дата обращения: 03.12.-2011).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И «ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

УДК 94(47) | 1812 | :271.2(470.332)(09)

ОККУПАЦИЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 Г. И РАЗРУШЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ

Е.К. Аксёнова

кафедра гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых
дисциплин Смоленский филиал СГЮА

А.М. Иванов

кафедра гуманитарных, социально-
экономических и информационно-правовых
дисциплин Смоленский филиал СГЮА
email: aleks-i-82@yandex.ru

В статье рассматривается один из эпизодов оккупации в 1812 г. наполеоновскими войсками территории Смоленской губернии. Православные священники всячески старались сохранить святыни и материальные ценности от расхищения. Некоторые шли на сотрудничество с оккупационными властями, некоторые вдохновляли паству на вооруженное сопротивление.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, оккупация, православные святыни.

THE OCCUPATION OF SMOLENSK GOVERNORATE IN 1812 AND THE DESTRUCTION OF ORTHODOX SHRINES

E.K. Aksenova,

A.M. Ivanov

(Smolensk, Russia)
email: aleks-i-82@yandex.ru

The article is analyzing one of the episodes occupations in 1812 Napoleonic troops of the Smolensk Gubernia territory. Orthodox priests have struggled to save the relics and material assets from plundering. Some went to cooperating with occupation authorities, some inspiration flock to the armed resistance.

Key words: The Patriotic War of 1812 year occupation, Orthodox shrines.

12 июня 1812 г. наполеоновская армия численностью 608 тыс. человек без объявления войны перешла р. Неман и вторглась в пределы Российской империи. Спустя столетие смоленский историк В.М. Вороновский писал: «Вступая в Россию, армия Наполеона сначала шла по губерниям Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской, входившей некогда в состав Польско-литовского государства (как и Смоленская). Литовское и польское население не оказывало сопротивления французам. Вильна восторженно приняла Наполеона и праздновала день его тезоименитства. Минск цветами и музыкой встретил французского маршала Даву, который объявил от имени императора, что армия Наполеона пришла для возвращения полякам отечества. В Могилёве архиепископом при торжественной обстановке в кафедральном соборе возносилась молитва за здоровье Наполеона¹. Могилев был предельным пунктом льготного похода великой армии. За ним началась коренная Русь, и на пути нашего Наполеона резкой гранью залегла граница Смоленской губернии, которую французы называли границей старой России. <...> В коренной русской области народ грудью своей загородил дорогу врагу»².

Позиция Русской православной Церкви в Отечественной войне 1812 г., и в целом в эпоху наполеоновских войн не раз становилась объектом исследовательского интереса историков³. Но относительно Смоленской губернии такая исследовательская задача как самостоятельная до недавнего времени не ставилась⁴.

На территории Смоленщины интервенты появились в конце июля. Но, принимая во внимание повседневные солдатские поведенческие практики той эпохи, разницу конфессий оккупантов и

¹ Поступок архиепископа Могилевского и Витебского Варлаама, принесшего присягу на верность Наполеону и призвавшего сделать то же священников своей епархии, был расценен как измена. – *прим. ред.*

² *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии: 1812-1912. СПб., 1912. С. 89.

³ Например: *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; *Она же.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

⁴ *Сычев Д.* Монашество, духовенство и духовные святые Смоленского края - память о войне 1812 г. // Новая книга России. № 8. М., 2003.

оккупируемых, руководство Церкви загодя побеспокоилось о сохранении православных святынь, да и материальных ценностей. Так, 17 июля 1812 г. Преосвященным епископом Смоленской епархии Иринеем был издан указ, предписывающий духовенству епархии «употребить все средства к сохранению церковного имущества от расхищения неприятеля»⁵. Причты церквей вместе со старостами прятали церковное имущество в стенах, под полами храмов, в куполах на колокольнях, зарывали в землю, а также увозили с собой в более безопасные места.

27 июля 1812 г. по 1-ой Западной армии был издан приказ № 75, в котором, в частности, говорилось: «Русские солдаты должны отмстить злодеям, истребляющим православную веру их, и Бог будет им помощником».⁶ Следуя этому приказу, в деревнях вдохновляемые местными священниками, создаются вооруженные отряды, которые оказывают отпор врагу, не давая разорять свое хозяйство, свои дома и храмы Божьи. Так, священник села Негошева Дорогобужского уезда отец Федор Павлинов с самого начала войны регулярно организовывал беседы с крестьянами, сообщая им последние новости о боевых действиях и возбуждая в них патриотические чувства. Когда наполеоновская армия вступила в пределы Смоленской губернии, он собрал всех прихожан в церкви, объявил им о приближении неприятеля, и велел двое суток держать пост и причаститься, а потом готовиться к достойной встрече врага⁷.

30 августа 1812 г. отряд французских мародеров численностью 70 человек прибыл в село Новоспасское Ельнинского уезда. Прихожане со священником Иоанном Стабровским укрылись за коваными дверями церкви, желая не допустить разграбление храма. После неудачной попытки ворваться в церковь один из солдат выстрелил в окно, но пуля ни кого не задела. Разграбив помещичью усадьбу, дома священников и причту, французы покинули село. После этого отец Иоанн перенес церковную утварь и иконы в безопасное место в лес. За оборону храма отец Иоанн получил

⁵ Вороновский В.М. Указ. соч. С. 91.

⁶ Соколов Н. Смоленская епархия в 1812 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1886 г. № 23. С. 1097.

⁷ Там же.

из рук М.И. Кутузова награду, став одним из священников-орденоносцев⁸.

На своем пути французы не оставляли невредимым не одного храма, расхищали, ломали и уничтожали все, что только привлекало их внимание. В надежде найти церковные ценности они ломали иконостасы, уничтожали иконы, взламывали потолки, стены, поджигали храмы. Так, например, престарелый священник Духово-Рождественской церкви Смоленска Герасим Измайлов был поставлен оккупантами на черную работу и подвергся регулярным побоям. От этих издевательств он умер, но не выдал святыни и драгоценностей своего храма, которые были спрятаны на сени над престолом. В селе Стабна Смоленского уезда священник Емельян Волочков отказался выдавать врагам церковные деньги. Озверевшие мародеры сожгли церковь со всем имуществом, а отца Емельяна привязали за волосы к лошадиному хвосту и потащили по дороге к селу Печерск, а затем обратно в Стабну. От этой бесчеловечной пытки священник скончался. Монахи Болдина монастыря почти все были перебиты французами, но не выдали сокровищ обители⁹. Найденные на престольные антиминсы разрывали на части, используя их в качестве портянок и носовых платков, а в церковные облачения и ризы, одевались во время холодов.

Накануне сражения 4-5 августа 1812 г. смоленский епископ Иринея увез первописанный образ Смоленской иконы Божьей Матери Одигитрии в Москву, а после оставления столицы русскими войсками, образ был перенесен в Ярославль. 25 декабря после изгнания врагов из Смоленска, икона была возвращена в Успенский собор и поставлена на прежнее место. Здесь она находилась до начала 1940-х гг., дальнейшая ее судьба не известна¹⁰.

Годуновский список иконы Смоленской Божьей Матери находившийся к началу войны 1812 г. в Благовещенской церкви (т.к. построенный для нее новый каменный храм не был еще освящен)

⁸ Рафаил (Ивочкин). Ельнинская земля: православные храмы. Смоленск, 2005. С. 91.

⁹ Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864. С. 325.

¹⁰ Вороновский В.М. Указ. соч. С. 129.

оставался в городе до отхода русских войск. На рассвете 6 августа по распоряжению генерала А.П. Ермолова, прикрывавшая отход основных сил русской армии 1-ая артиллерийская рота капитана Глухова взяла образ Смоленской Божьей Матери с собой, «укрывая его от бесчинств и поруганий»¹¹. На следующий день икона Одигитрии была доставлена в русский лагерь. Барклай-де-Толли в своих записках сообщает: «Пресвятая Дева в безопасности, она уже у нас в лагере. Она, в торжественной колеснице, будет постоянно следовать за войсками, и ее будет охранять особенно для того назначенный батальон»¹².

Накануне Бородинского сражения 25-го августа, во время молебна, по приказанию фельдмаршала М.И. Кутузова икона Смоленской Божьей Матери Одигитрии была торжественно обнесена по всем рядам русских войск. Очевидец этого события, Федор Глинка, писал в своих мемуарах: «Духовенство шло в ризах, кадила дымились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала сама собой, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала чалом к земле, которую была готова упоить досыта своей кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли»¹³.

Чудотворная икона находилась в 3-й гренадерской дивизии до изгнания французской армии из Смоленской губернии, а 6 ноября 1812 г., по распоряжению М.И. Кутузова, была возвращена в Смоленск (ровно три месяца пробыв в русских войсках)¹⁴. 16 марта 1813 г. она была перенесена в новую Надворотную Богоматерскую церковь, где находилась до 1941 года. Сейчас эта икона занимает место утерянной первописанной иконы Божьей Матери в Смоленском Успенском кафедральном соборе, придя куда, можно поклониться этой святыне.

6 августа 1812 г. французы вошли в Смоленск. Накануне почти все население города вслед за иконой Божией Матери Одигитрии покинуло город. В занятом городе оставалось не более 1 ты-

¹¹ Суханова В.А. Памятные места Смоленщины. Смоленск, 2002. С. 119.

¹² Там же. С. 119-120.

¹³ Глинка Ф.И. Письма русского офицера. М., 1985. С. 149.

¹⁴ Суханова В.А. Указ. соч. С. 22-23.

сячи жителей, в том числе и первый историк Смоленска священник Н.А. Мурзакевич.

Во время штурма французами города 4-5 августа 1812 г. Никифор Мурзакевич находился на крепостных стенах, благословляя и ободряя солдат и офицеров, исповедуя и причащая раненых, отпевая убитых, но, не покидая поля боя. Все 3 месяца французской оккупации города он фактически был главой православной церкви в Смоленске, защитником местного населения перед французскими властями. Помогал оставшимся в городе раненым, старался спасти городское имущество, достопримечательности, подвергался аресту со стороны французских властей и как говорится в одном из документов, был французами «бит, дран за волосы и бороду»¹⁵. Главной его заслугой стало спасение от разграбления богослужебной утвари и иного имущества Успенского кафедрального собора (по его настоянию Мюрат поставил караул в Успенском соборе) и других церквей города. Именно Мурзакевич был последним собеседником приговоренного к расстрелу П.И. Энгельгардта, принял его завещание и предал земле тело героя¹⁶.

Для спасения церковного имущества ему порой приходилось обращаться к представителям французского командования и оккупационной администрации. Эта забота о Смоленске и привела его 28 октября 1812 г. к пресловутой «встрече с Наполеоном», что и стало впоследствии основанием враждебного отцу Никифору духовенству для несправедливого обвинения в союзнничестве с врагом. Два года длилось «дело Мурзакевича», ему было запрещено священнослужение, и он находился под следствием. За это время наполовину сократилась его семья: умерли мать, жена, две дочери, тетка и воспитанница Софья Каховская. В 1814 г. за отсутствием состава преступления дело было прекращено, а в 1818 г. Никифор Мурзакевич по несколько запоздалому представлению участника обороны города Смоленска 5-6 августа 1812 г. генерала

¹⁵ Тени минувших столетий: очерки истории и культуры Смоленского края конца XVIII - первой половины XIX вв. Смоленск, 2004. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 56-57.

И.Ф. Паскевича был награжден бронзовым владимирским крестом за храбрость¹⁷.

7 августа 1812 г., после захвата Смоленска, сам Наполеон с многочисленной свитой посетил Успенский кафедральный собор. «Он горделиво вошел в храм, не снимая своей знаменитой треуголки. Однако, дойдя до середины, пораженный величием собора, прославленный завоеватель обнажил голову. Его примеру последовала вся его свита»¹⁸.

5 ноября 1812 г. Смоленск был освобожден от французов. В благодарность Пречистой Богородице за избавление от нашествия галлов были установлены крестные ходы в Смоленске 5 ноября и в Вязьме 22 октября¹⁹.

Православная церковь на Смоленщине также пострадала, после «грозы 1812 года» в Смоленске целыми остались только 3 храма (Успенский собор и Сергиевская зимняя церковь Вознесенского женского монастыря), остальные были поруганы, осквернены, разграблены, а некоторые сожжены до основания. Теплый Богоявленский собор был превращен в лазарет, иконостас попорчен, иконы уничтожены, похищена одна половина серебряных царских врат, а другая изломана. Разрушены были престол и жертвенник, похищен антиминс. Авраамиевский монастырь, уцелевший от пожара благодаря тому, что в нем в верхнем этаже жили французские офицеры, а в нижнем располагался хлебный склад. Троицкий монастырь уцелел, но внутри все было настолько разорено, что его предполагалось упразднить. Свирская церковь пострадала внутри, на церковном кладбище французские солдаты разводили костры и поддерживали огонь досками от клиросов и жгли иконы. Петропавловская церковь также была сожжена²⁰.

Не меньше пострадали и сельские храмы Смоленского уезда: церкви в селах Хохлове, Богородицком, Цурикове были сожжены. В селах Панском, Дресне, Катыни, Бобырях храмы остались целы, но имущество было разграблено. В Красном обе церкви - соборная и кладбищенская - были разорены, в обеих церквях разграб-

¹⁷ Тени минувших столетий... С. 57.

¹⁸ Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Смоленск, 2008. С. 177.

¹⁹ Вороновский В.М. Указ. соч. С. 333.

²⁰ Трофимовский Н.В. Указ. соч. С. 325.

лено все имущество, ризница и сосуд. В Дорогобуже были сожжены 3 церкви: Богоявленская, Покрово-Пятницкая и Иоанна-Богословская. Остальные храмы города уцелели, но подверглись поруганию и разграблению.

Болдинский монастырь, брошенный настоятелем игуменом Дорофеем с братией, наполеоновские войска разграбили. Один инок сего монастыря, Алексей, впоследствии иеродьякон, остался в монастыре. «При вступлении французов в монастырь, один из офицеров войдя в собор, сказал: «Виват Наполеону!», требуя от присутствовавшего там монаха Алексея повторения «Виват Наполеону!», на что монах смело ответил: «Виват Александру». В раздражении офицер ударил монаха саблей по щеке, но вновь услышал от него прежний ответ. Офицер вновь замахнулся саблей, но не ударил, а плюнул в Алексея и вышел из храма».²¹ Вскоре захватчики «нагнали, целый монастырь пленных русских воинов, а иных запирали в соборной церкви, местные иконы вынимали из иконостаса на шалаши, а в прочих церквях лошадей ставили, и прочие нелепости творили»²². Монах Алексей благополучно дождался возвращения братии.

В Духовщине при отходе IV корпуса вице-короля Е. Богарне в ночь на 31 октября 1812 г. французы подожгли город. Были уничтожены оба каменных храма и один деревянный²³. В целости осталась только Духовская церковь, из которой были похищены деньги, одежда с престола и жертвенника.

Епископ Феофил писал А.Н. Голицыну в декабре 1812 г. из Вязьмы, что «шестая часть только уцелела от разорения. Из 24 городских церквей осталось только восемь»²⁴. В Троицком соборе французы разрушали все алтари, изломали иконостасы, утварь, ризницу, иконы похитили. Стены колокольни треснули во время пожара, а в уцелевшей части французы устроили соляной склад. Полностью сторел храм Аркадьевского монастыря, остались лишь стены; утварь и ризница исчезли. Введенский храм и церковь

²¹ *Иеромонах Даниил (Сычев)*. Вязьма Очерки истории. М., 1997. С. 45.

²² *Рафаил (Ивочкин)*. Указ. соч. С. 91, 69-70.

²³ *Иванов Ю.Г.* Щит России. Памятники и памятные места Смоленщины. Смоленск, 2006. С. 207.

²⁴ *Вороновский В.М.* Указ. соч. С. 322.

Рождества Христова, сильно пострадал во время боя с французами 22 октября 1812 года.

Богородицкая церковь, тоже пострадала связи с событиями Отечественной войны 1812 г., Е.Н. Клетнова в книге «Отзвуки Отечественной войны», так описывает события тех далеких времен. «В августе 1812 г. перед тем, как город был занят французами, священником Петром Кирилловским с прихожанами у стен храма «спрятаны сундуки с церковной утварью, образами, богословскими книгами», которые после изгнания французов были выкопаны и возвращены в сильно пострадавший от пожара храм. При отступлении армии казаки зажгли Смоленский мост на реке Вязьма, чтобы удержать натиск французов. От него загорелись деревянные лавки, дом священника и церковь²⁵.

Вяземский Свято-Предтечевский мужской монастырь был разграблен и разорен, от церковных и монастырских зданий остались лишь стены. Архимандрит мужского монастыря Апполоний был убит французскими солдатами. Ризница с хранящимися в ней царскими грамотами, библиотека с древними книгами и документами, утварь, иконы, были уничтожены или разграблены. От богатой обители после ухода неприятеля остались лишь обгорелые стены. По сохранившемуся устному преданию, записанному краеведом Е.Н. Клетновой в 1911 г. в книге «Отзвуки Отечественной Войны», говорится, что «вся братия покинула монастырь, кроме старика иеромонаха Иоасафа и послушника Ионы. При обстреле города из орудий иеромонах был убит, а послушник отправился к самому Наполеону требовать людей для рытья могилы и погребения старца». Для этого были отряжены несколько гренадеров²⁶. Желая отдать особую почесть праху убитого старца, солдаты, не придумали ничего лучше, как перевернуть свои головные уборы задом наперед, когда опускали в могилу его бранные останки²⁷.

²⁵ *Иеромонах Даниил (Сычев)*. Вязьма. Очерки истории. М., 1997. С. 113-114.

²⁶ *Сычев Д.* Монашество, духовенство и духовные святыне Смоленского края - память о войне 1812 г. // Смоленские Епархиальные Ведомости. 2003. № 7. С. 47.

²⁷ *Клетнова Е.Н.* Избранные труды. Вязьма, 2008. С. 140.

Все ценное монастырское имущество, в том числе слитки серебра и золота, хотя и были спрятаны братией, отыскали и забрали французы. Всего убытков монастырь понес на сумму в 40 тысяч рублей²⁸.

При освобождении Вязьмы, 22 (4 ноября) октября 1812 г. «...майор Трештатный, шедший во главе своего батальона, гоня французов по Духовской улице, бросился в горевший Предтечев монастырь и спас там многих пленных, запертых французами и обреченных в жертву пламени...»²⁹.

С огромным трудом братия исправила Вознесенский трапезный храм. Каменная трапезная церковь во имя иконы Знамения Пресвятой Богородицы, была повреждена французами до такой степени, что в 1842 г. «вновь переложена с самого фундамента».³⁰ Одигидриевская церковь оставалась в развалинах до 1832 г., освящена была только 1837 году³¹. В церкви Петра и Павла, именуемой в народе Георгиевской, были поставлены лошади, а алтари служили помещениями для французских генералов. В приходно-расходных книгах этого храма под 1812 г. значится следующая запись: «В августе месяце неприятелем унесено 1182 руб. 67 коп. кошелековых денег»³².

В Гжатске не осталось ни одной церкви, только самые дорогие вещи (позолоченные ковчеги, сосуды, евангелие, кресты и ризы) гжатское духовенство спасло, спрятав в ближайшем лесу. Богоявленская церковь настолько пострадала от неприятеля, что, по словам местного священника «стала служить для города не украшением, а только одним безобразием». Крыша на ней была уничтожена, иконы частью сожжены, царские ворота, окна, двери разломаны, потайные места в стенах открыты и находившиеся там антиминсы, книги, лампы, подсвечники были разбиты или по-

²⁸ Трофимовский Н.В. Указ. соч. С. 325.

²⁹ Клетнова Е.Н. Избранные труды... С. 212.

³⁰ Клетнова Е.Н. Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда. Смоленск, 1911. Вып. I. С. 53.

³¹ Краткое описание Вяземского Иоанновского Свято-Предтечева монастыря // Смоленские епархиальные ведомости. 1896. С. 473-481.

³² Клетнова Е.Н. Избранные труды... С. 137.

хищены. Никольская церковь полностью сгорела. Колочский монастырь подвергся беспощадному разорению³³.

В Поречье значительно пострадала соборная церковь. В Сычевском уезде было разорено 13 церквей. И только в Рославле все церкви уцелели, т.к. город находился в отдалении от центра губернии. Сама губерния не смогла бы справиться с восстановлением разрушенного и разоренного хозяйства. Города губернии испрашивали беспроцентную ссуду на восстановление: Смоленск - 1 358 947 рублей, Вязьма - 130 000 руб.; Гжатск - 1 000 000руб., Дорогобуж - 500 000 руб., Поречье - 350 000 руб., Красный - 124 800 руб., Ельня - 60 000 руб., Духовщина - 20 000 руб.³⁴

В этих условиях государство было вынуждено помогать пострадавшим губерниям. Так «смоленское дворянство получило вспомоществование на сумму в 3 552 680 рублей, на продовольствие крестьян и на посевы их полей было роздано 3 081 488 руб., пособие городским жителям из пожертвований Костромской губернии - 2 443 470 рублей. На возобновление Смоленской епархии было отпущено всего - 200 570 рублей, а на пропитание, постройку домов, семян для посева выдано смоленскому духовенству - 281 544 руб.»³⁵.

Долго еще после 1812 г. сказывались на Смоленщине следы наполеоновского нашествия. Медленно восстанавливались из развалин города, села, деревни, соборы и храмы губернии.

³³ Трофимовский Н.В. Указ. соч. С. 325, 356.

³⁴ Вороновский В.М. Указ. соч. С. 332.

³⁵ Там же. С. 333.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ В СОЗДАНИИ САРАТОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А.Н. РАДИЩЕВА

М.В. Зайцев

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра истории России и археологии
e-mail:zaytsev-mv@mail.ru

Роль Саратовской городской думы в создании художественного музея им. А.Н. Радищева неоднозначно оценивалась исследователями. В статье подробно анализируются этапы и нюансы обсуждения думой музейного вопроса. Выясняются причины затягивания подготовки его открытия, а также отношение гласных городской думы к этому начинанию.

Ключевые слова: история России, история Саратова, Саратовская городская дума, Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева, А.П. Боголюбов.

ABOUT ROLE OF CITY AUTHORITIES IN THE CREATION OF THE RADISHCHEV ART MUSEUM

M.V. Zaytsev

(Saratov, Russia)
e-mail: zaytsev-mv@mail.ru

The role of the Saratov City Duma in the creation of Radishchev Art Museum was ambiguously evaluated by researchers. The article analyzes in detail the stages and nuances of the discussion by Duma of the museum problem. The reasons for delaying the preparation of its opening, as well as the attitude of the city council members to this institution, is finding out.

Keywords: history of Russia, history of Saratov, Saratov City Duma, Radishchev Art Museum, A.P. Bogolyubov.

Обстоятельства создания в Саратове Радищевского музея, существующего с 1885 г., неоднократно излагались в работах, посвященных истории этого выдающегося собрания художественных ценностей. Вместе с тем авторы подобных сочинений по-разному оценивали роль Саратовской городской думы в данном событии.

Первым предысторию музея описал В. Шомпулев, поместивший свою заметку в местном справочном издании «Адрес-кален-

дарь Саратовской губернии на 1888 г.»¹. Он сообщал, что инициатива открытия исходила от известного живописца и собирателя предметов искусства А.П. Боголюбова, который стремился увековечить таким путем имя своего деда – А.Н. Радищева. В декабре 1877 г. Боголюбов попросил К.П. Победоносцева способствовать реализации данной идеи и тот довел ее до Саратовской городской думы через делегацию гласных, посетивших его в Петербурге, а параллельно и через губернатора М.Н. Галкина-Враского. Художник предложил городским властям устроить в Саратове помещение для музея, обещая, со своей стороны, пожертвовать коллекцию предметов искусства, а также завещать городу крупную сумму денег для устройства рисовального училища. На заседании 11 января 1878 г. городская дума выразила готовность содействовать осуществлению предложенного замысла и приняла решение построить на средства города каменное здание для размещения обоих учреждений. «В этом же собрании, - пишет В. Шомпулев, - г[осподин] Боголюбов был избран почетным гражданином города Саратова»².

Однако далее дело оставалось без движения до апреля 1880 г., когда губернатор (на тот момент уже бывший) Галкин-Враский письмом на имя городского головы А.И. Недошивина подтвердил решение дарителя пожертвовать свою коллекцию и другие ценности на общую сумму около 100 тыс. руб. Снова начались переговоры, в результате которых составление проекта музейного здания было поручено, по желанию Боголюбова, архитектору И.В. Штрому. Составленный проект предполагал размещение в здании помимо музея еще и биржи, а также магазинов, доходы от которых могли быть направлены на нужды храма искусства. Место для постройки отводилось на Соборной площади, у городского бульвара «Липки». Впоследствии дума нашла неудобным совместить в одном здании музей с биржей и магазинами, поэтому вместо них решила выделить дополнительные помещения только рисовальному училищу и городской публичной библиотеке. Место, первоначально отведенное под строительство, тоже было признано не подходящим, поэтому на заседаниях 30 мая и 21 июня 1880 г. гласные постановили заменить его участком на Теат-

¹ Шомпулев В. Радищевский музей // Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 год. Саратов, 1888. Приложения. С. 38–49.

² Там же. С. 40.

ральной (Хлебной) площади. Тем временем проект Штрома прошел утверждение Техническо-строительного комитета МВД и поступил в городскую думу в сентябре 1881 года.

После этого, утверждает В. Шомпулев, «город, отнесшийся вначале так горячо к мысли основать в Саратове музей, успел уже охладеть к ней и дело об открытии музея снова замолкло»³. Боголюбов, не получая от городского самоуправления никаких известий о ходе своего дела, обратился к губернатору (с 1881 г. этот пост занимал А.А. Зубов) с просьбой содействовать ускорению процесса. В своем письме начальнику губернии от 2 января 1882 г. художник и меценат жаловался на холодное отношение городских властей к его идее: «Вот уже прошло полгода, - писал он, - как не слышу ничего о своем деле, для которого отдал все, что может отдать человек, стремящийся только осуществить идею пользы народному образованию при помощи искусства! Такая холодность к делу самих саратовцев меня очень огорчает, а потому я решился обратиться к Вам, Ваше Превосходительство, и просить Вашего просвещенного содействия к моему делу, поистине благому»⁴.

После этого обращения вопрос о постройке музейного здания принял совсем другой оборот. Благодаря вмешательству А. А. Зубова уже 10 марта 1882 г. дума постановила обязательно приступить к постройке летом текущего года. «Город наш, - писал губернатор 8 февраля 1882 г. в ответ на письмо Боголюбова, - находится в руках купцов, а саратовское купечество, как крыловский петух, предпочитает ячменное зерно жемчужному: «оно не столь хоть видно да сытно». Чтоб побудить думу на расход для изящных искусств, надо много усилий!»⁵.

Наконец, проект здания со всеми изменениями и дополнениями был полностью окончен и 24 апреля 1882 г. утвержден императором Александром III. Исполнение проекта по смете, составленной городским архитектором А.М. Салько в сумме 101.000 руб., 15 октября 1882 г. Дума возложила на исполнительную комиссию, в состав которой вошли гласные А.В. Песков, А.Н. Епифанов, С.Д. Чирихин, И.Д. Шиловцев и И.Т. Нерода. Руководство строительством в техническом отношении взял на себя

³ Шомпулев В. Указ соч. С. 41.

⁴ Цит. по: Шомпулев В. Указ соч. С. 41–42.

⁵ Цит. по: Шомпулев В. Указ соч. С. 42.

И.В. Штром, а ближайшее наблюдение за исполнением работ поручено А.М. Салько. Строительство началось 1 мая 1883 года⁶.

Таким образом, публикация В. Шомпулева демонстрирует в общих чертах перипетии подготовки открытия Радищевского музея. При том, что автор допустил некоторые неточности в изложении фактов (о чем речь пойдет ниже) основанная канва событий передана верно. Относительно роли Саратовской городской Думы необходимо обратить внимание на два аспекта. Во-первых, В. Шомпулев указывает на прохладное отношение городского самоуправления к самой идее создания музея, а также к строительству здания за счет муниципалитета. При этом он опирается на процитированный выше отрывок из письма губернатора Зубова, в котором тот сравнил саратовское купечество, составлявшее тогда большинство гласных думы, с петухом из басни И.А. Крылова. Полностью ее текст выглядит так:

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».
Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

Мораль басни и ее связь с ситуацией вокруг создания музея вполне очевидны. Правда, не совсем ясно откуда губернатор составил именно такое представление о мотивах «отцов города» – из личного общения с ними или чисто умозрительно. Интересно, что в работе В. Шомпулева не сообщается о фактах активного сопротивления членов городского самоуправления проекту музея, если не считать затягивание обсуждения вопроса в думе сознательным саботажем.

Второй любопытный момент состоит в том, что в обсуждении городской Думой музейного дела порой наступали длительные перерывы, которые выглядели для некоторых современников

⁶ Шомпулев В. Указ соч. С. 42–43.

следствием как раз прохладного отношения членов муниципалитета к данной проблеме. Никаких других объяснений этим перебивам автор публикации не дает.

Еще один текст о предыстории и первых годах существования музея опубликовал к его пятилетию первый хранитель этого учреждения А.Л. Куш в журнале «Исторический вестник»⁷. С точки зрения изучаемой темы его статья гораздо лаконичнее работы В. Шомпулева, поэтому она воспроизводит, в основном, те же ключевые этапы прохождения через городскую думу музейного вопроса с декабря 1877 года. Правда А.Л. Куш уточняет, что присвоение Думой Боголюбову звания почетного гражданина Саратова произошло 21 июня 1880 г., а не в январе 1878 г., как полагал предыдущий автор. О причинах проволочек в подготовке муниципалитетом открытия музея ничего не говорится, также не сообщается о противодействии кого бы то ни было из числа гласных самой идее такого учреждения.

В работах советского периода тональность изложения рассматриваемого вопроса резко изменилась. Так, Н.А. Бондарь и И.Н. Стешин – авторы книги «Саратов», вышедшей в серии «Архитектура городов СССР» в 1951 г. – при описании этого сюжета утверждают: «Более 30 лет потребовалось Боголюбову, чтобы при поддержке таких замечательных людей прошлого века, как И.Е. Репин, И.Н. Крамской, В.В. Стасов и др., пробить стену тупости, упрямства и невежества, поставленную царскими чиновниками и «отцами города» на пути его добрых стремлений. Девятнадцать гласных городской Думы подали городскому голове заявление, в котором писали, что загромождение площади лишними постройками создает опасность гостиному двору в пожарном отношении и грозит убытком торговцам. В одном из своих писем к Крамскому А.П. Боголюбов писал по этому поводу, что «вице-губернатор и 50 каких-то ярыг находили, что музей будет мешать городу в гигиеническом отношении». Одно препятствие сменялось другим и на преодоление каждого из них Боголюбову приходилось тратить много сил, терять месяцы и годы. «Дайте мне только крышу и стены, и я употреблю все силы для совмещения в этих стенах всевозможных редкостей науки и искусства», - писал

⁷ Куш А. Л. Радищевский музей в Саратове // Исторический вестник. 1890. № 1. С. 175–185.

он в своем письме от 20 июня 1882 года на имя городского головы Недошивина»⁸.

Вышедшая годом позднее научно-популярная работа Б. Ильина оценивает роль городского самоуправления в не менее мрачных тонах: «Саратовская городская Дума отказалась помочь Боголюбову деньгами, и он взял все расходы на себя. 8 лет шли споры о месте, где строить музей. Гласные думы требовали, чтобы здание было построено не в центре города, как хотел Боголюбов, а где-нибудь подальше от центра. Кроме того, они настаивали, чтобы в нижнем этаже музея находились магазины и биржевое ведомство»⁹. Книга не содержит никаких ссылок на источники информации, поэтому трудно комментировать данные утверждения. По меньшей мере, ошибочным является тезис о принятии всех расходов основателем музея на себя лично, поскольку здание строилось на средства городского бюджета, о чем совершенно определенно писали еще Шомпулев и Куц.

Подобные представления, заложенные в эпоху сталинизма, очевидно преобладали в краеведческой литературе до конца советского строя. Книга «Страницы летописи Саратова», опубликованная в 1987 г., отличается от предыдущих более высоким научным уровнем, но при рассмотрении данного сюжета ее авторы опирались не на источники, а на работы 1950-х годов. По поводу инициативы Боголюбова сообщается: «Но не так-то было просто преодолеть сопротивление реакционных чиновников. Правители города вовсе не желали, чтобы всплыло имя опального Радищева. Восемь лет пришлось хлопотать А.П. Боголюбову об открытии музея, несмотря на то, что его поддерживали В.В. Стасов, И.Е. Репин, И.Н. Крамской и другие замечательные деятели культуры. В своем письме от 20 июня 1882 года к городскому голове Недошивину А.П. Боголюбов писал: «Дайте мне только крышу и стены, и я употреблю все силы для совмещения в этих стенах всевозможных редкостей науки и искусства». Беспремерная борьба закончилась победой внука А.Н. Радищева»¹⁰.

В этом отрывке авторы ссылаются только на работу Б. Ильина, хотя совершенно очевидно, что они опирались также

⁸ Бондарь Н. А., Стешин И. Н. Саратов. М., 1951. С. 52–54.

⁹ Ильин Б. Саратов. Исторический очерк. Саратов, 1952. С. 70.

¹⁰ Казаков Б. И., Казакова Л. Н., Любомирова Л. Н. Страницы летописи Саратова. Саратов, 1987. С. 99.

на сочинение Н.А. Бондаря и И.Н. Стешина и именно из последнего заимствовали цитату из письма. Кроме того, гласные Думы, названные почему-то чиновниками (sic!), обвиняются в нежелании увековечить имя «опального Радищева», хотя наследник престола великий князь Александр Александрович (с 1881 г. - император Александр III) и его наставник К.П. Победоносцев с самого начала знали об этом желании Боголюбова и ничего против него не имели. Трудно представить, что городское самоуправление Саратова было более консервативно настроено, чем эти лица...

Наиболее адекватно основные действия городского самоуправления по созданию музея изложены в издании, составленном сотрудниками этого учреждения к его 125-летию¹¹. Но в нем акцент сделан на фактической стороне, отношение же членов муниципалитета к идее Боголюбова и причины проволочек в ее реализации не рассматриваются.

Таким образом, вопрос о роли Саратовской городской думы в открытии Радищевского музея требует более внимательного изучения. Необходимо выяснить действительно ли гласные в большинстве своем не понимали высокого значения идеи художественного музея и смотрели на него как на «пустую вещь», словно петух из басни. Также стоит попытаться установить истинные причины проволочек, затянувших решение этого вопроса на пять с половиной лет, прошедших между обращением дарителя в декабре 1877 г. и началом работ по строительству здания 1 мая 1883 г. Для решения этих задач следует обратиться напрямую к источникам, в первую очередь – к протоколам заседаний самой Думы.

Получив в конце 1877 г. щедрое предложение, Дума рассмотрела его 11 января 1878 г. и постановила: «приняв сделанное по этому предмету предложение г[осподина] Боголюбова, благодарить его за пожертвование, которое он предполагает сделать городу после своей смерти при чем изъявить согласие на *устройство средствами города нового каменного здания для помещения музея и школы рисования при нем* (выделено мной – М. З.). А чтобы здание это вполне соответствовало предположенной цели в отношении его размеров и удобства расположения разных отделов музея, то городская дума выразила желание получить необ-

¹¹ Саратовский Радищевский музей. Факты. События. Люди. 1885–2010. Саратов, 2010. С. 14, 22–26.

ходимые по этому предмету указания от самого А.П. Боголюбова. О таком постановлении, чрез г[осподина] городского голову, сообщить г[осподину] начальнику губернии, прося его превосходительство уведомить тайного советника Победоносцева, что городская Дума благодарит его за принятое в настоящем деле участие, о чем, независимо от сего, уведомить г[осподина] Победоносцева телеграммой и просить снести с г[осподином] Боголюбовым, проживающим в Париже, о сообщении городу необходимых сведений относительно постройки здания для музея, дабы Дума, смотря по размерам здания, могла приблизительно определить стоимость его и озаботиться своевременно о приготовлении потребной на постройку суммы»¹². Через два дня муниципалитет отправил Победоносцеву телеграмму: «Городская Дума с благодарностью принимает предложение Алексея Петровича Боголюбова с обязательством выстроить на счет города помещение для музея имени Радищева»¹³.

Как видим, уже в самом начале городское самоуправление выказало полную готовность способствовать осуществлению идеи Боголюбова и взять на себя расходы по строительству музейного здания. Необходимо подчеркнуть, что никаких прений вокруг этого постановления не было, никто из гласных не подверг сомнению весь проект или его детали и решение принималось единогласно. Также никаких препятствий не встретило присвоение создаваемому учреждению имени А.Н. Радищева.

Однако в следующий раз музейный вопрос обсуждался на заседании Думы только через два с половиной года – 30 мая 1880 года. В самих протоколах причины такой задержки дела никак не объясняются. Однако можно попытаться выявить субъективные и объективные обстоятельства, которые привели к такому результату.

Прежде всего, городские власти Саратова, да и сам Боголюбов, избрали ущербную форму коммуникации, предполагавшую не непосредственное общение, а контакты через третьих лиц. К.П. Победоносцев и М.Н. Галкин-Враский являлись, безусловно, выдающимися деятелями эпохи, но для них открытие Радищев-

¹² Протоколы Саратовской городской думы (далее – ПСГД) за 1878 г. Саратов, 1879. С. 2–3.

¹³ Цит. по: *Огарева Н.В.* Летопись жизни и деятельности художника А.П. Боголюбова. Саратов, 1988. С. 89.

ского музея, конечно, не было делом первостепенной важности. Уже это создавало неблагоприятную ситуацию для обмена информацией между заинтересованными сторонами, особенно учитывая, что Боголюбов проживал, преимущественно, за границей, а в Россию приезжал sporadически. Кроме того, весной 1879 г. Галкин-Враский был переведен с поста саратовского губернатора на должность начальника Главного тюремного управления и покинул Саратов.

На судьбе вопроса негативно могли отразиться и особенности профессиональных качеств первых лиц городского самоуправления. Городским головой в это время являлся А.И. Недошивин, который, по отзыву осведомленного современника, зачастую уклонялся от выполнения своих служебных обязанностей¹⁴. При нем в городскую управу входили такие люди как М.В. Фомин и В.И. Богомоллов, оба впоследствии уличенные в серьезных злоупотреблениях по службе, из-за чего первый скрылся за границей, а второй попал под суд. Конечно, основным распорядительным органом, принимавшим все ключевые решения, являлась городская Дума, но отрицательные деловые качества людей, занимавших исполнительные должности, вполне могли повлиять на то, что музейный вопрос надолго лег под сукно.

Существовали и объективные обстоятельства, которые в эти годы уводили внимание городского самоуправления в другие стороны. С апреля 1877 по февраль 1878 г. Россия вела войну с Турцией, в связи с чем муниципалитету пришлось нести серьезные дополнительные расходы на военные нужды (прежде всего на размещение раненых и пленных). А зимой 1878–1879 гг. из Астраханской губернии к Саратову приближалась эпидемия чумы, поэтому городским властям пришлось бросить все силы и имеющиеся ресурсы на предотвращение этого бедствия. Нагрузка на муниципальный бюджет резко выросла: сумма всех расходов увеличилась с 636 тыс. в 1877 г. до 886 тыс. руб. в 1878 г.¹⁵ В данных условиях вряд ли имело смысл форсирование музейного дела, сулившего новые и весьма крупные расходы.

¹⁴ *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое. Воспоминания. Саратов, 2013. С. 122–123.

¹⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2816. Л. 16 а–16 г., 82 об–85.

Совокупностью этих причин, вероятно, и объясняется временное прекращение контактов думы с Боголюбовым, тем более что постановление от 11 января 1878 г. предусматривало получение от него дополнительных сведений относительно размеров здания. Городское самоуправление обратилось с соответствующим запросом через доверенных лиц художника - Галкина-Враского и Победоносцева, но, то ли они не передали его, то ли даритель не дал на него ответ, вопрос на два с лишним года просто повис в воздухе. А сам муниципалитет не проявлял активности в данном деле, очевидно, по причинам, изложенным выше. Так или иначе, возвращаясь к проблеме уже в 1880 г. городские власти отмечали, что с первого постановления Думы прошло более двух лет, «дальнейших письменных сношений по этому делу не было и о результатах первого сношения городское управление не имело до последнего времени никаких сведений»¹⁶.

Боголюбов, все это время ожидавший от Саратовской городской Думы активных действий по организации музея и не получавший от нее вестей, даже начал размышлять о передаче своей коллекции Пензе вместо Саратова. О подобных настроениях известно из его собственных воспоминаний, которые составлялись им с декабря 1881 г. до момента кончины в ноябре 1896 г. В конце концов, он не выдержал и поставил Думе ультиматум: либо начнется практическая работа по созданию музея, либо он передаст свою коллекцию другому городу. «Ультиматум возымел действие, - зафиксировал он позднее в мемуарах, - и после жарких споров и жгучих речей за и против господ-думцы решили принять предложение в принципе с тем, чтобы прислать депутацию в Москву для осмотра моих сокровищ и что стоят ли они их затрат. Приехали в дом мой в Москве по Казанской улице господ Недошивин - городской голова и Епифанов¹⁷, люди просвещенные, осмотрели галерею картин, редкости, серебро старое и прочее. И так как это было весьма элегантно установлено, то и выразили мне, что дар мой стоит всякого усердия с их стороны и что они сделают свой честный рапорт»¹⁸.

¹⁶ ПСГД за 1880 год. [Саратов, 1880]. С. 405.

¹⁷ А.Н. Епифанов являлся одним из наиболее влиятельных гласных думы. В 1879 г. он работал членом городской управы, а с 1891 г. сменил Недошивина на посту городского головы.

¹⁸ *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника. Саратов, 1996. С. 159.

Любопытно, что составить текст ультиматума он попросил в марте 1880 г. своего близкого знакомого И.С. Тургенева. Боголюбов привел в своих воспоминаниях и отзыв великого русского писателя о сложившейся ситуации: «Я говорил вам, что ваши саратовцы заставили меня вспомнить басню Крылова «Петух и жемчужное зерно». Ведь город ваш - город зерновых тузов, а потому нельзя было, чтоб они отступились от своих интересов и не стали сейчас на высоте решения предложенной вами задачи. А все-таки, как хотите, Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице вашего деда Радищева, который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян»¹⁹. Весьма интересное совпадение: Тургеневу поведение саратовских «отцов города» напомнило ту же крыловскую басню, что и губернатору Зубову. Явное указание на то, что произведения И.А. Крылова уже в это время представляли собой архетипы общественного сознания.

В протоколах заседаний городской Думы, возвращение к обсуждению музейного вопроса выглядит несколько иначе. Ультиматум, написанный Тургеневым, в них никак не упоминается²⁰, а говорится лишь о письме бывшего губернатора Галкина-Враского, полученном 28 мая 1880 г., через которого даритель сообщал, что в интересах города он допускает размещение в одном здании с музеем зала для биржи и магазинов. Разумеется, сам Боголюбов не мог быть автором такой идеи, данная инициатива исходила от муниципалитета, а конкретно - от городского головы Недошивина. Дело в том, что как раз в это время в Саратове начинала свою работу биржа, которая тоже обратилась в Думу с просьбой выделить ей помещение. На заседании 30 мая 1880 г. Недошивин объяснил гласным, что «мысль о постройке общего здания для музея и биржи возникла лишь из того обстоятельства, что место для музея предполагалось отвести на Театральной

¹⁹ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника. С. 161.

²⁰ По сведениям Н.В. Огаревой ультиматум был послан на имя губернатора (см.: *Огарева Н.В.* Указ. соч. С. 97). Возможно, начальник губернии не стал официально передавать этот текст в думу, а просто ознакомил с его содержанием первых лиц городского самоуправления. Стоит предположить, что городской голова Недошивин предпочел не оглашать ультиматум на заседании, чтобы не вызвать у гласных ответную резкую реакцию, хотя сделал из него правильные выводы.

площади; в этой же местности, по ходатайству Биржевого комитета, предполагается устройство и здания для биржи»²¹. Городской голова заблаговременно уведомил Боголюбова о таком варианте и тот, мечтая ускорить процесс создания своего детища, согласился.

Однако попытка объединить музей в одном здании с коммерческими организациями оказалась контрпродуктивной, поскольку обеспечение биржи помещением на городские средства на какое-то время увело обсуждение в эту сторону. Только в начале заседания гласный Г.Н. Юренев высказался о музее, подчеркнув безусловную необходимость осуществления этого проекта, несмотря на финансовые затруднения муниципалитета. «В настоящее время, - говорил он, - городу делается предложение, которое во всех отношениях для него полезно и устройство здесь художественного музея с рисовальной школой составит одну из самых значительных и важных достопримечательностей города Саратова. Городское управление не может оставаться равнодушным к скорейшему закреплению за городом делаемого ему г[осподином] Боголюбовым своего пожертвования; в особенности после того, как уже состоялось постановление городской думы о принятии в принципе предложения г[осподина] Боголюбова»²².

Эту мысль никто не оспаривал, но прения очень быстро ушли в плоскость обсуждения вопроса о том, должен ли город строить помещение для биржи за свой счет. Если в случае с музеем необходимость принять на себя такой расход казалась очевидной, то выделять деньги организации с коммерческой направленностью деятельности большинство членов муниципалитета не считали возможным. В конечном итоге именно эта точка зрения одержала верх, и Дума отвела только землю под строительство биржи, отказавшись финансировать саму стройку. При этом вопрос о музее «ушел в тень» и к нему вернулись на следующем заседании, состоявшемся через три недели.

21 июня 1880 г. гласные, все-таки видимо сконфуженные собственной инертностью, первым делом единогласно постановили еще раз подтвердить готовность Думы принять щедрый дар Боголюбова, а в знак благодарности присвоить дарителю звание почетного гражданина Саратова. Прения вызвал лишь вопрос о том, где именно нужно поместить музейное здание. Управа предлага-

²¹ ПСГД за 1880 г. С. 388.

²² ПСГД за 1880 г. С. 390–391.

ла три варианта: участок на Театральной площади по линии Никольской ул., часть территории городского бульвара «Липки», напротив ул. Дмитриевская²³, и место на углу Дмитриевской и Никольской ул., принадлежавшее Александровскому ремесленному училищу. Некоторые из гласных считали возможным возвести здание позади Александровского училища на Константиновской ул. Необходимо подчеркнуть, что все эти варианты располагались на пространстве двух – трех городских кварталов, в самом центре города, рядом с важнейшими социально-топографическими объектами Саратова и внутри престижных жилых районов.

В итоге большинство (22 гласных из 29, присутствовавших на заседании) признало основным вариантом участок на Театральной площади как наиболее удобный и соответствующий характеру и целям будущего художественного музея. Интересно, что гласные отвергли идею размещения в здании музея еще и магазинов, посчитав это опасным в пожарном отношении и «по несоответствию совместного существования таких образовательных учреждений, как художественный музей и школа рисования, и с другой стороны заведений промышленных и торговых». Постановление Думы поручало городской управе передать через Галкина-Враского архитектору И.В. Штрому, избранному лично Боголюбовым, для составления проекта план участка на Театральной площади, а также план участка на углу Дмитриевской и Никольской ул., на случай «если бы, почему либо, местность эта была признана составителем плана более удобной для возведения здания художественного музея». От варианта с отведением части бульвара «Липки» решили отказаться (этот вопрос был специально пробаллотирован) и сведений о нем Штрому не посылать. Кроме того, Дума просила архитектора спроектировать здание таким образом, чтобы в нем разместились не только музей и рисовальная школа, но и городская публичная библиотека²⁴.

Боголюбов, получив извещение о таком постановлении Думы, ответил на него письмом со своими частными уточнениями деталей будущего здания. Среди прочего им высказывалось желание, «чтобы городское управление с своей стороны включило в усло-

²³ К концу XIX в. за этой улицей закрепилось другое название – Большая Кострижная.

²⁴ ПСГД за 1880 г. С. 412–413.

вие плана музея – чистые торговые помещения, дабы доходами с оных музей, школа и здание могли ремонтироваться и даже, буде возможно, приносить доход». Таким образом, даритель по собственной инициативе возвращал в проект размещение магазинов, от которого городские власти уже вроде бы отказались. Сложно объяснить причины, по которым Боголюбов настаивал на таком пункте. Возможно, за этим стояло его стремление дать своему детищу прочную материальную базу на годы вперед, чтобы музей и рисовальное училище были обеспечены всем необходимым и после его смерти. Ознакомившись 22 августа 1880 г. с содержанием письма, Дума приняла «соломоново решение» принять его к сведению и оставить обсуждение этого вопроса до получения проекта постройки²⁵.

Казалось бы, дело сдвинулось с мертвой точки, но в следующий раз городское самоуправление вернулось к обсуждению «радищевского вопроса» только 3 марта 1882 года. Новая пауза почти в полтора года опять заставляет искать причины такого промедления. Объективные условия развития Саратова в 1880–1881 гг., мягко говоря, не способствовали осуществлению строительства музейного здания, поскольку этот период ознаменовался новым ухудшением состояния городских финансов. Для Саратовской губернии 1879 и 1880 годы выдались неурожайными, а поскольку муниципальный бюджет в рассматриваемую эпоху очень сильно зависел от состояния аграрной сферы, это немедленно привело к негативным последствиям. Городские доходы год от года заметно сокращались: 1879 г. – 614 тыс., 1880 г. – 596 тыс., 1881 г. – 551 тыс. руб.²⁶ Голодающее и нуждающееся сельское население стало скапливаться в губернском центре, в связи с чем властям пришлось срочно осуществлять благотворительные меры: создавать дешевые столовые, а также организовывать продажу хлеба по сниженным ценам и бесплатную раздачу дров. Несмотря на развернутую муниципалитетом помощь, социальная напряженность оставалась весьма высокой. Во время празднования юбилея царствования Александра II, 19 февраля 1880 г., в зале Коммерческого собрания, среди городских низов распространил-

²⁵ ПСГД за 1880 г. С. 528–529.

²⁶ См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 346. Л. 59–86; Денежный отчет Саратовской городской управы за 1880 год. Саратов, 1882; Денежный отчет Саратовской городской управы за 1881 год. Саратов, 1883.

ся слух, что царь прислал для помощи голодающим 25 тыс. руб., а «господа и купцы проедают эти деньги в клубе, ничего не уделив бедным». Толпа разнесла несколько лавок на Верхнем базаре, уличные беспорядки пришлось ликвидировать мерами полиции, квартира городского головы несколько дней охранялась ротой солдат²⁷. В подобной обстановке городским властям было крайне тяжело вообще разрабатывать проекты на такие «непроизводительные» цели, как строительство здания под музей, стоимостью около 100 тыс. руб. Только весной 1881 г. негативные последствия неурожая пошли на спад.

Еще одну серьезную проблему представляла принятая на себя городским самоуправлением еще в конце 1860-х гг. гарантия доходности Тамбово-Саратовской железной дороги. Выплата, составлявшая 75 тыс. руб. ежегодно, по некоторым причинам муниципалитетом не производилась, долг рос как снежный ком, поэтому в начале 1880-х гг. правительство стало оказывать давление на Саратовскую городскую Думу, требуя его погасить. Не исключалась возможность принудительного взыскания этих средств, что означало бы фактическое банкротство муниципалитета. Так что гарантия «тяжелым камнем висела над нашим городским управлением <...>, угрожая каждую минуту своим падением нарушить муниципальные сметные предположения и свести на «нет» всякие начинания и мероприятия города»²⁸. В эти годы Дума пыталась найти выход из ситуации, причем зачастую в обсуждении железнодорожной гарантии упоминался и Радищевский музей, поскольку средства на обе надобности можно было взять из одних и тех же статей городского бюджета. Только к 1884 г. вопрос с гарантией разрешился в благоприятном для Думы ключе.

Подобные объективные трудности до поры не позволяли городским властям активно взяться за реализацию музейного проекта. Кроме того, летом 1880 г. муниципалитет совершил новую тактическую ошибку, не остановившись на одном конкретном месте размещения здания, а отправив Боголюбову и Штрому сведения для проектирования здания сразу на двух возможных участках. Это породило ситуацию неопределенности, из-за которой, как будет видно далее, дело еще больше запуталось и затянулось. Отвод места под строительство требовал согласования с прави-

²⁷ ГАСО. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 об-3.

²⁸ Славин И. Я. Указ. соч. С. 140.

тельствственными инстанциями, что само по себе процесс заведомо длительный, учитывая неизбежные бюрократические проволочки. Муниципалитет занимался этой работой, исходя из размещения здания на Театральной площади. Разрешение на изменение высочайше конфирмованного плана Саратова было получено в сентябре 1881 года. Параллельно архитектор Штром разрабатывал свой проект и уже в августе 1881 г. отправил его на рассмотрение и утверждение в Техническо-строительный комитет МВД, не согласовав предварительно с думой. После утверждения комитетом проект оказался в муниципалитете.

Остается неясным, по какой причине обсуждение музейного вопроса не возобновилось сразу после этого, то есть осенью 1881 года. Боголюбов, несколько месяцев ожидавший от Думы следующего шага, видимо потерял терпение и начал вновь по разным каналам подталкивать городское самоуправление Саратова к активизации действий. 14 января 1882 г. он послал из Парижа письма губернатору А.А. Зубову, городскому голове Недошивину и даже саратовскому губернскому предводителю дворянства П.А. Кривскому, в которых подчеркивал, что целью создания музея является не его личное возвеличивание, а дело народного образования и увековечение памяти его великого деда – уроженца Саратовской губернии²⁹.

Настойчивость Боголюбова заставила думу вернуться к обсуждению музейного вопроса весной 1882 г., когда на заседании 3 марта выяснилось, что составленный Штромом и согласованный в МВД проект предусматривает строительство здания не на Театральной площади, и даже не на альтернативном участке на углу Дмитриевской и Никольской ул., а на территории бульвара «Липки»... Пока не удалось выяснить как такое могло случиться, если Дума совершенно определенно решила не указывать архитектору на возможность подобного варианта. Очевидно, что по каким-то каналам Штром все же получил эти сведения и почему-то счел территорию бульвара наиболее пригодной для размещения музея. Кроме того, им были спроектированы, по желанию Боголюбова, боковые пристройки к зданию под размещение торговых помещений.

Управа, представляя доклад по этому поводу, выступила за исключение из проекта помещений для лавок «в виду несомнен-

²⁹ *Огарева Н.В.* Указ. соч. С. 104.

ной бездоходности этих помещений, так как избранная для музея местность совершенно неудобна для торговли», с чем большинство членов думы и согласилось. По поводу избранного места никаких возражений высказано не было, а на указание некоторых гласных о необходимости в таком случае нового официального изменения плана города, большинство сочло, что утверждение проекта Штрома коронной властью само собой подразумевает разрешение на соответствующее отведение указанного в нем участка. Согласно постановлению думы городской голова должен был попросить архитектора исключить из проекта торговые помещения, после чего строительство здания началось бы уже в текущем году³⁰.

Необходимо отметить, что на заседании 3 марта 1882 г. присутствовало лишь 26 из 72 гласных городской думы. И, хотя это число являлось достаточным для принятия решений (по закону кворум составлял 1/3 состава), данное постановление было утверждено абсолютным меньшинством городского самоуправления, в связи с чем впоследствии оказалось довольно много недовольных им. В управу стали поступать заявления, как от некоторых гласных, так и от не входивших в Думу саратовских граждан, о неудобстве размещения музея на бульваре, так как это уничтожило бы значительную часть единственного места в городе, где жители могли отдохнуть летом от духоты и пыли, а также разрушало гармонию планировки Соборной площади, на которой размещены «Липки», и наносило ущерб виду на соборный храм, находящийся в ее центре.

Для окончательного выбора места строительства городские власти вызвали в Саратов архитектора Штрома. Осмотрев, в начале апреля, вместе с представителями муниципалитета все возможные варианты размещения музея (включая имеющиеся дома, которые город мог бы приобрести или арендовать для этой цели), автор проекта признал оптимальным строительство здания на Театральной площади. Он также гарантировал, что изменение городского плана и согласование всех нюансов в Технико-строительном комитете МВД пройдет максимально быстро. Возвращение к варианту с Театральной площадью возродило намерение создать лавки, только теперь они должны были не примы-

³⁰ ПСГД за 1882 г. [Саратов, 1882]. С. 122–130.

кать к основному зданию, а размещаться в специальных строениях на некотором отдалении от него.

Во время обсуждения этих изменений Думой 9 апреля 1882 г. гласные М.Е. Шерстобитов, И.Н. Уфинцев и П.И. Шмидт высказались против размещения музея на Театральной площади, поскольку это, как они считали «стеснит торговлю и местных торговцев и лишит их возможности спастись в случае пожаров». Особенно резко они возражали против постройки лавок при музее. В качестве альтернативы указанные лица предлагали отвести другое место под строительство (на бульваре, на Митрофаньевской и Горянской площадях) или приобрести готовое здание. Большинство не согласилось с их доводами и оставило в силе ранее утвержденный вариант³¹.

Однако меньшинство не собиралось сдаваться. Через несколько дней городскому голове поступило заявление от 19-ти гласных, которые настаивали на пересмотре Думой решения о строительстве здания на Театральной площади. Их мотивация вращалась вокруг тезиса, что эта стройка обезобразит одну из красивейших центральных площадей Саратова. В качестве более подходящего варианта для размещения музея заявление упоминало Соборную площадь (то есть участок в «Липках»). Кроме М.Е. Шерстобитова, И.Н. Уфинцева и П.И. Шмидта документ подписали В.Я. Агафонов, Х.Ф. и В.Ф. Никитины, С.Е. Жегин, Е.Я. Горин, И.И. Шумилин и др. Характерно, что все 19 гласных являлись купцами, причем, весьма богатыми. Некоторые из них обладали миллионными состояниями, в связи с чем Боголюбов напрасно назвал их в своем письме Крамскому «ярыгами»³².

При обсуждении данного заявления 22 апреля выяснилось, что среди его авторов нет единого мнения по вопросу о наилучшей альтернативе размещения музея. Ими предлагались различные варианты, озвученные еще на предыдущем заседании Думы, следовательно, главной их целью являлось предотвращение строительства именно на избранном и утвержденном ранее месте. В дебатах они приоткрыли истинную причину своего сопротивления. Протокол Думы фиксирует: «Гласные И.Н. Уфинцев,

³¹ ПСГД за 1882 г. С. 168–174.

³² В XIX в. слово «ярыга» или «ярыжка» чаще всего использовалось в значении «пьяница», «беспутный человек». Подобного рода контингент обычно в большом количестве собирался на торговых площадях и ярмарках.

И.И. Шумилин и другие говорили, что лавки ни в каком случае не следует строить на Театральной площади». Очевидно, появление новых торговых помещений, которые могли составить конкуренцию уже существующим, затрагивало личные коммерческие интересы этой группы «отцов города». Но большинство Думы, состоявшее, в том числе, и из купцов, преодолело их сопротивление, и место на Театральной было окончательно утверждено³³.

Май и июнь месяцы 1882 г. заняло уточнение и согласование деталей проекта здания всеми причастными сторонами, прежде всего – городской управой и архитектором Штромом. На 24 июля были назначены торги по сдаче подряда на строительство, но по коллективной просьбе потенциальных подрядчиков они несколько раз переносились и состоялись только 16 сентября. Подряд получил М.Н. Репин, взявший на себя обязательство выстроить здание для музея за 95,6 тыс. руб. Однако уже через несколько недель предприниматель отказался от своего намерения (причины такого решения в источниках не зафиксированы), что опять вернуло музейный вопрос в состояние неопределенности. Обсудив ситуацию, Дума признала бесполезным устраивать новые торги на сдачу подряда и постановила осуществить стройку хозяйственным способом, т. е. непосредственно самим муниципалитетом. Для этого 12 ноября избрана исполнительная комиссия в составе: А.В. Песков, А.Н. Епифанов, С.Д. Чирихин, И.Д. Шилловцев и И.Т. Нерода³⁴.

На этом организационная часть подготовки к созданию музея должна была закончиться, но противники его размещения на Театральной площади предприняли еще одну попытку добиться своего. Они снова внесли в Думу заявление за подписью 19 гласных. Это число совпадает с количеством подписавших аналогичное заявление в апреле, и, хотя несколько фамилий, стоящих под текстом отличались, очевидно, что костяк данной группы оставался прежним – М.Е. Шерстобитов, И.Н. Уфинцев, П.И. Шмидт, В.Я. Агафонов, С.Е. Жегин, Е.Я. Горин, И.И. Шумилин и др. Видные представители купечества просили, чтобы избранная 12 ноября комиссия «прежде чем приступить к постройке или подготовительным для нее работам, предварительно собрала сведения

³³ ПСГД за 1882 г. С. 192–195.

³⁴ Там же. С. 349–353, 391–396, 403–404.

о том, не возможно ли временно поместить музей в наемном здании или приобрести для него собственное здание»³⁵.

Для аргументации своего предложения заявители указывали, во-первых, на недостаток наличных средств города. Они напоминали о железнодорожной гарантии, все еще висевшей над городским самоуправлением «дамокловым мечом». Кроме того, утверждали, что муниципалитету «предстоит безотлагательное удовлетворение самой насущной для него потребности регулирования течения Волги, приносящей городу громадный убыток». Имелась в виду проблема обмеления речного русла в прибрежной зоне около Саратова, из-за которого затруднялась погрузка и выгрузка товаров, перевозившихся судами. «Вот куда, прежде всего, должны, по мнению гласных, стремиться городские наличные средства – к разрешению жизненного вопроса в отношении будущего благосостояния Саратова, тогда как музей составляет только украшение, известную роскошь эстетического образования, возможную только после удовлетворения насущных потребностей»³⁶.

Другой аргумент, приведенный в заявлении, заключался в утверждении, что назначение музея – приносить пользу не только городу, но и окрестному населению, поэтому в его создании должны участвовать губернское и уездное земства. Это опять-таки увязывалось со стесненными средствами городского бюджета, поскольку содержание музея и рисовального училища потребует «громадных затрат». Также высказывалось сомнение в наличии юридических гарантий передачи Боголюбовым своей коллекции городу. Исходя из всех высказанных мотивов, заявители считали покупку готового здания для музея наименьшим риском для муниципальных финансов.

Демарш гласных, подписавших данное заявление, изначально был обречен на провал, прежде всего потому, что конкретная работа по строительству здания уже началась. Комиссия, избранная 12 ноября, не стала откладывать дело в долгий ящик и в ближайшие дни организовала торги по сдаче подряда на земляные работы, привязанные, естественно, к определенному участку на Театральной площади. Кроме того, высказанные протестующими соображения, уже неоднократно обсуждались Думой ранее, по-

³⁵ ПСГД за 1882 г. С. 445.

³⁶ Там же.

этому не стоило больших усилий раскритиковать их во всех подробностях. На заседании 25 ноября, где обсуждалось заявление, его авторам первыми возражали члены комиссии по постройке здания музея – И.Т. Нерода, С.Д. Чирихин и А.Н. Епифанов. Выступление последнего оказалось наиболее ярким и проливающим свет на истинные мотивы лиц, подписавших эту бумагу. Епифанов сам являлся купцом и прекрасно знал изнутри торгово-промышленный мир Саратова³⁷. «Вопрос о постройке Радищевского музея, – говорил он, – тянется пятый год и дело об этом 9 раз докладывалось городской Думе, которая приняв [по]жертвование всех благодарила, а г[осподина] Боголюбова избрала почетным гражданином г. Саратова, а также избрание получило Высочайшее утверждение Государя Императора. Для составления плана и избрания местности вызывался в Саратов профессор архитектуры г[осподин] Штром и план музея по желанию Думы вторично изменен с Высочайшего утверждения и одобрения. Два раза составлялось постановление о том, чтобы здание музея поставить на Театральной площади и каждое из этих постановлений вызывало со стороны гостинодворцев протесты, счетом до пяти и даже подачу одного протеста в неподлежащее место. Во всех этих протестах выставлялось на вид желание охранить интересы города; но когда в начале было предположение построить здание музея на бульваре, протестов не было, стало быть интересы города страдают только при возведении здания на Театральной площади, но почему же это так и нельзя ли видеть в этом случае не интересы города, а личные интересы протестующих, с которыми думе приходится бороться в этом деле, также и в деле о городских землях, занятых пристройками гостиного двора»³⁸.

Епифанов в своем выступлении прямо указал на фактор, объединявший группу гласных в их стремлении предотвратить появление музея на Театральной площади, а именно – принадлежность к новому Гостиному двору, располагавшемуся как раз рядом с участком, выделенным под строительство. Они видимо опасались, что проектируемое здание само по себе стеснит торговлю

³⁷ В этой связи стоит упомянуть, что он входил в правление Саратовского общества взаимного кредита.

³⁸ ПСГД за 1882 г. С. 447–448. Стилистика и пунктуация оригинала сохранены.

здесь, уменьшив полезное пространство. Еще больше им не нравилась перспектива появления связанных с музеем новых торговых помещений, способных составить конкуренцию существующим. Возможно также, что М.Е. Шерстобитов, причастный к созданию нового Гостиного двора³⁹, сам рассчитывал организовать со временем на этом участке дополнительные лавки.

Любопытно также упоминание «дела о городских землях, занятых пристройками гостиного двора», под которым подразумевался спор между муниципалитетом и владельцами незаконно возведенных строений рядом с новым Гостиным двором. Городские власти требовали от гостинодворцев финансовой компенсации за самовольный захват территории, угрожая сносом «самостроя». Так что выступления против размещения музея на Театральной площади вполне могли быть попыткой своего рода ответной претензии, связанной с этим делом.

Епифанова поддержали и другие гласные, не желавшие нового затягивания музейного вопроса, которое могло обернуться потерей боголюбовского дара. После горячих прений Дума отклонила просьбу 19-ти гласных о приостановке работ по постройке здания Радищевского музея, как и их предложение обратиться за финансовой помощью в этом деле к губернскому и уездному земствам. В протоколе не зафиксирован результат голосования по этим вопросам, но исходя из того, что на заседании присутствовало всего 34 человека, решение было принято с небольшим перевесом. Таким образом, вопрос о создании художественного музея имени А.Н. Радищева был решен окончательно, хотя, как выразился гласный А.О. Немировский, «учреждение это народилось в Саратове не без болезни»⁴⁰.

Закладка здания состоялась 1 мая 1883 г., а торжественное открытие музея – 29 июня 1885 года. По моим подсчетам всего на строительство и отделку здания Радищевского музея городское самоуправление затратило в 1882–1887 гг. 106.082 руб.⁴¹

Итак, предметное изучение роли городского самоуправления в создании Радищевского музея приводит к нескольким важным выводам. Сама идея принятия дара А.П. Боголюбова и организа-

³⁹ Максимов Е.К., Сафронов Ю.А. Старый Саратов на фотографиях и открытках. Саратов, 2004. С. 201.

⁴⁰ ПСГД за 1882 г. С. 453.

⁴¹ Подсчитано по: Отчеты Саратовской городской управы за 1882–1887 гг. Саратов, 1883–1888.

ции муниципалитетом на собственные средства хранилища для его коллекции никогда не была предметом дискуссий на заседаниях думы. По крайней мере, в протоколах заседаний не отложились мнения гласных, отрицающие необходимость такого учреждения. Единственное заявление, которое указывало на то, что музей есть роскошь, а не предмет первой необходимости, поступило в думу только тогда, когда вопрос уже был фактически решен, и отказаться от планов по созданию музея было невозможно. Подобные настроения действительно существовали среди некоторых членов городского самоуправления, что подтверждается одним из источников личного происхождения. Бывший гласный городской Думы И.Я. Славин в своих мемуарах, созданных в 1920-е гг., утверждает: «Как это ни странно, но вопрос о музее встречал энергичную оппозицию среди некоторых интеллигентных гласных и почтенных общественных деятелей, оставивших свои имена на страницах истории нашего города. Их аргументация сводилась приблизительно к следующему. У нас нет ни порядочных мостовых, ни школ, которые вполне удовлетворяли бы запросы населения, ни надлежаще и правильно организованной врачебной помощи, мы задыхаемся в пыли, не имеем освещения и т. д., а вы хотите затратить более 100 т[ысяч] рубл[ей] на постройку здания для каких-то картинок»⁴².

Такие мысли действительно высказывались иногда, однако, только в контексте осуществления строительства здания за счет средств муниципального бюджета. Люди, выступавшие в подобном ключе, никогда не предлагали отказаться от дара Боголюбова, а лишь выступали за реализацию идеи с наименьшими финансовыми издержками. Славин не прав и в том, что «большинство гласных тогда едва ли сознавало ясно значение и пользу такого учреждения, как художественный музей»⁴³. Протоколы Думы ясно свидетельствуют, что большинство ее членов как раз последовательно высказывалось за воплощение в жизнь данного начинания, не взирая на серьезные денежные потери, которые предстояло понести городскому бюджету.

К причинам затягивания обсуждения музейного вопроса на пять с половиной лет стоит отнести как объективные финансово-экономические трудности, переживаемые Саратовом в конце

⁴² Славин И.Я. Указ. соч. С. 124.

⁴³ Там же. С. 121.

1870-х – начале 1880-х гг., так и субъективные обстоятельства. Из последних важнейшими оказались неудачные попытки совместить музей сначала с биржей, а затем – с торговыми помещениями. Вариант, предусматривавший строительство здания музея и лавок при нем на Театральной площади, вызвал ожесточенное сопротивление группы гласных, чьи коммерческие интересы оказывались задеты. Кроме того, длительные проволочки в подготовке организации музея могли быть вызваны невысокими деловыми качествами лиц, занимавших тогда исполнительные должности в городском самоуправлении, прежде всего – городского головы Недошивина.

**МУЗЕИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
КАК ДОСУГОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х - СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)**

А.А. Гуменюк

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра отечественной истории
и историографии
e-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье представлен анализ процесса реализации во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. в регионе Нижней Волги социальных программ, нацеленных на совершенствование функционирования музеев как досуговых учреждений и повышение степени их доступности населению. В заключении делается вывод о том, что сохранение существенных различий в уровне доступности к достижениям культуры городских и сельских жителей СССР и, в частности Нижнего Поволжья, способствовало подрыву веры в преимущества социализма, став важнейшим условием распада Советского Союза. Статья основана на фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, сборников документов и статистических данных.

Ключевые слова: выставка, досуг, культура, музей, отдел, отзыв, посещаемость, свободное время, экскурсия, экспозиция.

**MUSEUMS OF THE LOWER VOLGA REGION AS LEISURE
FACILITIES: THE SECOND HALF OF THE 1950S – MID-1980S**

A.A. Gumenyuk

(Saratov, Russia)
e-mail: GumenukAA@rambler.ru

The article presents an analysis of the implementation process in the second half of the 1950s-mid – 1980s in the Lower Volga region of social programs aimed at improving the functioning of museums as leisure facilities and increasing their accessibility to the population. In conclusion, it is concluded that the preservation of significant differences in the level of accessibility to the achievements of culture of urban and rural residents of the USSR and, in particular, the Lower Volga region, contributed to the undermining of faith in the benefits of socialism, becoming an important condition for the collapse of the Soviet Union. The article is based on factual material extracted from archives, periodicals, collections of documents and statistical data.

Key words: exhibition, leisure, culture, Museum, Department, review, attendance, free time, excursion, exposition.

Под свободным временем понимается часть внерабочего времени, остающаяся за вычетом следующих необходимых затрат или непреложных обязанностей: 1) времени не входящем в процесс труда, но непосредственно связанным с производством (переодевание, умывание, получение и сдача инструмента и т.п.); 2) времени, идущем на дорогу «дом – место работы – дом»; 3) времени, затраченным на бытовые нужды (ведение домашнего хозяйства, покупки продуктов и товаров, пользование различными коммунально-бытовыми учреждениями и проч.); 4) времени, идущем на необходимый уход за детьми; 5) времени на личную гигиену, питание, сон. Свободное время включает в себя весьма широкий круг явлений. В этой сфере удовлетворяются основные потребности личности в области физического, интеллектуального развития и разумного отдыха. Расширение сети и детальности культурно-просветительных и зрелищных заведений выступает необходимым условием и предпосылкой для того, чтобы высвобождавшееся у советских людей свободное время было использовано рационально, разумно в целях их всестороннего развития и восстановления сил¹.

Смена политического руководства в стране в марте 1953 г. явилась своеобразной точкой отчета в процессе формирования в СССР идеологии удовлетворения разнообразных потребностей человека труда, в том числе и в сфере досуга. Выдвижение советскими лидерами этого тезиса в качестве одной из целей социальной стратегии означало, что на высшем государственном уровне произошло осознание теснейшей взаимосвязи между хорошо организованным отдыхом и производительностью труда. Исходя из этих соображений, во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. советские властные институты свою директивно-законотворческую деятельность развивали по двум основным направлениям: 1) улучшение материальной базы, расширение сети и совершенствование работы различных досуговых заведений, в том числе и музеев; 2) создание условий для увеличения частоты и продолжительности посещения указанных культурно-просветительных учреждений. Важнейшим инструментом дос-

¹ См.: Грушин Б.А. Свободное время. Актуальные проблемы. М., 1967. С. 14–15, 16; Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и внерабочего времени. Избранные произведения. М., 1972. С. 251, 258.

тижения указанных целей явилось решение о введении в 1967 г. пятидневной рабочей недели с двумя выходными днями². В газете «Комсомолец Каспия» за 22 мая 1971 г. в одной из заметок приводилась характеристика того, где жители г. Астрахани могли побывать в выходные дни. Кроме прочего, в ней отмечалось, что в результате перехода на пятидневную рабочую неделю астраханцы получили больше возможностей, чтобы побывать в областном краеведческом музее, его филиалах и картинной галерее им. Кустодиева³. Действительно, уровень посещаемости музеев населением Нижней Волги в начале 1970-х гг. значительно возрос, что видно из данных таблицы 1⁴.

Таблица 1

Число посещений музеев населением областей Нижнего Поволжья в 1960-е – первой половине 1980-х гг. (тыс. чел.)

	1961 г.	1970 г.	1985 г.
Сталинградская (Волгоградская) обл.	291,3	560 тыс.	н.д.
Саратовская обл.	н.д.	500	698,6

Из данных таблицы 1 видно, что уже в 1970 г. число посещений музеев Волгоградской области превысило показатели 1961 г. в 1,9 раза. Например, памятник-ансамбль «Мамаев курган» только за 1967–1970 гг. посетило 1188 тыс. волгоградцев и гостей города⁵. Посещаемость музеев Саратова и области за 1970–1985 гг. возросла в 1,4 раза. Музеи часто выступали площадками для организации выставок. Например, в Саратовской области в октябре 1962 г. бы-

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 11. Ст. 132.

³ Комсомолец Каспия. 1971. 22. 05. Л. 4.

⁴ Народное хозяйство Волгоградской области. Статистический сборник. Саратов, 1962. С. 258; Народное хозяйство Волгоградской области. 1971–1975 гг. Статистический сборник. Волгоград, 1976. С. 155; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. Саратов, 1977. С. 118; Народное хозяйство Саратовской области: Краткий статистический сборник. Саратов, 1987. С. 61.

⁵ Волгоградская правда. 1971. 23. 01. Л. 2.

ло проведено 10 выставок различной тематики⁶. В этот период и последующие годы волжане получили возможность посетить выставки картин народного художника РСФСР Н. Жукова, заслуженного деятеля искусств РСФСР П.В. Кузнецова, российского и советского художника А.С. Уткина, американского художника Рокуэлла Кента, собраний Третьяковской галереи, керамики П. Пикассо, творчества русских и советских художников (выставка «Волга») и т.д. К середине 1980-х гг. наибольшие возможности для посещения указанных досуговых заведений имело население Саратовской области, где к этому времени имелось 3 мемориальных, 10 краеведческих, 2 искусствоведческих, литературный музеев⁷. Наиболее узкой сетью музеев к концу рассматриваемого периода располагала Калмыцкая АССР (см. таблицу 2)⁸.

Таблица 2.

Характеристика сети музеев Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг.

	1955 г.	1975 г.	1985 г.
Астраханская обл.	3	н.д.	н.д.
Сталинградская (Волгоградская) обл.	3	н.д.	н.д.
Саратовская обл.	10	10	16
Калмыцкая АССР	1 (данные на 1960 г.)	1	6

⁶ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1126-а. Л. 2.

⁷ Народное хозяйство Саратовской области: Краткий статистический сборник. С. 61.

⁸ Народное хозяйство Астраханской области. Статистический сборник. Саратов, 1958. С. 156; Народное хозяйство Сталинградской области. Статистический сборник. Саратов, 1957. С. 244; Народное хозяйство Саратовской области 50 лет Советской власти. Статистический сборник. Саратов, 1967. С. 413; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет Советской власти. Статистический сборник. С. 118; Народное хозяйство Саратовской области: Краткий статистический сборник. С. 61; Народное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет Советской власти (1917–1987): юбилейный статистический сборник. Элиста, 1987. С. 194.

Музеи были весьма популярны у жителей Нижней Волги, о чем можно судить по отзывам посещавших их волжан. Например, побывавшие в начале 1960-х гг. в Саратовском областном музее краеведения (СОМК) саратовцы и жители области отмечали, что «... узнали много нового о своем родном крае»⁹. А среди записей в книге отзывов Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева в конце 1960-х гг. можно было прочитать следующее: «Низкий поклон и великое спасибо художникам и устроителям за прекрасную экспозицию. Это один из прекраснейших музеев Советского Союза»¹⁰.

Одним из результатов «хрущевской оттепели» стало возрастание интереса к прошлому, выразившееся в создании большого числа краеведческих музеев. Прошлое, главным образом, дореволюционное, оказалось незаслуженно забытым. Официальная советская идеология с негативным оттенком отражала историю «царского времени», а также весьма идеализировала постреволюционный период. Люди стремились пересмотреть свое отношение к традиционной культуре, стремительно уходящей в прошлое с ростом городов и городского образа жизни. Некоторые люди стали осознавать ценность крестьянской культуры и стремились к сохранению ее элементов. В Волгоградской области число музеев, открытых по инициативе государства практически не увеличилось: в 1955 г. насчитывалось 3 музея, а в 1965 г. – 4¹¹. Но с начала 1960-х гг. начитается интенсивное создание музеев в школах, высших и среднеспециальных учебных заведениях, на предприятиях. Главным образом, это были краеведческие музеи. Например, в той же в Волгоградской области во второй половине 1960-х гг. насчитывалось 385 музеев, комнат и уголков боевой славы, созданных на общественных началах. В Саратовской области

⁹ Коммунист. 1962. 2. 12. Л. 4.

¹⁰ Коммунист. 1969. 9. 08. Л. 4.

¹¹ См.: Ралкова О.В. Свободное время населения Свердловской и Челябинской областей: динамика, структура, использование: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013. С. 70–71; Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Статистический сборник. Волгоград, 1967. С. 242.

посещаемость музеев с 1958 г. по 1966 г. увеличилась в 1,4 раза¹². Не только в рассматриваемом регионе, но и по всей стране в этот период наблюдался «музейный бум».

В рамках установки советской социальной стратегии на ликвидацию культурно-бытовых различий между городскими и сельскими жителями, музейные работники региона немало внимания уделяли удовлетворению культурных потребностей сельского населения. Например, в составе агитпоезда Саратовского обкома КПСС был создан вагон-музей, в районы области выезжал передвижной авто-музей, созданные сотрудниками СОМК. Только за первое полугодие 1973 г. выставки музея посетили 27 тыс. тружеников сельского хозяйства этой области¹³.

Музеи выступали важным компонентом в организации рационального использования свободного времени школьниками и студентами, их эстетического воспитания. Большую работу с молодежью, в частности, проводил музей завода «Красный Октябрь» г. Волгограда. С 1964 г. по 1969 г. в этом музее побывало более 70 тыс. чел., для которых было проведено 950 экскурсий¹⁴. Сотрудниками Саратовского областного музея краеведения (СОМК) только за 1965 г. для учащихся средних школ было организовано более 930 экскурсий для учащихся техникумов и 250 для студентов вузов. Всего в середине 1960-х гг. в СОМК побывало 32469 обучающихся в качестве организованных посетителей¹⁵.

В то же время к середине 1980-х гг. обозначилось некоторое снижение посещений музеев. Например, в Саратовской области в 1985 г. уровень их посещаемости по сравнению с 1982 г. снизился в 1,2 раза¹⁶. Сокращение числа посещений музеев можно объяс-

¹² См.: Волгоградская правда. 1968. 23. 06. Л. 2; Саратовская область за 50 лет Советской власти. Саратов, 1967. С. 397.

¹³ Коммунист. 1973. 28.06. Л. 4.

¹⁴ См.: *Титов А.П.* Деятельность партийных организаций Нижнего Поволжья по идейно-политическому воспитанию рабочей молодежи в период между XXIII и XXIV съездами КПСС: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1980. С. 158.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 14. Л. 55.

¹⁶ Подсчитано по данным: Народное хозяйство Саратовской области: Краткий статистический сборник. С. 61; Народное хозяйство Саратовской

нить главным образом причинами материального порядка. Проиллюстрируем эту тенденцию на материалах Саратовской области. Только в начале 1980-х гг. была закончена реставрация областного музея краеведения. В Радищевском музее еще с начала 1970-х гг. стал ощущаться дефицит помещений. Поэтому руководство этого музея имело возможность экспонировать только 9% от хранившихся в его фондах картин и скульптур. Музей остро нуждался в расширении реставрационных мастерских, создании граверного кабинета, постоянного лектория, кинолектория. В конце 1970-х гг. в здании музея был начат ремонт, но к концу рассматриваемого периода так и не был закончен. В годы «перестройки» ситуация не улучшилась. В частности музей-усадьба Н.Г. Чернышевского так и не обрел давно закрытый мемориальный домик¹⁷.

Снижение посещаемости музеев отчасти стало следствием и того, что в 1965–1985 гг. в их деятельности на первый план вновь (как это было в 1930-е гг. и первые послевоенные годы) выдвинулась такая составляющая как «пропаганда успехов коммунистического строительства», отодвинув на второй - третий уровни прочие, не менее важные компоненты в их работе. Поэтому в постановлении ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (12 мая 1964 г.) особое внимание уделялось созданию в краеведческих музеях «отделов по советскому периоду истории – от Октябрьской революции до наших дней». Постановление предписывало отражать в экспозициях «успехи коммунистического строительства в СССР, мероприятия по дальнейшему подъему промышленности, сельского хозяйства и культуры, повышению благосостояния народа»¹⁸. Активным инструментом реализации этой установки стали смотры музеев, организуемые к юбилейным датам государства. Приме-

области (к 50-летию со дня образования области): Стат. сборник. Саратов, 1984. С. 75.

¹⁷ Гуменюк А.А. Роль и место музеев в досуге населения и культурном пространстве советского социума во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х гг. (по материалам города Саратова) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2016. Вып. 6. С. 158–159.

¹⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 10. С. 416–417.

ром проведения таких мероприятий могут выступать сведения об участии СОМК во Всероссийском смотре массово-просветительской работы музеев, посвященных 50-летию образования СССР. Оргкомитет смотра наградил Саратовский областной музей краеведения дипломом первой степени «за активную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся». Действительно, за время смотра сотрудниками музея «в целях повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» были созданы такие экспозиции, как «Саратовская область в период строительства коммунизма»; Саратовцы в дружной семье народов СССР»; «Интернациональные связи саратовцев»; «Товары широкого спроса – населению». И только одна выставка не содержала «идеологического компонента» – «Костюмы народностей Саратовского Поволжья»¹⁹.

Таким образом, в условиях утраты на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. советской экономикой черт интенсификации досуговые учреждения (в том числе и музеи) по уровню развития материальной базы постепенно переставали быть привлекательными для советского человека, утрачивали способность удовлетворять его возраставшие потребности в культурном досуге. К концу рассматриваемого периода на территории изучаемого региона сельская и городская молодежь имела неравные возможности в доступе к достижениям культуры. Например, в 1980 г. в сельской местности Саратовской области функционировало только 3 лектория, организованных домом-музеем им. Н.Г. Чернышевского, а в г. Саратове – 7²⁰. В свою очередь это, с одной стороны, вело к росту девиантных проявлений в советском обществе, а, с другой стороны, усиливался интерес определенной части советского социума к западному потребительскому обществу. Представления о нем проникали в СССР по различным каналам (через телевидение²¹, за счет автомобилизации населения²², в ходе

¹⁹ Коммунист. 1973. 28.06. Л. 4.

²⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 24 Д. 195. Л. 13.

²¹ Обеспеченность населения СССР телевизорами (на 100 семей) возросла с 1970 г. по 1985 г. в 1,9 раза. На этом фоне Нижняя Волга выглядела вполне достойно. Например, за 1970-е гг. количество телевизоров в личном пользовании у населения Волгоградской области увеличилось более чем в 2

заграничных туристических поездок и посещения санаториев и домов отдыха в странах Восточной Европы), неся в себе угрозу отторжения советским социумом (и особенно молодежью) системы ценностей коммунистического воспитания, а в последующем социалистического общества в целом.

раза. (См.: СССР в цифрах в 1987 году. Краткий статистический сборник. М., 1988. С. 222; Очерки истории Волгоградской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С. 526).

²² Благодаря началу массового производства легковых автомобилей («Волга» с 1956 г., «Запорожец» с 1960 г., «Жигули» с 1970 г.) обеспеченность населения СССР ими (на 100 семей) возросла с 1970 г. по 1985 г. в 7,5 раз. Семейный автомобиль ломал многие стереотипы «советской цивилизации», способствовал индивидуализации повседневной жизни, досуга (См.: СССР в цифрах в 1987 году. Краткий статистический сборник. С. 222; *Вдовин А. И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2018. С. 561).

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЖИВОПИСИ, КИНЕМАТОГРАФЕ

УДК 94(47) | 1875/1878 | :[741.5:32]:070

РОССИЯ В БАЛКАНСКОМ КРИЗИСЕ 1875-1878 ГГ.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА НА СТРАНИЦАХ САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «БУДИЛЬНИК»

О. В. Кочукова

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра истории России и археологии
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

С.А. Кочуков

независимый исследователь
e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается роль журнала «Будильник» в формировании общественного восприятия роли России в Балканском кризисе 1875-1878 гг. средствами сатирической графики. Показаны основные направления сатирического изображения стран, принимавших участие в решении Балканского кризиса. В статье отмечены параллели в сюжетах и образах российской и западноевропейской политической карикатуры накануне и в ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Ключевые слова: политическая карикатура, сатирическая графика, сатирические журналы, «Будильник», внешняя политика, общественное мнение, славянский вопрос, Балканский кризис 1875-1878 гг., Русско-турецкая война 1877-1878 гг.

RUSSIA IN THE BALKAN CRISIS OF 1875-1878: POLITICAL CARICATURE IN THE PAGES OF THE SATIRICAL MAGAZINE «BUDILNIK»

O.V. Kochukova

(Saratov, Russia)
e-mail: kochukovasgu@mail.ru

S.A. Kochukov

(Saratov, Russia)
e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

The article discusses the role of the magazine «Budilnik» in shaping of the public perception of the role of Russia in the Balkan crisis of 1875-1878 by means of satirical graphics. The main directions of the satirical portrayal of the countries that participated in solving the Balkan crisis are shown. The article notes the parallels in the plots and images of Russian and Western European political caricature on the eve and during the Russian-Turkish war of 1877-1878.

Key words: political caricature, satirical graphics, satirical magazines, «Budilnik», foreign policy, public opinion, the Slavic question, the Balkan crisis of 1875-1878, the Russian-Turkish war of 1877-1878.

«"Будильник" после "Искры" - лучший юмористический журнал, занимающийся, насколько возможно, серьезными вопросами, осмеянием наших неустройств, и отнюдь не потакающий грубым и сальным инстинктам толпы»¹, - так был охарактеризован сатирический журнал «Будильник» на страницах энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Сравнение названных в энциклопедии двух периодических изданий не случайно. Дело в том, что «Будильник» являлся как бы продолжателем дела «Искры». Журнал «Будильник» был создан Н.А. Степановым после ухода из «Искры» в результате возникших между ним и редактором «Искры» В.С. Курочкиным денежных недоразумений. Первые полтора года «Будильник», в отличие от других сатирических еженедельников, выходил два раза в неделю. Однако такая периодичность оказалась неудобной, и редакция журнала вынуждена была перейти на еженедельный выпуск. Определенная близость позиций журналов обнаруживалась в темах сатиры, богатый материал для которых представляла жизнь пореформенной России. Цензурное давление на журнал ощущалось постоянно, даже после определенных послаблений 1865 г., когда предварительная цензура обходила стороной столичные периодические издания. Однако иллюстрированные журналы были исключением, на них новый закон о периодической печати не распространялся и руководству журнала в лице Н.А. Степанова приходилось все сложнее лавировать, чтобы донести до русского читателя свой взгляд и свое отношение к различным аспектам внутренней и внешнеполитической ситуации. Журналу «Будильник» доставались доста-

¹ Мазаев М.Н. Будильник, журнал // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона в 86 т. СПб., 1890-1907.

точно резкие характеристики от отечественных исследователей. В частности, в справочнике «Русская периодическая печать», вышедшем под редакцией А.Г. Дементьева, данному сатирическому изданию отводилась неблагоприятная роль. Авторы-составители относили «Будильник» в разряд «безыдейных юмористических изданий, рассчитанных главным образом на мещанский вкус, образчиков мелкой прессы»².

В действительности, статьи и карикатуры «Будильника» были посвящены социальным противоречиям, произволу, насилию, коррупции, несправедности судов, проблемам внешней политики страны. С 1867 г. в журнале много места уделялось международным событиям. В отделе «Политические шалости» в форме юмористических заметок, рассказов, очерков, карикатур печатались обозрения «политической жизни иностранных государств». Но кардинально журнал «Будильник» изменился в период Балканского кризиса середины 70-х гг. XIX века. Карикатурные эстампы и юмористические очерки и заметки стали чрезвычайно остры и злободневны. Причем со стороны цензоров журнал фактически не испытывал никакого противодействия, объясняется это главным образом тем, что военные настроения против Османской империи и помощь братьям-славянам были в России чрезвычайно популярны³.

Призывы председателя Московского славянского благотворительного комитета, «народного диктатора» и одновременно директора коммерческого банка⁴, И.С. Аксакова делали свое дело. По воспоминаниям князя В.П. Мещерского: «...голова закружилась от этой массы людей всякого звания, как поток нахлынувший в его (И.С. Аксакова – С.К.) приемную, и сердце усиленно билось и умилялось от бесчисленных проявлений народного энтузиазма...»⁵. Почувствовавший, насколько русское общество

² Русская периодическая печать (1702-1894) / Под ред. А.Г. Дементьева. М., 1959. С. 461.

³ Кочукова О.В., Кочуков С.А. «Народный диктатор» и славянский вопрос: Миссия России на Балканах в представлении И.С. Аксакова // История в подробностях. 2015. № 5. С. 42-53.

⁴ Михневич В. Фельетонный словарь современников. Наши знакомые. СПб., 1884. С. 4.

⁵ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 356.

опьянено идеей освобождения балканских славян и реванша за проигранную Крымскую войну, редактор «Будильника» Н.А. Степанов существенным образом переделал журнал, отдав значительную часть его объема злободневной славянской теме. Изменения коснулись в первую очередь самого способа подачи информации. Сохранив прежний объем в 12 страниц на газетной бумаге, руководство периодического издания сделало первую и последнюю страницу журнала цветной. Ни одно русское периодическое иллюстрированное издание на тот момент похвастаться этим не могло. Карикатурные эстампы «Будильника» были настолько популярны, что другие сатирические журналы, такие как «Стрекоза», «Маляр», «Развлечение» стали копировать саму манеру степановского издания.

В сатирической графике периода Балканского кризиса 1875-1878 гг., получившей отражение на страницах журнала «Будильник», четко выделяются три основных направления: сатира в адрес Османской империи; карикатурные образы европейских держав; самоирония в изображении позиции России.

Османская империя, разумеется, была главным объектом сатиры на страницах русских периодических изданий и «Будильника» в том числе. Как правило, русские карикатуристы старались представить Порту в виде тучного восточного деспота, подразумевая под этим «Больного человека Европы», страны, которая по широко известному выражению императора Николая I, «разваливалась на части». Тем не менее, этому больному человеку оказывали посильную медицинскую помощь, то в виде антирусской коалиции в период Крымской войны, то методом формирования антирусского общественного мнения Европы в ходе Серботурецкой войны 1876 г. и последовавшей за ней Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Журнал «Будильник» пройти мимо такого колоритного образа конечно никак не мог. В результате уже в 1876 г. в № 40 на титульном листе издания появилась цветная карикатура на данную тему. Название самой карикатуры простое, но достаточно емкое, чтобы отразить сущность проблемы - «Консультация у больного»⁶, кроме того, тут же присутствует комментарий для лучшего понимания ситуации. Османская империя в

⁶ Будильник. 1876. № 40.

лице умирающего турка возлежит на диване. По всей видимости, больной страдает хроническим запором и гипертонией, а основная причина хвори заключается в невозможности переварить «поглощенные» территории: Болгарию, Сербию, Черногорию и Герцеговину, что явствует из повязок, наложенных на живот больного. В качестве врачей присутствуют представители трех европейских держав: Великобритания в лице Дизраэли, Австро-Венгрия в лице Андраши и Россия в лице князя Горчакова. Каждая из стран-докторов предлагает свой метод лечения. Но если Великобритания и Австро-Венгрия желают все проблемы решить паллиативными консервативными мерами (первая предлагает английскую соль или магнезию для снятия давления, а вторая приписывает «Венское питье», думая, что данным слабительным можно поднять Османскую империю на ноги), то Горчаков более радикален. Он полагает, что дни Порты сочтены «Она питалась все время неудобоваримыми веществами, - надо попробовать прописать русскую баню»⁷.

В 1878 г. «Больной человек Европы» выглядел на страницах журнала «Будильник» уже несколько иначе. Если в 1876 г. вся болезнь заключалась лишь в желании удержать Болгарию, Сербию, Черногорию и Герцеговину, то карикатура два года спустя рисует совсем другую картину. Журнал №5 1878 г. изображает Османскую империю как совсем умирающую⁸. И желание спасти ее изъявила лишь Великобритания, изображенная на карикатуре в виде сестры милосердия, успокаивающей больного: «Не беспокойся! Мы уже позаботились об издержках за лечение и за похороны»⁹. Подтекст сатирического образа заключается в том, что Англия больше заботилась не о том, чтобы поставить «больную Порту» на ноги, а о том, чтобы вернуть вложенные в нее деньги.

Вообще, тема Турции в образе больного человека была популярна не только в России. В частности, в австрийском сатирическом журнале «Der Flon» («Блоха») в сентябрьском номере журнала за 1877 г. была помещена карикатура на эту же тему под названием «Heut todt, morgen roth» («Сегодня мертвый, завтра возрож-

⁷ Будильник. 1876. № 40.

⁸ Будильник. 1878. № 5.

⁹ Там же.

денный») ¹⁰. Тему карикатуры можно понять как своеобразный ответ «Будильнику». Точно так же, как и в русском журнале, изображены те же самые действующие лица: Россия - Горчаков, Австро-Венрия - Андраши, Великобритания - Дизраэли и Германия - Бисмарк ¹¹. Но есть и существенные различия. Османская империя в австрийском журнале изображена как женщина. Горчаков собирается больную зарезать, для чего достал большой нож. Интересно то, что Австро-Венгрия выступает не как противник России, что в отечественных сатирических журналах неоднократно подчеркивалось, а по-своему радуется скорой кончине Османской империи, танцуя на похоронах последней.

Достаточно часто в русской сатирической графике в отношении Османской империи использовался образ гнилого, трухлявого дерева. «Будильник» поместил в №39 за 1876 г. карикатуру художника М. Виноградова ¹². Чахлое дерево-Турцию собираются реанимировать Англия и Австро-Венгрия, интенсивно ее поливая. Карикатуру сопровождает диалог главных персонажей:

«Поливающий садовник: Какая жалость! Любимое мое дерево гибнет с каждым днем... Теперь и не знаю даже, как помочь этому горю...

Моряк: Да, брат, я согласен с тобой: все наши искусства оказывают мало действия.

Русский мужик: А по-моему вот что: «худая трава из поля вон ¹³!»

В русской периодике было в порядке вещей в балканских делах обвинять не столько Турцию, так как ее существование, по мнению русского общества, клонилось к закату, сколько европейские державы. Но если с Великобританией было все, по меньшей мере, ясно, так как «Владычица морей» хотела усиления своего влияния в проблеме черноморских проливов, то с Австро-Венгрией ситуация представлялась гораздо сложнее. Дело в том, что на территории Австро-Венгрии проживало значительное количество славянского населения, и официальная Вена рассматри-

¹⁰ Der Flon. 1877. 23 september.

¹¹ Der Flon. 1877. 23 september.

¹² Будильник. 1876. № 39.

¹³ Там же.

вала будущую войну с Портой как решение в благожелательном для себя духе «славянского вопроса». По сути, Австрия и Россия рассматривали балканские проблемы в качестве жизненно важных, «своих», чем была обусловлена их конкуренция в понимании «славянского вопроса».

Параллельно с «Будильником» австрийский сатирический журнал «Die Bombe» («Бомба») также обращался к этой проблеме в одной из карикатур. В декабрьском номере за 1877 г. журнал из Австрии поместил на своем титульном листе сатирический эстамп, посвященный будущей гибели Османской империи при полном попустительстве европейских государств¹⁴. Россия изображалась в образе медведя, ломающего гнилое дерево - Турцию, а Великобритания в типичном образе льва, безмятежно дремавшего под деревом и охранявшего Порту. По всей видимости, австрийскому изданию было совершенно ясно, что дни Османской империи сочтены, и ей предстоит выкинуть белый флаг в войне с Россией. Более того, журнал полагал, что Великобритания не вмешается в русско-турецкий конфликт ни при каких условиях и бряцание оружием джентльменов с «Туманного Альбиона» является только блефом. Расценивая славянский вопрос как личный интерес австрийской дипломатии, рассматривать вмешательство Лондона в дела на Балканском полуострове Австро-Венгрии было не выгодно. И дело не в том, что интересы Петербурга и Вены были схожи, а в том, что Османская империя была для Австрии столько же противником, сколько и для России.

На страницах «Будильника», как впрочем, и в других русских сатирических журналах, в характеристике реакции европейских держав на русско-турецкий конфликт больше других доставалось Великобритании. Визуально «Туманный Альбион» представляли достаточно стандартно, либо в облике льва, либо в облике Дизраэли. Но среди многочисленных карикатур, помещенных в журнале «Будильник», выделяется эстамп, где главным действующим лицом выступает королева Виктория. Этот рисунок был помещен в «Будильнике» еще в 1876 г., когда конфликт интересов между Российской империей и Портой только начинался¹⁵. Карикатур-

¹⁴ Die Bombe. 1877. № 50. S. 389.

¹⁵ Будильник. 1877. № 26.

ные образы королевы Виктории, нянчившей завернутого в пленки турецкого султана, и развлекавших его вырезанными из бумаги солдатиками Дизраэли и Андраши говорят о многом. Сатирический образ английской королевы не идет ни в какое сравнение с тем пугающим образом, который нарисовал И.С. Тургенев в своем стихотворении «Крокет в Виндзоре»¹⁶. Английский кабинет министров с Дизраэли во главе ратовал за усиление и сохранение прежних позиций Турции на Балканском полуострове, так как это одновременно означало противодействие России в данном регионе. Кроме того, не нужно забывать и о естественном положении Англии - роли своеобразного арбитра на Европейском континенте. По заявлению одного из видных английских политических деятелей герцога Аргальского, его страна поддерживала Блистательную Порту потому, что стремилась разрушить возможные планы России на Балканах¹⁷: «Туркам должно было быть вполне ясно, что мы действовали, не забывая о собственных интересах и желая остановить какой бы то ни было ценой надвигающуюся мощь России»¹⁸. В этой цитате, по сути, заключается вся внешнеполитическая программа Великобритании по отношению к Российской империи.

Для восстановления армии Турции, Англия развернула специальную программу по модернизации вооруженных сил османской империи¹⁹. Наконец, английские эмиссары старались запугать Турцию возможной экспансией России на Балканский полуостров. «Именно она (Россия - С.К.) устраивает волнения в балканских провинциях, чтобы вернее прибрать их к своим рукам и насаждать туда исправников и казаков с нагайками»²⁰.

¹⁶ См.: *Кочуков С.А.* И.С. Тургенев и балканский кризис 70-х гг. XIX века (заметка на стихотворение И.С. Тургенева «Крокет в Виндзоре») // *Славянский сборник.* 2009. Вып. 8. С. 62-68.

¹⁷ *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 12-13.

¹⁸ Герцог Аргальский *Ответственность Англии в восточном вопросе.* СПб., 1908. С. 81-82.

¹⁹ К концу 1876 г. в вооруженных силах Турции насчитывалось 70 английских офицеров и 300 матросов. (*Золотарев В.А.* Указ соч. С. 13.)

²⁰ Цит. по: *Рагозина Е.А.* Из дневника русской в Турции перед войной 1877-1878 гг. СПб., 1910. С. 135.

Неопределенность позиции Англии была разрешена только знаменитой тронной речью королевы Виктории 8 февраля 1877 г. в палате общин, где было заявлено, что России предоставляется полная свобода действий, пока русские не угрожают Константинополю. Несколько позже это заявление было продублировано министром иностранных дел Англии лордом Дерби. Хотя незадолго до этого английский посол в Константинополе сэр Генри Элиот, узнав о восстании 1876 г., первый дал Турции совет задуть мятеж «не разбирая средств»²¹.

Вопрос об участии или о нейтралитете европейских государств в предстоящей войне России и Порты постоянно витал в воздухе, и журнал «Будильник», так же, как и многие другие периодические издания, не раз обращался к этой теме. В 1876 и 1877 гг. на страницах сатирического издания появляется несколько фактически однотипных карикатур, где поднималась проблема участия европейских государств в русско-турецком конфликте. Например, в № 30 за 1876 г. «Будильник» прямо обвинил Великобританию и Австро-Венгрию в войне на стороне Османской империи²². Россия в данном случае представлена в образе добродушного былинного богатыря, который облокотившись на меч, поджидает подхода турецкого султана Абдул Гамида и двух его «заклятых друзей» Дизраэли и Андраши, которые обнажили сабли и в боевом порядке двигаются в сторону Российской империи. Карикатура «Между друзьями и врагами»²³ сходна с предыдущим эстампом с той лишь разницей, что в образе России представлен русский крестьянин, а к «друзьям» Турции Великобритании и Австро-Венгрии присоединилась еще и Германия. Но если в 1876 г. европейские державы еще бряцали оружием и старались напугать Россию своим участием в войне на стороне Порты, то ситуация в 1877 г. изменилась. Как видно из рисунка, Великобритания, Австро-Венгрия и Германия благоразумно держатся в стороне и из-за угла наблюдают за происходящим.

²¹ Россия и Англия в Турции в 1876-1877 гг. // Русская старина. 1896. № 7. С. 33.

²² Будильник. 1876. № 30.

²³ Будильник. 1877. № 14.

Как уже отмечалось, подобные сюжеты в карикатурах на страницах русских сатирических журналов помещались достаточно часто. Ярким примером является журнал «Маляр». В частности, на карикатуре художника А. Наумова «Помещение на сцену новых действующих лиц»²⁴ изображена дуэль между Россией и Турцией. И уже в ходе этой стычки появляются трое неизвестных, закутанных в плащ, лиц. Подпись под карикатурой озвучивает волновавший все русское общество вопрос: «Друзья или враги?»²⁵. Тем не менее, разобраться, кто скрывается в этом трио, не так уж и сложно. Это все те же «закрытые друзья» России: Великобритания, Пруссия и Австрия. Главный вопрос заключается в том, на чьей стороне выступят эти мушкетеры, или же они будут придерживаться политики нейтралитета.

В принципе, в благородство европейских держав мало кто в России верил. В частности, И.С. Аксаков на одном из заседаний Московского славянского благотворительного комитета разразился заявлением, буквально пропитанным национальными стереотипами: «Все эти турецкие зверства, это поголовное истребление болгар, это повальное истребление их детей - все на руку Англии, все это она терпит, допускает, дабы отнять торжество у России... Так, уродливое политическое сочетание немецко-жидовской культуры и мадьярской башибузукской дикости, известное под названием Австро-Венгрии, зиждется лишь на неравноправности ей подвластных и на угнетении соседних славян!»²⁶. Будущий обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев в одном из своих писем цесаревичу вел. кн. Александру Александровичу писал: «Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников (имеется ввиду Франция и Германия. С.К.) нельзя нам положиться, что всякий из них готов нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку»²⁷. А то, что Россия одержит победу над Османской империей и выйдет победителем из вой-

²⁴ Маляр. 1877. № 30.

²⁵ Там же.

²⁶ Аксаков И.С. Собрание сочинений. В 11т. СПб., 2015. Т. 1. Ч. 1. С. 362.

²⁷ Цит. по: Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 161.

ны, было для этого трио равносильно самоличному поражению, усилению русского влияния на Балканском полуострове и в районе проливов.

Очень часто тематика «Будильника» и европейских сатирических журналов развивалась параллельно. Одним из примеров является сатира на премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли. Особенно близко русскому журналу австрийское издание «Der Flon». В «Будильнике» в № 78 за 1878 г. была помещена карикатура «Что обычно снится премьеру Англии перед каждой войной»²⁸. Бенджамин Дизраэли развалился на фоне карты Европы и ему снится политический передел континента по его усмотрению. Во сне английского политика от Российской империи отторгнута вся ее южная часть и выход России к берегам Черного моря. Все эти территории должны, по его мнению, принадлежать Турции, а Россия должна вернуться к границам Московии XVII в. Карикатура австрийского сатирического журнала «Der Flon» в определенной мере соответствует русскому рисунку²⁹. Главный персонаж рисунка Дизраэли так же, как и в «Будильнике», видит сладкий сон - российская внешняя политика развивается в духе официального Лондона, так «что же можно еще желать?»

Существенным образом ситуация изменилась на страницах русской и мировой сатирической прессы с началом 1878 г. Связано это главным образом, с заключением Сан-Стефанского мирного договора и с решениями Берлинского конгресса. Начало политического диалога между Российской империей и Портой в Сан-Стефано нашло отражение в карикатуре на страницах журнала «Будильник». Это эстамп «Незванная гостья», помещенный в № 5 за 1878 г.³⁰. На переговоры между Россией и Турцией пытается пробраться Европа - в облике старой дамы. Русский солдат преграждает ей вход в палатку, где проходят переговоры. Основная причина столь резкого поведения русского солдата, по всей видимости, заключается в том, что «старушка Европа» в своей корзине несет уже подготовленные мирные проекты с выгодными

²⁸ Будильник. 1878. № 78.

²⁹ Der Flon. 1878. № 29.

³⁰ Будильник. 1878. № 5

лишь ей условиями прекращения войны. Это должно было выглядеть как попытка реанимировать условия «Парижского трактата».

В 1878 г. происходила настоящая журнальная война европейских изданий по отношению к России. Согласиться с условиями Сан-Стефанского мира европейские державы не могли, и этим определяется воинственное настроение ряда иностранных сатирических изданий. В частности, немецкий журнал «Kikeriki» («Петушок») уже в январском номере за 1878 г. в карикатуре «Мирные переговоры» обвинял Россию в поглощении Османской империи³¹. Российская империя, представленная в образе людоеда-калмыка, съедает за обедом несчастного турка, которому, конечно же, просто необходима поддержка и сочувствие Европы.

Берлинский конгресс так же не был обойден вниманием журнала «Будильник». Главное, что пытался высмеять русский журнал, это чрезмерная конспирация и ограниченность информации, которую получали российские читатели³². На карикатуре было изображено помещение, где происходили переговоры: оно закрыто, и на двери повешен мощный замок, кроме того, у дверей переговорного зала помещены немецкие военные, то ли почетный караул, то ли конвой. В результате чего, журнал должен был констатировать, что известия из Берлина приходят в Россию в искаженной форме и не своевременно.

В противовес «Будильнику» достаточно резко высказался французский сатирический журнал «Figaro», обвинив Россию в саботаже и затягивании переговоров. В № 13 за 1878 г. французский журнал поместил большую, на двух страницах, карикатуру, посвященную Берлинскому конгрессу³³. Участники собрания, изображенного на карикатуре, пытаются всеми силами починить сломавшиеся часы, под которыми подразумевается устоявшийся европейский порядок. Но все их усилия напрасны, так как глава российской дипломатии князь Горчаков похитил некоторые детали часового механизма, спрятав, как фокусник, их в рукав. И

³¹ Kikeriki. 1878. № 4. S. 4.

³² Будильник. 1878. № 10.

³³ Figaro. 1878. № 13. S. 53-54.

как ни крутит, доламывая, часы Бисмарк, как ни старается Андраши зубной щеткой наладить хронометр, все напрасно.

Уже в № 19 за 1878 г. французский журнал «Figaro» более откровенно и резко обвиняет Россию в развязывании очередной войны³⁴. Россия традиционно для западных журналов представлена в образе дикого калмыка, который бросает на дипломатические весы бога войны Марса, и ситуация, выходя из-под контроля, склонна скатиться к началу боевых действий. По всей видимости, у французского художника были живы в памяти унижительные для России условия Парижского трактата, которые, по его мнению, только и могли удержать в узде разбушевавшегося варвара.

Более традиционно оценивает ситуацию в Берлине австрийский сатирический журнал «Die Bombe». Согласно карикатуре, помещенной на титульном листе журнала в 1878 г., в Берлине происходит тривиальный раздел сфер влияний в Европе³⁵. За обеденным столом уселись участники конгресса, приготовившись отведать свой кусок. Единственная страна, представитель которой не был допущен на эту трапезу - Османская империя, наблюдает за происходящим из окна.

Если окончание Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. пресса встретила спокойно и даже буднично, но в ответ на результаты Берлинского конгресса, пересмотревшего условия Сан-Стефанского мира, российская периодическая печать разразилась выражением негодования³⁶.

Реакция русской прессы на Берлинский трактат лишний раз показывает тот факт, что, независимо от своей общей политической ориентации, газеты и журналы России могли быть абсолютно едины в своих оценках тех или иных событий войны. Например, газеты «Московские ведомости», «Русский мир» считали, что результаты переговоров в Берлине выгодны кому угодно, только не России, хотя она и потратила на войну существенные финансовые средства

³⁴ Figaro. 1878. № 19. S. 76.

³⁵ Die Bombe. 1878. № 24.

³⁶ См.: Нарочницкая Л.И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875-1878 гг. М., 1879. С. 133.

и людские жертвы³⁷. А.Д. Градовский в газете «Голос» признавал, что народы Балканского полуострова имеют полное право разорвать этот трактат и «Россия будет права, поддерживая их»³⁸. Газета русских политических эмигрантов «Общее дело» считала, что война с Турцией должна закончиться лишь тогда, когда «в турецком рабстве не останется ни одного славянина»³⁹, только после этого можно было быть уверенными, что те усилия, которые предприняла Россия, не потрачены впустую. Руководитель Славянского Благотворительного комитета И.С. Аксаков в письме К.П. Победоносцеву с грустью отмечал: «Ты только бы послушал, что говорят купцы, о чем толкуют в Рядах, что смекает себе народ? Точно будто каждый лично подвергся осрамлению. Но первое впечатление стыда начинает уступать место другому нравственному движению: "Неужели мы будем безмолвствовать? Россию распинают – а мы? Мы немые как рыба, мы не смеем даже возопить громким сердечным голосом?"»⁴⁰.

Если карикатуры в адрес Турции и европейских держав в русских сатирических журналах встречаются постоянно, то в одном отношении «Будильник» существенным образом выделяется. Это проявилось в том, что уже начиная с 1876 г. на страницах данного издания появляются пока что робкие шаги в сторону самоиронии в изображении позиции России в Балканском кризисе 1870-х гг. Конечно, такого рода карикатур на страницах «Будильника» было не много, но они несколько разбавляли сложившиеся сатирические стереотипы русских иллюстрированных журналов. В данном случае, главное против чего «восстал» журнал, это излишнее рвение русского общества в поверхностном следовании «моды» на славянский вопрос.

В 1876 г. № 48 журнала «Будильник» появилась небольшая карикатура, которая на первый взгляд не могла никого заинтере-

³⁷ Адо В.И. Берлинский конгресс 1878 г. и общественное мнение России // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 101-141.

³⁸ Градовский А.Д. Трудные годы. (1876-1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 297.

³⁹ Общее дело. 1877. № 6. С. 5.

⁴⁰ Люди русской правды: Переписка И.С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855-1886): Тексты. Комментарии. Адресаты. / Под общ. ред. А.П. Дмитриева и Б.Ф. Егорова. СПб., 2018. С. 419.

совать. Перед богато одетой дамой, занятой рукоделием, стоит ее сын⁴¹. Несколько объясняет ситуацию текст под рисунком:

«- Отпусти меня в Сербию, мама.

- Что ты, душечка!.. Ведь тебя там убьют!

- О, мне все равно, - Сонечка мне изменила⁴²».

Может показаться, что в карикатуре «Будильника» обыгрывается всеобщее желание русского общества помочь несчастным славянам. Безусловно, данный аспект имел место, так как желающих отправиться добровольцами в Сербию было чрезвычайно много. Подогретая эмоциональными речами И.С. Аксакова в стенах Славянского комитета воинственность русских обывателей стала зашкаливать. В одном из своих выступлений Аксаков прямо заявил: «Нет мгновений возвышеннее тех, когда внезапным подъемом всенародного духа вся многовековая история страны вдруг затрепещет в ней живую движущей силою и весь народ послышит себя единым, цельным в веках и пространстве, живым историческим организмом...Русская кровь осталась не отмщенной, народный подвиг даже не принят в внимание, как будто была пролита не русская, а какая-нибудь готтентотская кровь; как будто все это происходило где-то в Африке или в Австралии»⁴³. Однако, образ ребенка желающего ехать на Балканский полуостров, свидетельствует не только об этом. Добровольческая миссия была настолько популярной, что эволюционировала по словам графа П.А. Валуева в извращенную идею «славянского онанизма»⁴⁴. Новоявленные добровольцы понятия не имели, что их ждет на войне, «все бредят «южными славянами», не разбирая даже, не ведая, кто они. Все млеют перед призраком на стене и, поклоняясь стене, не размышляют, что между тем за этой стеной гибнут жертвы, которых поклоны не спасают»⁴⁵. В России на будущих волонтеров смотрели как на освободителей славян и борцов за ис-

⁴¹ Будильник. 1876. № 48.

⁴² Там же.

⁴³ Аксаков И.С. Собрание сочинений. В 12т. СПб., 2015. Т. 1. Кн. 1. С. 334-336.

⁴⁴ Валуев П.А. Дневник графа П.А. Валуева 1847-1860, 1866-1884. Саратов, 2015. С. 483.

⁴⁵ Там же. С. 483.

тинную веру, и эта идея всячески внушалась им. Но прибыв на место боевых действий, добровольцы понимали, что все оказывалось в действительности не так, как в агитационных речах Аксакова⁴⁶. Историк и публицист М.П. Драгоманов был менее резок, нежели Валуев, но также безапелляционен по отношению к вмешательству России в славянские дела: «...искреннего сочувствия и доверия между свободными политическими партиями в этих странах (имеются в виду Сербия, Греция, Босния, Болгария - С.К.) и русскими политическими людьми быть не может вследствие разницы начал, на которых держится государственная жизнь России с одной стороны, и Сербии, Болгарии и Греции с другой. Напротив, между ними всегда будет недоверие»⁴⁷.

Обывательские настроения в отношении «славянского вопроса» хорошо охарактеризованы Л.Н. Толстым в романе «Анна Каренина»: «...в это время ни о чем другом не говорили, как о славянском вопросе и сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры - все свидетельствовало о сочувствии к славянам». В сущности, и знаменитый писатель Л.Н. Толстой зафиксировал факт использования славянского вопроса в популистской кампании, достигшей невероятных размеров, нередко служившей корыстными интересам различных предпринимательских и общественных кругов. По словам Л.Н. Толстого: «славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятий... много было людей с корыстными, тщеславными целями, занимавшихся этим делом»⁴⁸.

Неожиданный сатирический удар по добровольческому движению журнал «Будильник» нанес в 1877, когда в № 19 опубликовал карикатуру о двух пьяных русских волонтерах⁴⁹. Фактически, это единственная опубликованная в России карикатура, так резко

⁴⁶ Кочуков С.А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) // Славянский сборник. Вып. 8. Саратов, 2010. С. 119-123.

⁴⁷ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1876. С. 12-13.

⁴⁸ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М., 1975. С. 815.

⁴⁹ Будильник. 1877. №19.

изобличающая действия русских в Сербии в 1876 г. Дело в том, что критика русских волонтеров на страницах мемуарной литературы и публицистики встречалась очень мало, а в иллюстрированных изданиях ее не было вообще. Изображенные на карикатуре пьяные, в непрезентабельном виде, добровольцы предаются распитию спиртных напитков и никак не походят на героев, которых рисовала русская пресса и речи Аксакова в Славянских благотворительных комитетах. В сопровождающем карикатуру тексте представлен диалог:

«- Был добровольцем - прогнали, в волонтеры не принимают; остается одно: утопиться с горя в этом море.

- Полно, друг, Ваня, топи лучше свое горе не в море, а в этой бутылке⁵⁰».

Для многих становилось совершенно очевидным, что немалое количество добровольцев прибывших в Сербию, понятия не имело, чем им придется заниматься. Само пребывание русских волонтеров на Балканском полуострове в 1876 г. уже начинало казаться если не ненужным, то по меньшей мере, странным. Сатирические отклики на сложившуюся ситуацию встречаются также и в поэтической публицистике. Примером может служить стихотворение «Два кадета».

*Жили-были два кадета
И примером всем служили:
Поднимались до рассвета
Иловайского зубрили...*

*Только нынешнее лето
Сбило их с пути науки,
Лишь Суворина газета
Им попалась где-то в руки...*

*Даже клятву дали где-то
Взять вдвоем Константинополь,
И недавно басня эта
Облетела весь Петрополь⁵¹.*

⁵⁰ Будильник. 1877. №19.

Сюжет карикатуры отсылал внимание читателей журнала к тому, что, кроме высоких мотивов, конкретно взятым человеком могло руководить и банальное чувство разочарования в обыденной, пошлой повседневности и стремление вырваться за ее пределы. Прозаик и публицист Григорий де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освобождать братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история - ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. «Поеду в Сербию», - решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело»⁵².

В целом, журнал «Будильник» внес весомый вклад в создание галереи образов основных участников Балканского кризиса 1875-1878 гг. в сатирической графике. Политическая карикатура «Будильника» отразила взгляд с российской стороны на расстановку сил в международных отношениях накануне и в ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Явные параллели в сюжетах и образах российской и западноевропейской сатирической графики свидетельствуют об интенсивном использовании политической карикатуры в качестве мощного инструмента формирования общественного мнения и способа ведения информационной войны на страницах периодических изданий.

⁵¹ Цит. по: Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 229.

⁵² де-Воллан Г.А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 355.

**МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ЗАПАД НА ВОСТОКЕ, ВОСТОК НА
ЗАПАДЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЗАИМО-
ВОСПРИЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»**

УДК 94(437+4-11)

**ТАБОР УХОДИТ НА ВОСТОК?
ТАБОРИТЫ И ЗАПОРОЖЦЫ**

А.Н. Галямичев

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра всеобщей истории
e-mail: galyamichev57@mail.ru

**TABOR GOES TO THE EAST?
TAVORITES AND COSSACKS**

A.N. Galyamichev

(Saratov, Russia)
e-mail: galyamichev57@mail.ru

Принято считать, что Запорожская Сечь была основана в конце XV века. Главной причиной её возникновения, как и складывания казачества в целом, с полным основанием полагается усиление феодально-крепостнического гнёта в Русском и Польско-Литовском государствах.

Историческим предшественником казаков, в том числе — днепровских, обычно называют бродников русских летописей, а само явление казачества рассматривается в контексте векового взаимодействия Леса и Степи на южных границах Руси — России и Великого княжества Литовского

В этой связи нельзя не вспомнить исключительно ёмкую и выразительную характеристику, вышедшую из-под пера певца запорожского казачества Николая Васильевича Гоголя: «Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная

своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников, когда, лишившись дома и кровли, стал отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, — и когда все поречья, перевозы, прибрежные пологие и удобные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! У нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак».

Однако ещё основоположник чешской историографии Ф. Палацкий в середине XIX века высказал предположение о том, что к основанию Запорожской Сечи могли быть причастны чешские гуситы. О гипотезе Ф. Палацкого вспоминал другой выдающийся чешский учёный З. Неядлы в статье «Гуситы и русские», опубликованной в 10/11-м номере советского «Исторического журнала» в ноябре 1941 года.

Эти предположения не нашли отклика в трудах русских и украинских историков, поскольку бесспорных фактов, которые бы прямо указывали на участие гуситов или их последователей в основании Запорожской Сечи не обнаружено.

Однако, с другой стороны, как нам представляется, нет также оснований для того, чтобы исключать ту или иную степень влияния гуситского движения на становление днепровского казачества.

Напомним, что гуситское движение, потрясшее основы общественного и государственного строя Европы, вспыхнуло в Чехии в начале XV века и продолжалось на протяжении большей его части (в современной чешской историографии в качестве условной даты окончания гуситского движения принято считать год смерти «гуситского короля» Иржи из Подебрад — 1471-й). Гуситские события имели огромный международный резонанс, оказав мощное влияние на развитие идейной и социально-политической борьбы в странах Европы. При этом нередко пример гуситов становился вдохновляющим образцом для подражания.

Может ли быть поставлена в этот ряд Запорожская Сечь? Как нам представляется, несколько обстоятельств, которые подталкивают к положительному ответу на этот вопрос.

Во-первых, сама Сечь как явление, как укреплённый военный лагерь, не имевший постоянного населения, но выступавший как оплот казачества, место сбора и подготовки войска к очередному походу, находит ближайший аналог именно в гуситском Таборе.

Сам характер ритмов жизни Сечи живо напоминает времена гуситского Табора. Обратимся вновь к выразительному языку автора «Тараса Бульбы»: «Стоило только есаулам пройти по рынкам и площадям всех сёл и местечек и прокричать во весь голос, ставши на телегу: «Эй вы, пивники, броварники! полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболюбы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в земле свои жёлтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» И слова эти были как искры, падавшие на сухое дерево. Пахарь ломал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленник и торгош посылал к чёрту и ремесло и лавку, бил горшки в доме. И всё, что ни было, садилось на коня». Всё это заставляет вспомнить повествования хроник гуситской эпохи о пламенных речах таборитских проповедников, обращённых к жителям чешских сёл и городов.

Интересно вспомнить и об обычаях, бытовавших на Сечи, которую посол императора Священной Римской империи Рудольфа II Эрих Лассота называл «рыцарским товариществом» (Gesellschaft). Как писал Н.В. Гоголь, основываясь на письменных источниках и устных преданиях: «Сечь состояла из шестидесяти с лишним куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а ещё более походили на школу и бурсу детей, живших на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батьки. У него были на руках деньги, платье, весь харч, саламата, каша и даже топливо, ему отдавали деньги на сохран».

На Сечи существовала овеянная легендами скарбница — общевойсковая казна, заставляющая вспомнить таборитские кади

Подробное описание Войсковой Скарбницы оставил французский инженер Гийом Боплан, поступивший на службу к польскому королю и руководивший в 40-е гг. XVII века строительством крепостей на землях Украины: «Несколько ниже реки Чертомлык, почти посредине Непра лежит довольно большой остров, где находится какая-то развалина. Остров этот окружён более чем десятком тысяч других островов и островков, разбросанных вдоль и поперёк крайне хаотично, неравномерно и запутанно; одни из них сухие, другие — болотистые, к тому же сплошь поросли тростником толщиной в палец, который мешает видеть разделяющие их каналы. Именно в путанице этой местности казаки устроили себе убежище, которое называют Войсковой Скарбницей (Skarbniza Woyskowa), то есть войсковой сокровищницей. ... Все артиллерийские орудия, добытые у турок, они опускают на дно, даже деньги прячут там и вынимают только по мере надобности».

Войсковая Скарбница востребовалась и пополнялась во время дальних походов запорожцев, которые во многом напоминают заграничные походы гуситов, одной из главных целей которых было пополнение продовольственных и материальных ресурсов гуситских войск.

Обратимся ещё раз к автору «Тараса Бульбы»: «Конные ехали, не отягчая и не горяча коней, пешие шли трезво за возами, и весь табор (!) подвигался только по ночам, отдыхая днём и выбирая для того пустыри, незаселённые места и леса. Засылаемы были вперёд лазутчики и рассыльные узнавать и выведывать, где, что и как. И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их, они появлялись вдруг — и все тогда прощались с жизнью. Пожары охватывали деревни: скот и лошади, которые не угонялись за войском, были избиваемы тут же на месте».

Традиции гуситского Табора напоминает и обычай избрания военного предводителя перед началом похода, а гетманская палица Яна Жижки на миниатюрах рукописей гуситской эпохи выглядит зримым историческим предшественником булавы запорожского кошевого.

Но, пожалуй, главным аргументом в пользу предположения об исторической преемственности между гуситским Табором и Сечью, может послужить воинская тактика. Вот как её описывает инженер Боплан: «Таборы — это возы, за которыми козаки укрываются, когда передвигаются по голой степи. Больше всего они (казаки — А.Г.) обнаруживают ловкости и стойкости в сражении в таборе под прикрытием возов (ибо они очень метко стреляют из ружей, которые составляют их обычное вооружение) и при обороне укреплений; они недурны также и на море, но при езде верхом они не настолько искусны... Под прикрытием своих таборов сотня казаков не побоится и тысячи поляков или даже [нескольких] тысяч татар. Если бы они были так же доблестны в конных сражениях, как в пешех, то, думаю, были бы непобедимы».

Параллели с временами гуситских войн обнаруживаются даже в военных хитростях запорожцев. Вспоминается эпизод во время осады Дубно, когда четыре свежие сотни поляков «грянули картечью» в «козацкие кучи»: «Но мало кого достали: пули хватило по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на казацкие таборы, переломали возы и многих потоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады со своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотило назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смело и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили вы походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новой силой на неприятеля. Много тогда перебили врагов».

О подобного рода средствах ведения боя рассказывал гуситский хронист Лаврентий из Бржезовой: в войске императора Сигизмунда под Кутной Горой в декабре 1421 года «среди массы вооружённых конных людей находилось несколько сот быков и коров, чтобы внушить их видом страх [неприятелю] и обратить его в бегство».

Разумеется, все эти обстоятельства могли являться следствием косвенного влияния гуситских событий на развитие военного искусства, либо порождением сходства объективных условий и природы решаемых задач. Едва ли можно говорить, например, о

влиянии гуситского наследия на применение тактики вагенбурга пионерами «дикого Запада» в прериях Северной Америки.

Тем не менее, нельзя, на наш взгляд, исключать и возможность прямого, непосредственного влияния гуситов не только на развитие военного искусства, но и на образование оплота казачьей вольницы на Днепре. При этом следует вспомнить о том, что немалое число выходцев из восточнославянских земель принимало непосредственное участие в событиях гуситской эпохи в Чехии.

Речь идет, прежде всего, о тех отрядах, которые пришли в Чехию под знамёнами Сигизмунда Корибутовича — сына Новгород-Северского князя Дмитрия Ольгердовича, который после смерти отца воспитывался при дворе дяди — польского короля Владислава II Ягайло и даже некоторое время рассматривался в качестве возможного наследника польского престола.

Когда в 1420 г. гуситы обратились с предложением принять чешскую корону сначала к Ягайло, а после его отказа — к великому князю литовскому Витовту, последний дал на это согласие и отправил в Чехию с 5-тысячным войском Сигизмунда Корибутовича, который стал наместником Витовта.

В этом войске было много выходцев из западно-русских земель, включая унаследованное Сигизмундом Корибутовичем Новгород-Северское княжество (гуситское требование причащения под двумя видами не могло казаться большинству из них, православных христиан, еретическим).

В конце 1423 г. Сигизмунд Корибутович ушёл из Чехии в соответствии с соглашением Ягайло, Витовта и императора Сигизмунда Люксембурга. При этом польско-литовский принц оставил о себе в Чехии добрую память, сумев на время примирить враждующие гуситские лагеря.

В 1424 г. чешские послы обратились непосредственно к Сигизмунду Корибутовичу с просьбой принять власть над Чехией. В том же году у Ягайлы появился сын — наследовавший ему Владислав III Варненчик, и Корибут дал согласие на возвращение в гуситскую Чехию.

Вступив в Прагу, Корибут был провозглашён королём, хотя обряд коронации произведён над ним не был. Гибкий политик и

умелый полководец, Сигизмунд Корибутович был заточён в конце 1427 г. в замке Вальдштейн, после того как в руки его противников попала тайная переписка Корибута с Витовтом, которого он просил выступить в роли посредника между гуситами, папой и императором.

Весной 1428 г. Сигизмунд Корибутович был освобождён из заточения и выслан из Чехии. Поскольку в Польше и Литве отлучённый от церкви принц был лишён всех владений и мог подвергнуться преследованиям, он сначала нашёл приют в Рациборско-Крновском княжестве (у своей сестры Елены, вдовы князя Яна II Железного), а затем, собрав своих сторонников, попытался создать собственное княжество в Силезии с центром в городе Гливице. После поражения таборитов при Липанах в мае 1434 г. Корибут вернулся в Великое княжество Литовское, где в это время разгорелась усобица между Сигизмундом Кейстутовичем и Свидригайло Ольгердовичем.

Корибут встал на сторону последнего, был ранен на поле битвы под Вилькомиром 1 сентября 1435 г., взят в плен и казнён по приказу победителя — Сигизмунда Кейстутовича.

По предположению Ф. Палацкого, остатки разбитых под Вилькомиром таборитских отрядов Корибута возглавил один из его сподвижников — западно-русский князь Фёдор Острожский. Под его руководством, как предполагал Ф. Палацкий, они могли уйти к южным рубежам западной Руси и стать ядром формирующегося казачества.

Думается, что исключать возможное влияние на становление запорожского казачества бывших воинов Корибута, как оставшихся на Украине после поражения Свидригайло, так и вернувшихся к родным очагам раньше, после завершения первых военных предприятий Корибута в Чехии, нельзя.

Что же касается Фёдора Острожского, то источники фиксируют его появление в ближайшее время после сражения при Вилькомире на польской службе. Как и многие уцелевшие после битвы при Липанах табориты, этот сподвижник Корибута пополнил ряды знаменитых чешских наёмников, которые до конца XV века с успехом несли службу в армиях государств Центральной Европы.

Придя в Чехию в составе польско-литовского отряда Корибу-та в 1422 г., этот представитель известного рода князей Острожских уже в годы гуситских войн неоднократно переходил из одного лагеря в другой, руководствуясь соображениями собственной выгоды, а затем стал типичным представителем закалённых в походах и сражениях гуситской эпохи воинов-профессионалов, среди которых после Липанской битвы прочно укоренился дух наживы.

Есть, на наш взгляд, основания предполагать, что связующим звеном между гуситским Табором и Запорожской Сечью могли послужить события в Словакии, происходившие в середине XV века.

Поводом к их началу стал династический кризис в Венгрии, наступивший после смерти короля Альбрехта II Габсбурга в 1439 году. Жена Альбрехта, королева Елизавета, дочь короля Сигизмунда Люксембурга, добилась коронации своего сына Ладислава, родившегося спустя четыре месяца после смерти отца и вошедшего в историю под прозвищем Погробек (Постум). Однако большая часть венгерского дворянства поддержала кандидатуру Владислава III Ягеллона.

Сторонникам Габсбургов удалось сохранить власть в Западной Венгрии, а также в Словакии, где закрепился чешский феодал Ян Искра из Брандиса, который привёл с собой несколько тысяч гуситских воинов.

В 1453 г. Ладислав Постум был признан королём Венгрии, и Ян Искра по соглашению с регентом королевства Яном Хуньяди покинул Словакию, получив земельные пожалования в Трансильвании, но его войска остались в Словакии, примкнув к начавшемуся здесь ещё в конце 1440-х гг. движению «братиков» — гуситских отрядов, пытавшихся следовать традициям Табора.

Движение «братиков» продолжалось до середины 70-х гг. XV века, оставив глубокий след в исторической памяти словацкого народа и став предметом неоднозначных оценок историков Нового времени.

Заключительные страницы истории движения «братиков» послужили отправной точкой для сюжета поэмы выдающегося

чешского писателя последних десятилетий XIX — начала XX вв. Сватоплука Чеха «Степной ветер», вышедшей в свет в 1879 году.

Кульминация поэмы — обращение умирающего гуситского гетмана к сподвижникам, которые остановили свои возы на границе украинской степи.

«Не однажды

Мы за речь и веру шли на бой,

Но потом к мечам в кровавой жажде

Приросли сердца, чтоб жить войной.

Наше знамя уж туда клонило,

Где добыча звонкая манила,

И из витязей, из слуг Господних

Стали мы толпой бродяг голодных.

В наказанье на земле венгерской

Ныне Бог разбил нас в битве дерзкой.

Мне он грудь пронзил, а вас, печальных,

Выгнал в глубь степей сих чужедальных.

Но хоть вас народ единокровный

На востоке примет, — я ж средь ровной

Этой шири буду вечным сном

Спать один в безлюдье вековом».

Поэма завершается описанием вступления гуситов в украинские степи:

«Попрощались все с вождём суровым.

Дальше двинулся поток тоскливый,

Знамя с чашей плыло к Украине,

А за ними средь степи бескрайней

Ветер поднимался сиротливо».

Справедливости ради следует отметить, что содержательная суть поэмы была не столь безысходной. Умирающий гетман произнёс пророческие слова:

«Вижу: из страны восточной туча

Всадников уж прянула могуче.

С нею внуки внуков наших мчатся

В землю предков, за неё сражаться.

Пронесётся над моей могилой,

Этот вихрь копыт захватит с силой

Прах мой, и в отчизну унесёт
– Новой славы цвет там зацветёт!»

Пророчество Сватоплука Чеха сбылось в мае 1945 года, после того как в самый тяжёлый период Великой Отечественной войны о возможной преемственности между гуситским Табором и Запорожской Сечью напомнил профессор З. Нееды, приехавший в Москву после фашистской оккупации Чехословакии в 1939 г. и ставший одним из основателей кафедры истории южных и западных славян в МГУ.

Литература

Боплан Г.Л. де Описание Украины Гийом Левассер де Боплана по экземпляру второго издания 1660 года, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов с параллельным переводом на русский язык. - URL: http://www.drevlit.ru/texts/b/b_boplan1.php (Дата обращения: 28.05.2019).

Гоголь Н.В. Тарас Бульба // *Гоголь Н.В.* Вий. Повести. М., 2006. С. 248-249

Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957. 462 с.

Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / пер. В.С. Соколова. М., 1962. 332 с.

Нееды З. Гуситы и русские // Исторический журнал. 1941. № 10-11. С. 124-129.

Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / пер. и примеч. Ф. Бруни. СПб., 1873. 95 с.

Рандин А.В. Гуситская эпоха в зеркале одной судьбы («Русский гусит» князь Фридрих Острожский) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. Йошкар-Ола, 2009. С. 10-27.

Федорук А.В., Кубай И.М. Гуситы и военное дело в Молдавии в XV в. // *Stratum plus*. 2013. № 6. С. 255-273.

Чех С. Степной ветер // *Чех С.* Избранное. М., 1954. С. 51-54.

Яворницкий Д.І. Історія запорозьких казаків. Київ, 1990. Т. 1. 592 с.

Bartoš F.M. *Kníže Zikmund Korybutovič v Čechách* // *Sborník historick. Praha, 1959. Sv. 6. S. 171-221.*

Durdik J. Husitské válečnictví a jeho mezinárodní ohlas // Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958. S. 313-327.

Nikodem J. Polska i Litwa wobec husyckich Czech w latach 1420-1433. Studium o polityce dynastycznej Władysława Jagiełły i Witolda Kiejstutowicza. Poznań, 2004. 442 s.

Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. Praha, 1939. D. III. 648 s.

Varsik B. Husitské revolučné hnutie a Slovensko. Bratislava, 1965. 374 s.

ВЕЛИКИЕ СРАЖЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ИЛИ ПОЧЕМУ МАШУТ КУЛАКАМИ ПОСЛЕ ДРАКИ

А.В. Гладышев

СГУ им. Н.Г. Чернышевского
кафедра всеобщей истории
e-mail: gladav2002@mail.ru

THE GREAT BATTLES IN HISTORICAL MEMORY OR WHY WAVING THE FISTS AFTER FIGHTING

A.V. Gladyshev

(Saratov, Russia)
e-mail: gladav2002@mail.ru

Многие сражения приобрели в исторической памяти особое значение: стали символами побед или поражений, объединенных усилий народов в борьбе с агрессией или неоправданного кровопролития. Топонимы, связанные с военными действиями, со временем приобретают нарицательное значение: Сталинград для наших соотечественников – символ упорства, героизма и самоотверженности. Преферансисты, заказывая игру, иногда объявляют «Сталинград»: для всех безальтернативно, обязательно, жестко. Но значения могут жить своей жизнью, символический смысл тех или иных топонимов может меняться, соответствуя общим изгибам политики памяти. «Березина» для французов то символ героизма, «священности чести» и, не смотря ни на что, успеха, то – символ крушения надежд, бессмысленности жертв, принесенных на алтарь войны. «Пёрл Харбор» воспринимается американцами то, как трагедия, мобилизующая нацию и взывающая к неусыпной бдительности, то, как синоним позора, ошибки руководства страной, а то и прямого обмана со стороны президента.

Тем более понятно, что различные национальные нарративы формируют об одном и том же событии в исторической памяти своего народа различные образы. Битва на Косовом поле – символ единства сербского народа и его богоизбранности, из которого

часто делается практический вывод: многие страдания дают моральное право на... В представлениях албанцев герой битвы на Косовом поле Милош Обилич – по национальности не серб, а албанец и потому символ многовековой борьбы за восстановление албанской независимости.

Известный французский культуролог и историк Бернар Гене писал: «Социальная группа, политическое общество, цивилизации определяются, прежде всего, их памятью, то есть их историей, но не той историей, которая была у них в действительности, а той, которую сотворили им историки...» Вопрос о взаимодействии профессиональной историографии с обыденными представлениями о прошлом – тема отдельного разговора. Сейчас ограничимся двумя тезисами. Во-первых, это взаимодействие истории и памяти будет иметь свою специфику в различных исторических условиях: французские историки полагали, что их миссия – «возглавить и повести», советские – больше стремились «соответствовать». Во-вторых, взаимодействие истории и памяти – процесс обоюдный, это не монолог, а диалог.

И еще одно предварительное замечание-напоминание: речь пойдет не столько о коммуникативной, сколько о культурной памяти, о репрезентации прошлого и его конструировании, и в этом отношении памятей существует столько же сколько социальных групп. Речь пойдет не о том, как было на самом деле в ходе тех или иных великих сражений, и не о том, как спорят о них историки, а о том, как идут процессы их меморизации, как любые наши неловкие движения на полях исторической памяти вызывают болезненную реакцию соседей, как не утихают дебаты вокруг этих сражений. Дебаты не только среди историков (их анализ – это дело историографии), но и на уровне обыденного сознания. Дебаты, которые, порой сопровождаются дипломатическими демаршами или стихийными акциями протеста... Когда президент Дж. Буш-старший назвал воздушную атаку террористов 11 сентября 2001 г. «Пёрл Харбором XXI века», японцы возмутились и не стали молчать: стратегическая атака на военную цель – одно, убийство невинных гражданских – совершенно иное.

Борьба за историческую память о сражении продолжается после самого сражения, порой, столетиями. И поговорка «после

драки кулаками не машут» косвенно свидетельствует о том, как часто и подолгу машут кулаками именно после драки.

Почему? Потому, что роль исторической памяти в функционировании общества необычайно важна. Об этом написано и сказано немало, повторяться не будем, и резюмируем: политика в области исторической памяти - дело государственной важности.

В качестве примера возьмем одно из самых знаменитых сражений в истории - последнюю битву Наполеона, которая состоялась 18 июня 1815 года. В этот день объединенная англо-голландская армия под командованием Артура Уэлсли герцога Веллингтона и прусская армия под командованием фельдмаршала Гебхарда Блюхера разгромили «Великую армию» императора французов.

Сражение произошло в 18 км к югу от центра Брюсселя в регионе Валлония на полях у деревень Брэн-л'Аллё, Мон-Сен-Жан, Лан, и чуть южнее - у Бель-Альянс и Женап. К северу от поля боя за Мон-Сен-Жан находилась деревня Ватерлоо...

Этой битве посвящены десятки тысяч книг, статей, картин и фильмов. Курьез в том, что до сей поры никто не может точно сказать, когда именно она началась: то ли в 10 утра, то ли в 11-30...

Вопрос об исторической памяти о Ватерлоо можно рассматривать на нескольких уровнях: местном (какое место заняло Ватерлоо в исторической памяти валлонцев), национальном или государственном (какое место Ватерлоо занимает в памяти бельгийцев, англичан, голландцев, немцев, французов или русских), общеевропейском или международном.

Начнем с местного уровня. Если кратко, то валлонцам запомнились (и остались в народных преданиях) самые неприглядные стороны войны: колонны отступающих в грязи войск, вереницы телег с беженцами и ранеными, грабежи солдат, насилия, разрушения, смерть близких. Ничего патетического или хотя бы просто поэтического, голая проза военной жизни.

Запомнилась ночь непосредственно после сражения. Тогда нашлось немало желающих поживиться за счет убитых и оставшихся на поле боя раненых. В мародерстве замечены и местные жители, и солдаты. Забирали все мало-мальски ценное. Вырывали

даже здоровые человеческие зубы - сырье для зубных протезов, которые охотно приобретались состоятельными людьми. С той поры все «подержанные» зубы, вне зависимости от их реального происхождения, начали именоваться «зубами Ватерлоо». То был знак качества: лучше зубы молодого солдата павшего на поле брани, чем те, что вырваны у повешенного преступника или безвестного покойника в морге, если не у полусгнившего мертвеца... На утро солдаты и офицеры, разыскивающие тела своих товарищей, часто находили их ограбленными, раздетыми или без зубов. В этой битве было убито около 16 000 человек. Прибавим к этому огромное количество трупов животных, разлагавшихся на июньской жаре... В памяти жителей окрестных деревень остались работы по захоронению павших, которые длились 10-12 дней. Сохранились и рассказы о гибели или насилии над некоторыми гражданскими лицами.

Специально никаких «мест памяти», символических знаков, памятников и т.п. местное население на полях в округе вышеназванных деревень долгое время не конструировало. У местного населения коммуникативная память о Ватерлоо, возникшая в повседневном опыте контактов с войной, никак не хотела перерастать в культурную: вызовы региональной самоидентификации были слабы. На полях под Ватерлоо долгое время возводили монументы главным образом иностранцы. Они же посвящали сражению поэмы, романы, художественные полотна. Битва была важна как символ для англичан, немцев, голландцев, французов, бельгийцев (на уровне общегосударственного дискурса), но не для валлонцев как таковых. Валлонцев интересовало в связи с Ватерлоо - чисто меркантильная сторона вопроса: эпизодический приработок на продаже артефактов войны да оказание услуг туристам. За обычной страстью к обогащению следовала страсть к реликвиям...

Несмотря на то, что видимые следы события постепенно исчезали, «Ватерлоо» быстро стало превращаться в некий прототип святилища на поле битвы. Едва ли не первыми в дело меморизации Ватерлоо внесли вклад туристы. Традиционно, любое культовое сооружение (например, уже существовавшая в деревне Ватерлоо церковь) символизирует всю память о достославном собы-

тии в округе, происходит своего рода аккумуляция сакральности. Но в случае с Ватерлоо туристов интересовало в большей степени именно поле битвы. На следующий день после боя сюда стекаются любопытные, желая увидеть, где именно Наполеон был окончательно побежден, и отметить это дело. Большинство едут на поля сражений, чтобы воочию увидеть то, о чем они слышали, чтобы история стала для них реальностью. Поля у деревни Ватерлоо стали объектом организованного туризма уже вскоре после 18 июня 1815 года. Можно даже сказать, что именно здесь родились первые туроператоры. Кто-то приезжал сюда по личным (семейным мотивам), кто-то по профессиональной надобности, но большинство - это англичане, которые приехали сюда праздновать национальную победу. Организаторы путешествий были удивлены потоком любопытных из Лондона через Гент и Брюссель в эти края, хотя такие путешествия тогда трудно было назвать удобными и комфортными. Уже осенью 1815 года в английских путеводителях появились рекомендации посетить Ватерлоо (не Брабант вообще или Валлонию, а именно Ватерлоо).

Для местного населения сакральность поля, на котором разбили армию Наполеона, вовсе не очевидна. Пока в Брюсселе создается «Общество Ватерлоо» для организации празднования годовщины битвы, власти сельских общин передают жалобы местных крестьян на бесконечную череду британских путешественников, топчущих их угодья. Уже летом 1815 г. здесь, в частности побывали Байрон, Саути и Вальтер Скотт. Этот неослабевающий до XX века поток туристов на поля сражений - явление для Европы беспрецедентное.

Но что собственно видят первые туристы на полях под Ватерлоо? Их поражает незначительность следов Великого События. Все тривиально и ничего величественного, ничего впечатляющего. Одни сожалеют, что на поле битвы нет никакого памятника, другие (как Саути и Байрон), наоборот, полагают, что лучший памятник - само поле битвы. Но многих простота ландшафта разочаровывала своим несоответствием величию и знаковости сражения, положившего конец целой эпохе. Ну, поломанные деревья, ну, несколько полуразрушенных строений, следы от ядер и пуль в стенах домов. Ну, можно было осмотреть «дерево Веллинг-

тона» - вяз, под которым этот генерал стоял в разгар боя... Посетители старались увезти с собой хотя бы веточку этого вяза: чтобы эмоции жили, им нужны материальные, визуальные напоминания, реликвии. Тем же целям служат и трофеи с поля боя - остатки в основном солдатской амуниции, которыми бойко торгует местное население. Материальная ценность найденного артефакта не столь важна: даже самая маленькая пуговица или солдатская пряжка могут осчастливить коллекционера.

Отсутствие какого-либо законодательства в отношении «мест памяти» или использования «исторического мусора» с полей сражений привело к тому, что «дерево Веллингтона» в 1818 г. спилили и вывезли в Англию... 4 октября 1818 г. по этому поводу сокрушалась «Journal de Belgique»: в то время, как одни покрывают местность памятниками, другие памятники приватизируют. В Англию импортировали частицу «ландшафта Ватерлоо» (распилив затем ее на части), а туристы были лишены возможности пережить особые эмоции, связанные с посещением поля Ватерлоо. Так вяз пал жертвой страсти к реликвиям.

Этот интерес к реликвиям, артефактам с поля битвы вызывает к жизни первые коллекции и музеи. В том доме в деревне Ватерлоо, где ампутировали ногу командующему кавалерии в армии Веллингтона Генри Пэджету, будущему графу Аксбриджу, был открыт, пожалуй, первый доморощенный музей, посвященный этому сражению. В 1825 г. здесь завели специальную гостевую книгу с тиснением на кожаной обложке изображения режущей ногу пилы: музей становится «обязательным» для посещения паломниками.

Для приема и размещения туристов на протяжении многих лет создавалась соответствующая инфраструктура. Первоначально туристы останавливались в Брюгге или Брюсселе и уже оттуда отправлялись к Ватерлоо на день или полдня. Но различные путеводители предлагали самостоятельно обойти поля сражения, на что одного дня было недостаточно. И вот в 1840-е гг. в деревне Мон-Сен-Жан появляется первый отель, которым управлял не валлонец, а решивший переселиться поближе к местам своих боевых подвигов английский ветеран битвы Эдвард Коттон. Он од-

новременно выполнял и роль гида на поле боя, и роль хранителя собственного музея. Этот майор в отставке тщательно собирал найденные на месте сражения реликвии, в том числе оружие, которые он предлагал осмотреть и купить всем желающим. После его смерти в 1857 г. наследники перенесли коллекцию в специальный музей у подножия «Львиного холма» (К сожалению, через 60 лет после смерти, его коллекция в 1909 г. будет распродана с аукциона). Эдвард Коттон опубликовал в 1845 г. собственную книгу «Голос Ватерлоо», переведенную затем на французский и переизданную; он был в свое время авторитетом в области знаний о Ватерлоо.

В 1860 г. в отеле «Colonne» в Мон-Сен-Жан прожил два месяца В. Гюго. Здесь он дописывал своих «Отверженных» и, путешествуя по окрестностям, отыскивал или покупал разные сувениры, напоминающие о сражении. Ватерлоо становится популярным туристическим местом, куда приезжают со всего мира. В начале XX века его посещали уже до 250 000 туристов в год.

Помимо просто любопытствующих туристов и коллекционеров исторических реликвий поля под Ватерлоо, начиная с 1815 г., посещали родственники и сослуживцы погибших или раненых, которые немало способствовали «монументализации» ландшафта. В деле монументализации Ватерлоо можно выделить две волны: 1) в первые десять лет после битвы; 2) конец XIX - начало XX века. Первая волна связана с почитанием павших. Уже в 1817 г. шотландские родственники адъютанта Веллингтона командира 3-го полка пешей гвардии двадцатидевятилетнего полковника Александра Гордона, получившего в бою смертельное ранение, установили ему памятник в виде колонны. Эти ранние памятники и мемориальные доски в основном имели частное происхождение и финансировались родственниками или сослуживцами, как, например, памятник 1818 года ганноверцам - эмигрантам из оккупированного Францией Ганновера, которые входили в состав Королевского Германского легиона и 6 часов героически обороняли одну из ключевых позиций - ферму Ла-э-Сент и пролежавшую рядом дорогу.

Такие памятники постепенно заменяют непосредственные следы сражения, они «помечают» пространство, облегчая ориен-

тировку на местности, и, одновременно формируют символическое пространство памяти, что нейтральным делом никогда не бывает.

Уже на первом этапе монументализации Ватерлоо появляются памятники, чья установка инициирована правительством. В 1919 г. появился памятник пруссакам (вообще всем, а не только павшим), выполненный в неоготической стилистике. Этот памятник как бы символизирует переход от «культы мертвых», от памяти-скорби по жертвам войны к «культу героев», к памяти-славе, цементирующей конструкцию нации.

Завершается первая волна монументализации Ватерлоо строительством, пожалуй, самого грандиозного сооружения на полях Ватерлоо, задуманного королем Голландии еще в 1815 г., как памятник наследному принцу Оранскому, который был ранен во время битвы в плечо. Строительство шло с 1823 по 1826 год. Этот монумент поражает своими размерами и притязаниями на то, чтобы доминировать над окружающим ландшафтом. Примерно на том месте, где был ранен принц, как в древности, насыпали огромный курган, а на него водрузили на постаменте 28-тонного чугунного льва - символ победы нового королевства Нидерландов (отсюда название «Львиный курган»). Лев отлит из переплавленных французских пушек и обращён лицом в сторону Франции. Британские туристы иронизировали по поводу национальной символики льва, оскорбленные французы негодовали (в частности В. Гюго), но со временем памятник «Львиный холм» стал узнаваемым образом, идентификатором Ватерлоо. Присутствие в центре поля битвы искусственной пирамиды выглядело как нечто неуместное, но сооруженная на ее вершине обзорная площадка, с которой открывалась прекрасная панорама, заставила критиков смириться.

Французы еще в 1837 г. задумали свой национальный монумент «последним воинам Великой армии», но из-за дипломатических осложнений реализовать тогда его не смогли. После поражения в войне с Пруссией в 1870 г. во Франции наблюдается несколько парадоксальный подъем интереса к «славному поражению» 1815 года. Чтобы объяснить «погребальный характер» ландшафта Ватерлоо, проявившийся в увеличении количества

французских памятников, надо учитывать эффект от событий 1870-1871 года. Французов подхлестнула и инициатива англичан 1890 г., которые соорудили памятник «Британским офицерам и солдатам, павшим во время кампании Ватерлоо» (правда довольно далеко от самого поля битвы, на кладбище Эвер в Брюсселе). В конечном итоге в контексте «сердечного согласия» между Англией и Францией в 1904 г. французы при огромном стечении публики открыли свой памятник работы скульптора Жерома - «Раненый орел». Установлен памятник в том месте, где погибли гвардейцы французского генерала Камброна, в полутора километрах от «Львиного холма», которому французский монумент стал своеобразной антитезой.

В рамках подготовки к 100-летию юбилею сражения в 1912 г. под руководством французского художника Луи-Жюля Дюмулана была создана гигантская живописная панорама с длиной полотна в 110 и высотой 12 метров. Она была расположена у подножия «Львиного холма». Панорама, посвященная атаке французской кавалерии против каре союзников, символизирует героизм французов. Это символ пусть и поражения, но славного. Такой подход к Ватерлоо популяризировал еще В. Гюго, которому здесь также поставлен памятник (единственный памятник гражданскому лицу в этой местности). Недалеко от «Раненого орла» воздвигли «колонну Гюго», которую по замыслу должен был венчать галльский петух, который так никогда и не был установлен (одно дело - орел как альтернатива льву, но петух...). Еще одна инициатива французов - стела у фермы (замка) Угумон, посвященная воинам Великой армии, павшим в атаках на это здание.

Наконец, в 1914 г. появился памятник «бельгийцам, защищавшим честь знамен». «Знамен» во множественном числе, потому что бельгийцы воевали с обеих сторон. 26 марта 1914 года, за два месяца до начала войны, правительство Бельгии принимает новаторский по тем временам закон о защите исторического ландшафта или объектов культурно-исторического наследия, по которому значительная часть поля битвы (535 гектар) объявлена национальным мемориальным заповедником Бельгии, на территории которого запрещено несанкционированное строительство.

Потомки Веллингтона организовали в Великобритании подписание, чтобы финансово помочь бельгийскому государству в реализации этого закона и одновременно предложили создать специальный склеп, предназначенный для размещения останков «героев всех наций». Проект из-за начавшейся войны реализован не был, но он знаменателен попыткой создать на полях Ватерлоо общее для всех наций «место памяти».

Сегодня на территории культурно-музейного комплекса находится около полутора сотен различных строений, скульптур и знаков. Но едва ли секрет популярности Ватерлоо заключается лишь в разбросанных (иногда несколько произвольно) по полям разнородных и вовсе не аутентичных памятниках. По большому счету главная цель визита на поля Ватерлоо - не памятники и стелы.

Французские писатели от Кинэ и Дюма до Гюго черпали на полях Ватерлоо эмоции и патриотическое вдохновение. Эффект от присутствия влиял на романтическую чувствительность больше сотни рассказов об этом поле, об этой битве. Схожие «перехватывающие дыхание» эмоции описывали и британские путешественники. Поэтому понятия «паломничество» как-то сразу прижилось среди посетителей Ватерлоо: как среди победителей, так и побежденных. Сегодня популярность Ватерлоо среди туристов объясняется как развитием туристической инфраструктуры, так и новым отношением европейцев к истории, к войнам. Ватерлоо как «место памяти» - это место для медитации, размышлений, эмоций.

Естественно, там, где речь идет о национальных чувствах, дело не может обойтись без политики. Еще не всех павших захоронили, как началась схватка за славу победителей, за память о сражении.

Французы долгое время называли это сражение - битвой у Мон-Сен-Жан. Распропагандировали Ватерлоо как символ своей победы в первую очередь англичане и немцы. Немцы в XIX века называли это сражение «сражением при Бель-Альянсе» и настаивали на своем решающем победном вкладе в него. Улицы «Бель-Альянс» до сих пор можно встретить в немецких городах. В России, как в частной переписке за июль 1815 г., так и в первом офи-

циальном известии о победе союзников, сражение именовалось «Ватерлоо/Бель-Альянс».

Но в этой гонке за славой победили англичане. При этом лишь 36% солдат армии Веллингтона были британцами - остальные были немцами, голландцами или фламандцами и валлонами из тех мест, где сейчас расположена Бельгия. Это англичане дали само название сражению: в деревне Ватерлоо находилась ставка Веллингтона. Именем Ватерлоо в Лондоне названы вокзал и мост через Темзу. Кроме того, в англо-саксонском мире (от Австралии до Канады) около 120 городов и селений носят имя Ватерлоо.

Помогли англичанам в увековечивании их славы (да и названия сражения) голландцы. Уже через месяц король Нидерландов Гийом I присвоил Веллингтону титул князя Ватерлоо. (В указе от 29 сентября 1815 г. король в знак национальной благодарности голландцев прибавил к титулу ежегодную ренту и несколько десятков гектар лесистой местности в районе коммуны Нивель (14 км к югу от Ватерлоо). После того как Бельгия добилась независимости, ее правительство 15 ноября 1831 подписало в Лондоне договор, по которому Бельгия как государство-правопреемник подтверждала все права на земли и привилегии прямых наследников Веллингтона по мужской линии. Ренту бельгийское государство продолжало выплачивать преемникам герцога Веллингтона до 1988 года).

Но основные политические страсти разыгрались в XX веке вокруг коммемораций по случаю юбилея сражения. 100-летие битвы из-за Первой мировой войны прошло незаметно. Но уже в 1920-е гг. манифестации на полях Ватерлоо начинают приобретать политический подтекст. Бельгийские учебники придерживаются «нейтрального» подхода к оценке Ватерлоо: бельгийцы воевали в обеих армиях. Но Бельгия - это франкоязычная Валлония и говорящая на голландском Фландрия. Валлоно-фламандский конфликт обозначился еще в середине XIX века. А с 1920-х гг. валлонцы взяли себе моду совершать паломничество на Ватерлоо именно к французскому «Раненому орлу». При желании в этом политики могли бы увидеть стремление присоединиться к Франции. После своего апогея в 1938 году это паломничество валлонцев постепенно исчезло в 1980-х годах.

В первые годы после Второй мировой войны меморизация Ватерлоо связана с рядом частных инициатив по открытию музеев, сохранению исторических зданий и т.п. В условиях недостаточного государственного финансирования мемориала, эти инициативы сыграли весомую роль, хотя кое-что сохранить так и не удалось (например, дом, в котором останавливался Виктор Гюго снесли под автостраду). Возник ряд различных общественных ассоциаций, которые расставили по полям Ватерлоо свои мемориальные доски... На ферме Кайу, где накануне битвы располагалась последняя штаб-квартира Императора, создали музей (это единственный в Бельгии музей, посвящённый знаменитому корсиканцу). На открытии его посол Франции говорил о «союзе европейцев» и о том, что Ватерлоо - символ этого союза: нет сражения, которое бы раз и навсегда разделило народы, меморизация Ватерлоо показывает, что народы способны к мирному сосуществованию и общению и т.п.. Но уже 150-летняя годовщина битвы при Ватерлоо (1965 г.) показала, что не все так идеалистично...

Подготовка и проведение юбилейных торжеств стали объектом политической борьбы, в которую оказались втянуты англичане, французы, немцы, бельгийцы, фламандские националисты... Англичане пиарили свои блестящие успехи прошлого и ностальгировали об имперском величии, французы размышляли о цене побед и поражений, немцы реставрировали памятники, скромно позиционируя их как места скорби, фламандцы у «Львиного холма» требовали воссоединения с Нидерландами, валлонцы у монумента «Раненого орла» задумывались о воссоединении с Францией.

Англичане вроде бы планировали музей Веллингтона в Лондоне целиком продать американским богачам (из-за отсутствия фондов на его содержание). Но весной 1965 г. нашли средство открыть по соседству с музеем выставку военных трофеев (штанدارтов и знамен французских частей), рассказывающую об эпической победе британского оружия. Организовали военный парад и провели торжественный прием в Уайтхолле. На этом приеме была королева, герцог Эдинбургский, премьер-министр Гарольд Уилсон и другие представители элиты, но не было ни од-

ного иностранного дипломата. Официальный Лондон всячески позиционировал Ватерлоо как символ европейского единства.

Напомню, что Шарль де Голль в 1960-е годы дважды успешно блокировал вхождение Великобритании в Общий рынок. Он говорил, что британцы станут «троянским конем Америки» в Европе.

Англичане постарались использовать годовщину Ватерлоо как повод для культурной дипломатии на континенте. Британский посол в Бельгии предложил устроить у Ватерлоо парад с участием двух тысяч английских военных. Узнав об этом, де Голль отказался принять участие в празднествах под предлогом плотного графика: он-де готовится отмечать 900 лет со дня нормандского завоевания Англии. Официальный Брюссель тогда решил ограничить планы англичан скромным приемом в посольстве и богослужением в память погибших солдат всех народов.

Де Голлю отомстили в 1966 г.: когда Франция вышла из военной организации НАТО, штаб-квартиру альянса перенесли из Парижа в Брюссель, поближе к Ватерлоо... Намек для французов достаточно прозрачный... Близость бельгийской столицы к полю боя заставила журналистов отметить, что США и Британия учинили де Голлю новое Ватерлоо.

Для французов поражение при Ватерлоо всё ещё являлось большим вопросом. В свое время президенты Франции Шарль де Голль, Франсуа Миттеран и Жак Ширак во время своих официальных визитов в Лондон просили закрыть масштабную фреску в Палате Лордов «Встреча Веллингтона и Блюхера при Ватерлоо» работы ирландского художника XIX века Дэниеля Маклайза.

Несмотря на разногласия, европейцы проявили единодушные в необходимости сохранения самого мемориала...

Соседство Ватерлоо с городом могло сослужить мемориально-музейному и культурно-историческому ландшафту плохую службу: столица Евросоюза и блока НАТО растет, пригороды наступают на Ватерлоо. Даже подумывали, не лишит ли поле сражения статуса объекта культурного наследия, но эта идея встретила дружное противодействие европейских государств. В 1972 г., когда по полю собирались провести кольцевую автодорогу, Франция, Британия, Германия и Нидерланды забросали различ-

ные бельгийские государственные органы протестами о судьбе «своих» памятников.

200-летие битвы у Ватерлоо в 2015 году - возможная тема для отдельного разговора. Политические интриги и дипломатические демарши в последние десятилетия из-за юбилея вовсе не исчезли.

Правительство Бельгии передало большинство из 135 монументов Ватерлоо под ответственность валлонского правительства, а оно еще в 2004 г. приняло решение о развитии местной инфраструктуры и поставило цель удвоить количество посетителей до 500 000 в год. В 2010 г. региональные власти выделили 40 миллионов евро на реставрацию старых и возведение новых музеев. Выказывалась надежда, что вложения быстро окупятся. Было принято решение создать у подножия «Львиного холма» просветительский мультимедийный центр площадью в 3 тысячи квадратных метров, оборудованный по последнему слову техники. Не все шло гладко, развернулись дебаты относительно этой панорамы. Смущал даже выбор подрядчика: предполагалось, что строительством центра займется французская фирма «Culture Espaces» Бруно Моннье, но выказывались опасения, что французы «нарушат исторический баланс». Тогда был создан международный комитет, который бы следил за разработкой контента новой экспозиции.

Вторым объектом споров стала реставрация фермы Угомон, находившейся в 1815 г. в эпицентре сражения. Англичане согласились выделить 1 млн. евро, из которых 600 000 были бы использованы для восстановления собственно фермы Угомон, а оставшиеся 400 000 евро - на создание на ферме мемориала в честь английской армии. Но реставрация фермы обошлась не в 600 000 евро, а в 6 миллионов. Да и французские историки поспешили выразить озабоченность тем, чтобы мемориал Ватерлоо отражал разнообразие взглядов на битву.

Бельгийский Центральный банк собирался выпустить памятную монету достоинством 2 евро к 100-летней годовщине битвы. На национальной стороне монеты бельгийцы планировали изобразить знаменитый мемориал «Холм льва». Эскиз монеты был представлен Бельгией Совету Европейского союза. Уже спустя несколько дней Франция выступила против выпуска этой монеты, заявив, такое изображение на ней является «негативным симво-

лом», вызовет «побочные реакции во Франции» и подорвёт единство в еврозоне.

В Лондоне в случае с бельгийской монетой Ватерлоо усмотрели французскую моральную ущербность. Англичане отчеканили полмиллиона точных копий британской медали, которой награждали британских солдат за участие в этом сражении, а также памятную монету в 5 фунтов, на которой изображены пожимающие друг другу руки Веллингтон и Блюхер.

Бельгийцы были вынуждены пойти Парижу на уступку и уничтожить 180 тысяч уже отчеканенных монет. Альтернативным вариантом стало решение выпустить коллекционную монету достоинством 2,5 евро с аналогичным дизайном из латуни. Выпуск коллекционных монет не так жёстко регламентирован как выпуск памятных. Коллекционные монеты имеют статус законного платёжного средства только в государстве, эмитировавшем их, т.е. на территории Бельгии.

На юбилейные торжества в Брюссель самолюбивая Франция пошлет второстепенных чиновников своего МИДа. Кажется, Ватерлоо так и не суждено превратиться в символ европейского единства, хотя сами торжества прошли с размахом: только на реконструкцию сражения потратили 22 тонны пороха, а зрители могли одновременно насладиться новым бельгийским пивом «Ватерлоо».

Литература:

Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 (40-41). С. 28-35.

Дерябин А.И., Ефремов Ф.А., Жданов А.Л. Битва у Белль-Альянс (Ватерлоо): Хроника сражения 18 июня 1815 г. М., 1999.

Bernard G., Lachaux G. Waterloo: les reliques. Paris, 2005.

Bousmar E. Waterloo 1815-2015. Mémoires européenne, belge et locales en Brabant wallon // Revue d'histoire du Brabant wallon. 2015. Т. 29. Р. 94-126.

Forrest A., François E. War Memories. The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture. Basingstoke, 2012.

Forrest A. Waterloo: Great Battles. Oxford, 2015.

Heinzen J. A Negotiated Truce: The Battle of Waterloo in European Memory since the Second World War // *History and Memory*. 2014. T. 26. N 1. P. 39-74.

La chose de Waterloo: Une bataille en littérature / sous dir. D. Zanone. Leiden; Boston, 2017.

Largeaud J.-M. Napoléon et Waterloo. La défaite glorieuse de 1815 à nos jours. Paris, 2006.

Leroy Ch. L'intrigante dotation des Wellington en Brabant wallon. URL: <http://www.levif.be/actualite/belgique/1-intrigante-dotation-des-wellington-en-brabant-wallon/article-normal-357003.html> (дата обращения: 13.05.2011).

Logie J. Petite histoire du tourisme à Waterloo et au hameau du Lion // Bulletin de la Société belge d'études napoléoniennes. 2006. № 48. P. 32-62.

Poulot D. Conservation et mémoire d'une bataille: quelques réflexions // Waterloo. Monuments et représentations de mémoires européennes (1792-2001). Louvain-la-Neuve, 2003.

Rosier Ch. Défis de la construction d'infrastructures sur le site de la butte du Lion de Waterloo. Bruxelles, 2014.

Seaton A.V. War and Thanatourism: Waterloo 1815-1914 // *Annals of Tourism Research*. 1999. T. 26. № 1. P. 130-158.

Waterloo. Lieu de mémoire européenne (1815-2000) / sous dir. M. Watelet et P. Couvreur. Louvain-la-Neuve, 2000.

Waterloo. Monuments et représentations de mémoires européennes (1792-2001): Actes du colloque international de Louvain-la-Neuve / sous dir. M. Watelet, P. Couvreur, Ph. Villelongue. Louvain-la-Neuve, 2003.

Vander Cruysen Y. Waterloo démythifié! Waterloo, 2014.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(55)

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ В ПЕРСИИ: МИФЫ И РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

А.И. Кирпиченко

Центр восточных культур
ЦГПБ им. В.В. Маяковского
e-mail: kirpichenok@mail.ru

TWELVE DAYS IN PERSIA: MYTHS AND REALITIES OF MODERN IRAN (PART ONE)

A.I. Kirpichenok

(St. Petersburg, Russia)
e-mail: kirpichenok@mail.ru

В начале 2019 года мир отметил сорокалетний юбилей Иранской революции. Накануне этой исторической даты я с группой коллег решили посетить Исламскую республику Иран, чтобы получить представление о сегодняшнем дне этой страны. Ведь не секрет – многие люди, которые получают информацию из корпоративных СМИ, считают это государство оплотом мирового зла, которое противостоит на Ближнем Востоке «силам света и демократии» – Саудовской Аравии, Израилю и США.

Скажу сразу – визит в «закрытый» Иран является куда более простой задачей, чем визит в «открытый» Евросоюз. Вы можете подать онлайн-заявку на визу и получить ее в консульстве, или в тегеранском аэропорту. Порой могут возникнуть технические проблемы, но все они решаются при наличии времени и сравнительно небольших средств.

Мы летели в Тегеран через Баку. Аэропорт столицы Азербайджана, построенный при участии архитектора Захи Хадид, поражает своей архитектурой и комфортом. Футуристические формы,

библиотека, капсулы для сна пассажиров – если в Средние века эмиры возводили ради своей славы караван-сарай, то сегодня они возводят пафосные аэропорты.

День первый

Перелет из Баку до Тегерана занял час, что для воздушного путешественника проходит почти незаметно. Уже через полчаса самолет перелетел горный хребет с вулканом Демавенд, и за окном появился пустынный пейзаж – с редкими дорогами и хозяйственными постройками. А еще спустя несколько минут лайнер зашел на посадку в аэропорту имени Хомейни.

Вид главной воздушной гавани Ирана напоминал голливудские фильмы про воздушных террористов 1970-х годов. Пустыня, мрачное здание аэровокзала, построенное явное еще до свержения шаха, самолеты в черной ливрее. Для полноты картины не хватало только палестинцев с «калашниковыми» на джипах.

В аэропорт мы вошли по какой то металлической лестнице, внутренняя обстановка так же соответствовала 1970-ым годам, хотя здание было построено относительно недавно. Мне надо было оформить въездную визу, и я подсознательно опасался возможных осложнений. Но мои страхи не имели под собой оснований. Заплатив пошлину в банк, я за две минуты получил распечатанную визу, и еще за три минуты преодолел паспортный контроль.

Дальше предстоял обмен денег. За 150 долларов мне вручили огромную пачку риалов, что вызвало в памяти Германию 1920-х годов или юмористический ролик – «в этой стране обалденный обменный курс». Забегая вперед отмечу, что в Иране цены действительно очень низкие – но нам повезло вдобавок попасть в страну в момент падения курса местной валюты, с большой выгодой обменяв свои евро и доллары.

У девушки в обменном пункте на носу был наклеен пластырь – и я вспомнил, что иранцы любят делать операцию по выпрямлению носа. В дальнейшем я видел еще несколько людей с такими же следами от операции. Ну что же, один из стереотипов об Иране был блестяще подтвержден.

Из аэропорта до города идет метро, но когда мы пришли в кассу, выяснилось, что поезд придется ждать около часа. Для этого предназначалась специальная комната ожидания. В после-

дующие дни я понял, что ожидание является в Иране неотъемлемой частью жизни – но это не всегда плохо. Нужно ждать обед в хорошем ресторане, приезд фирменного такси и т.д. Однако потерянное время, как правило, компенсируется хорошим качеством оказываемых услуг. Никакого «туристического конвейера» в Иране нет.

Метро в Тегеране совсем новое – оно было построено буквально за последние двадцать лет. Интерьеры метрополитена смотрятся «бедненько, но чистенько» – от китайских вагонов, до пластиковой отделки станций.

Поезд шел до центра Тегерана довольно долго, с одной пересадкой, на которой тоже пришлось ждать следующего поезда. За окнами вагона периодически появляются гигантские черные флаги, которые с непривычки смотрятся жутковато. «Вот, он Мордор!». Но, на самом деле, черный флаг означает у шиитов траур по жертвам битвы при Кербеле, красный свидетельствует о том, что здесь живет родня погибших шахидов, а зеленый символизирует сам ислам. Черный цвет так же естественен для жителей Ирана, как для христиан естественно жизнеутверждающее изображение распятого Иисуса и привычка причащаться кровью и плотью своего бога.

Ближе к центру полупустые вагоны постепенно стали заполняться людьми. Преимущественно речь шла о рабочем люде – мужчины с пивными животиками, одетые в рубашки и брюки, женщины в темных накидках. Чем ближе к центру, тем разнообразнее становился состав пассажиров. Постепенно появилась молодежь с модными девайсами, интеллигенты с козьими бородками, темные балдахины женщин стали сменять более яркие ткани и платочки, еле удерживающиеся на голове. Несколько студенток вообще демонстративно передвигались в метро без чадоров. Несмотря на то, что в поезде были вагоны только для женщин, очень многие пары ехали вместе и даже иногда обнимались. Так же, как и в России по вагонам тегеранского метро ходят торговцы. В Иране им даже проще – потому что все вагоны соединены друг с другом.

Вход и выход станций метро охраняют символические автоматчики – родная страна может спать спокойно. Толку от них не-

много, но зато они не мешают при посадке, как контролеры и металлоискатели при входе в петербургский метрополитен.

Наше жилье мы нашли довольно быстро. Тегеранский хостел ничем не отличается от хостелов в других странах мира – комната, кухня, небольшой дворик. Все чистенько, и в самом центре столицы. Управляющая – она же хозяйка – была гостеприимна, а свой платок она снимала сразу же после входа в помещение. Оставив вещи, мы отправились в город.

Общая атмосфера Тегерана напоминает крупные города Средиземноморья. Дикая архитектурная смесь, толпы людей на главных магистралях, абсолютно безумное автомобильное движение. Указатели поворотов, пропуск пешеходов, приоритет в движение? О чем это вы? Развешенные у перекрестков портреты шахидов наводят на кощунственные мысли о том, что это памятные знаки не успевшим перебежать дорогу пешеходам.

Чем же отличаются от восточных мегаполисов иранские города? На улицах мало музыки, почти нет криков торговцев – повышать голос здесь не принято. Персидская культура исключает разговор на повышенных тонах. В конце рабочего дня на тротуарах появляется множество лоточников, но где-то около 22.00 часов уличная торговля исчезает, словно по волшебству. В стороне от главных магистралей очень спокойно и немногочисленно. В городах очень чисто – свалок мусора на улицах и вдоль дорог в Иране почти нет. Всюду работает множество дворников – и очень часто это мигранты из соседнего Афганистана.

Неспешно прогуливаясь, мы оказались у здания бывшего американского посольства, которое ныне стало культурным центром. Дипломатический корпус занимал огромную территорию за высоким забором, где на главном входе нанесена гостеприимная надпись «Долой США!». Неизбалованный подобными выражениями любви к империи добра и света я, конечно же, стал ее сразу фотографировать. За моими манипуляциями с любопытством следил подъехавший на мопеде иранец. Поинтересовавшись откуда я, абориген радостно заявил, что любит Трампа – и тепло улыбнувшись мне, поехал дальше. Ну, вот и она – иранская оппозиция!

Почти вся стена посольства со стороны главного входа украшена антиамериканскими граффити. Однако большая часть рисунков была сделана около двадцати лет назад и сегодня скорее имеет историко-художественную ценность. Стоит отметить, что почти вся антиамериканская пропаганда сконцентрирована в районе бывшего здания посольства. В других районах столицы Ирана визуальных проявлений ненависти к Вашингтону не больше, чем в других городах мира.

Центральное здание бывшего диппредставительства занимает местный аналог «Музея оккупации» – «Музей американского шпионажа». В нем можно осмотреть разнообразное записывающее оборудование, при помощи которого Штаты слушали своего ближайшего союзника-шаха, а также, увидеть остатки американского вертолета потерпевшего крушения во время неудачной спасательной операции группы «Дельта» в 1981-м году. Кроме того, музей демонстрирует комнату для тайных переговоров и фее-рические граффити с рептилоидами, летающими тарелками, масонскими знаками, маген-довидами, американскими агрессорами и даже самим Теодором Герцлем. Рисунки выполнены на отличном художественном уровне и украсили бы любую передачу на РЕН-ТВ.

Из посольства мы продолжили наш путь по улицам, вдоль которых текли живописные арыки, аналогов которым я еще не видел в других городах Средиземноморья. Некоторые районы Тегерана напомнили мне Тель-Авив в районе театра «Габима».

В конце концов, дорога привела нас к местам обитания местных хипстеров у станции метро «Театр». Вдоль улиц потянулись лавочки с фенечками и различными безделушками. Любопытно, что на лотках можно было увидеть рядом портреты «левого» имама Али Шариати, Че Гевары и Маркса – но только не Ленина. Нас безмерно удивила свободно продающаяся символика фем-движения и ЛГБТ. А вот каких-то иранских сувениров в продаже на улицах Тегерана почти нет – кроме украшений зороастрийцев. Видимо на них просто нет покупателей, поскольку туристов в Иране очень мало.

Приезжому сложно понять, что в Иране можно, а что нельзя. Однако, это все же очень индивидуально почти для каждой стра-

ны. К примеру, в России можно поджигать двери ФСБ, но нельзя публиковать фотографии парада 9 мая 1945 года с «нацистской символикой». В Израиле могут отдать под суд за стихи, а во Франции нельзя поджигать двери банков. Конечно, никто в Иране не будет откровенничать на эти темы с незнакомым иностранцем – а вдруг он израильский шпион?

Иранские хипстеры выглядят чудесным приложением к чашке капучино и контрабандным айфонам. Они обитают в гламурных кафе, где нет ничего иранского – вместо традиционного чая там подают латте и смузи, а вдоль стен стоят книжные столы и ретро-мебель. Вам никогда не отрастить такую же бороду как у горбоносого красавца в обтягивающих штанишках, и тем более не переплюнуть стильных иранских девушек. Ограничения в одежде заставляет их экспериментировать с национальным костюмом – и, наблюдая за ними, поневоле жалеешь, что режим аятолл не заставил всех мужчин носить бороду, чалмы и какие-нибудь шелковые халаты. Иранцы бы в них только выиграли. Глядя на томных тегеранок, сидящих в обнимку вокруг кальяна, сразу испытываешь острое желание произнести – «Курбанэт шавам!» («Я жертва твоя!»), а в ответ услышать – «Отойди прочь, гяур!».

Но модные кафе Тегерана – это еще не весь Иран. В том же городе мы видели молодых девушек совершающих намаз прямо на улице, выйдя из машины – а в Куме, священном городе иранских шиитов, вы уже не встретите женщин без черных накидок. Последние двадцать лет путешественники видят в холле дорогих отелей татуированных особ, и пишут, что «дни исламского режима сочтены». Однако, похоже, что наблюдатели выдают свои желания за действительность.

От рассадника хипстеров, мы пошли к башне Азади (башне Свободы), пафосному сооружению эпохи падения шаха. Огромные ворота должны были символизировать 2500-летие шахской династии – но сегодня стали символом Тегерана, удобным для новой власти. В этом ворота чем-то напоминают монумент Свободы в Риге, который успешно существовал при всех сменявшихся один за другим режимах.

Первые часы в Тегеране создали у меня впечатление, что город остановился в 1970-х годах. Именно тогда были построены

большинство домов, небоскребов, публичных зданий, мимо которых мы гуляли – а старые книжные лавки и лотки уличных каллиграфов тоже оформлены в стиле ретро. Из этого следовал вывод, что после исламской революции Тегеран остановился в своем развитии. Но это оказалось не совсем так. От ворот мы поехали на метро в парк Меллат, расположенный на севере города. Издавна Тегеран был городом с ярко выраженной климатической сегрегацией. Живущие в южных кварталах бедняки страдают от жары и влажности, а жители богатых кварталов расположенных в предгорьях наслаждаются сухим и прохладным климатом. Разница в температуре между районами заметна даже на протяжении одной прогулки. Книги по истории революции 1979 года указывают, что до революции южные кварталы затапливались отходами и нечистотами, которые сливались из богатых районов у подножья высокого хребта Эльбурс. Судя по всему, это соответствует действительности. Но и сегодня жить на юге города далеко не сладко.

Меллат – это тегеранский аналог московского Зарядья. Он представляет собой суперсовременный парк с фудкорами, фитнес-тренажерами, планетариями, спортивными площадками и магазинчиками товаров ручной работы. Главными достопримечательностями парка являются красиво подсвеченные пешеходные мосты, по идее перекликающиеся со средневековыми двухуровневыми мостами Исфахана. Здесь тегеранцы устраивают пикники, играют в бадминтон и предаются шопингу. В этом плане жизнь тегеранской буржуазии ничем не отличается от существования зажиточных горожан в Москве или любом другом западном городе. В окрестностях парка можно видеть и новые, очень современные городские кварталы, построенные после исламской революции.

День второй

Утро началось с посещения российского посольства и дворца Голестан. Исторический комплекс, связанный с именем Грибоедова и знаменитой Тегеранской конференцией 1943 года, не уступает по своим размерам бывшей дипмиссии США. Однако попасть за высокий забор нам не удалось – для входа требовалась предварительная запись у консула.

Вблизи от посольства также расположен действующий зороастрийский храм и синагога Хаим. Что же касается бывшего шахского дворца Голестан, по своей структуре он очень напоминает дворец Топкапы в Стамбуле – но неизменно превосходит его в роскоши оформления и художественном вкусе. Это закрытый двор с персидским садом внутри, по периметру которого расположены залы и павильоны. Некоторые из них имеют открытые террасы, сидя на которых шахи представляли перед подданными и иностранцами. Согласно иранской традиции, плафоны залов щедро отделаны стеклом, что с непривычки выглядит диким трешем. Однако лазурная плитка, которой облицованы фасады дворца, безупречна в своей прелести.

Почти вся отделка помещений в большей или меньшей степени испытала на себе европейское, индийское и китайское влияние. На плафонах XVIII века забавно видеть изображения ангелов работы персидских мастеров и соседствующих с ними полуголых красавиц. Российский путешественник с интересом отметит фрески с изображением казаков шахской гвардии, обеспечивавших личную охрану шаха на рубеже XIX-XX веков. Я так же обратил внимание на выставку картин иранских художников XIX века. Вы про них слышали? Я тоже нет – а между тем эти живописцы работали в очень интересной переходной манере между традиционной персидской миниатюрой и европейским академическим стилем. Нечто похожее на московские «парсуны» XVII века.

Большой интерес вызвал мраморный шахский трон, представлявший собой лежак размером если не в баскетбольное поле, то в пару бильярдных столов. На нем без труда мог поместиться шах, любимая жена, надежда-наследник и любимый шахский гепард. Рядом с этим аэродромом стояло более привычное нам тронное кресло, используемое великими визирями, принцами и прочими второстепенными персонами. Любопытно, что такие троны персидской работы шахи посылали в XVI-XVII веках русским царям в Москву и сегодня их можно видеть в Оружейной палате Кремля. Возникает вопрос – не было ли в этих дарах тонкого троллинга?

От шахского дворца мы прошли к тегеранскому базару, который в пятницу работал «в четверть силы». В отличие от других

великих восточных базаров рынок в Тегеране отличается относительной тишиной и ненавязчивостью. Здесь не гремит повсеместная музыка, не кричат зазывалы, никто не хватается тебя за руки. А продавец местной эстрады раскладывает на лотке допотопные компакт-диски – хотя повсюду полно новых компьютеров.

Иранцы чрезвычайно любезны и гостеприимны. То, что к вам обращаются на улице незнакомые люди, интересуясь, откуда вы к ним приехали – это нормально. Причем, за этим не следует разводка или приглашение в ночной клуб, как в Афинах или Стамбуле. Иранцам просто интересно пообщаться с редкими иностранцами. Наибольшее предпочтение отдается немцам – владычество американцев еще слишком памятно в народе, а Германия богатая, и как будто бы не враждебная страна. Многие иранцы эмигрируют туда в поисках лучших заработков. О переезде в Берлин думает и образованная молодежь, с которой нам удалось переговорить.

Познания о России у иранцев оставляют желать лучшего. Некоторые восхваляют президента Путина, другие – водку «Немиров», а один молодой человек поинтересовался, кого мы поддерживаем – «Путин или Александра Навального»? Обществу препятствует и языковой барьер, осложняющий пространные объяснения касательно войны на Донбассе или пенсионной реформы.

Иранцы любят пикники на природе, отправляясь в парки уже с готовой едой в термосах. Там они расстилают ковры и проводят выходной в семейном кругу. Почти во всех парках для удобства отдыхающих устроены беседки. Их можно видеть даже в самых маленьких и бедных городах среди пустыни.

Пятничная прогулка завершилась посещением музея ковров оставившего у меня неоднозначные впечатления. Мне показалось, что в магазине неподалеку от нашего хостела ковры были куда более симпатичными – но зато в музее были сделанные для польских магнатов ковры-полонезы и золототканые фонтаны. Затем последовал подъем на башню Милад, с которой открывается отличный вид на Тегеран и окрестности города. Именно там мы встретили закат второго дня нашего пребывания в Иране.

День третий

На третий день мы оставили столицу Ирана – и, взяв на прокат машину, поехали на юг через пустыни. За полгода до этого мы арендовали автомобиль в Израиле, для путешествия по Земле Обетованной. Чтобы читатель не думал, что каждая строчка в этом тексте оплачена риалами кровавых аятолл, я воздержусь от сравнения цен и сервиса. Ровно в 9 часов утра в хостел пришла очень красивая девушка, извинившись за двухминутное опоздание, на месте оформила документы на новенькую машину с полной страховкой и просила звонить, если нужна любая необходимая помощь – которая нам, впрочем, так ни разу и не понадобилась. Представительница фирмы проинструктировала нас касательно местных обычаев: обниматься в публичных местах можно, но целоваться нельзя. Мы в точности выполнили все ее инструкции и на протяжении всего пребывания в Иране ни разу не лобызались.

Еще раз повторю – движение в Тегеране это тотальный хаос, а штраф за нарушение правил аналогичен изгнанию из борделя за разврат. Никто не останавливается на пешеходном переходе, езда мопедов против движения это норма, иностранцы сразу вычисляются на дороге по использованию поворотных огней. В бардачке прокатной машины мы нашли небольшой молитвенник, и, похоже, иранским водителям он постоянно необходим. Машин на дорогах очень много, но большинство из них выпущены 10-20 лет тому назад. Главным образом старые или новые малолитражки Peugeot, недорогие местные или китайские модели. Так же на дорогах почти нет дорогих иномарок – это большая редкость. За все время пребывания в стране мы видели лишь один «Мерседес», один «БМВ», один «Лексус» и... один супердорогой электрокар. Бензин в Иране стоит копейки – не более 2.5 евро за 50 литров. Следует отметить, что добыча нефти находится в руках государства, а не псевдогосударственных корпораций. Кроме того, города в Иране связаны отличными автострадами. Некоторые из них являются платными – но тоже стоят копейки.

Первой нашей остановкой стал мавзолей имама Хомейни. У могилы основателя исламской республики было немного иностранных гостей, хотя по своим размерам и роскоши эта постройка не имеет себе равных. В сравнении с ней мавзолеи Ленина,

Мао и Ким Ир Сена – просто скромные склепы. Впрочем, надо сказать, что мавзолеей Хомейни так же совмещает в себе функции исламского центра.

Сразу за Тегераном потянулись пустынные гористые районы Большой соленой пустыни, вызывающие в памяти мексиканские фильмы Квентина Тарантино. Населенных пунктов вдоль дороги почти не было, и за два часа мы добрались до священного города Кума, преимущественно населенного мусульманскими учеными-факихами. Поначалу знатоки исламского права и муллы попадались здесь буквально на каждом шагу, но после 14.00 часов, все они куда-то пропали. Вместе с ними с улиц города исчезла и добрая половина автомобилей. Впору вспомнить, что Персия на исламском Востоке славилась как страна магов и чародеев – без колдовства и чар дело явно не обошлось.

Главная святыня Кума – это мавзолеей непорочной Фатимы из рода Алидов, большинство представителей которого почитаются шиитами как святые. Если могила Хомейни вызвала у меня несколько скептических замечаний (изнутри здание напоминает железнодорожный вокзал) то мавзолеей Фатимы – это одна из самых прекрасных построек исламского мира и первая великая иранская мечеть, которую я увидел. К сожалению, доступ для немусульман на территорию храмового комплекса ограничен. Прикинувшись местными жителями, мы успели осмотреть мечети, саркофаг, и даже дружелюбно поболтали с удивленным нашему появлению паломником, но за пару минут до того как мы собрались уходить, к нам подошла местная стража и очень вежливо проводила в отдел внешних связей. Там нас напоили водой, прочитали лекцию по истории шиизма и мавзолея, а потом любезно проводили восвояси, мимо покойников, которых с радостными песнями несли по двору. Мы были не в обиде, поскольку и так уже все посмотрели.

Стоит напомнить, что именно в Куме проповедовал сам Хомейни – до своей депортации из Ирана и именно этот город стал местом начала революции 1979 года. Все женщины на улицах были в строгих черных облачениях, среди горожан помимо клириков было много студентов медресе в черных рубашках. В сравнение с Тегераном никакого демонстративного интереса к ино-

странцам здесь не наблюдалось и даже официанты в ресторане поглядывали на нас холодно – может быть потому, что в руках у нас была купленная неподалеку железная плетка для ритуального самобичевания, которую мы явно не собирались использовать по назначению.

В Иране повсеместно можно видеть изображения шахидов – солдат, погибших в ирано-иракской войне. Обычно этот культ объясняется традициями шиизма – но, с другой стороны, здесь стоит вспомнить память о Великой Отечественной войне, акцию «Бессмертный полк» – или Йом ха зикарон в Израиле, когда передачи круглые сутки посвящены тысячам солдат, погибшим «в самой безопасной для евреев стране». Война с Ираком – «Священная Оборона» – закончилась только 30 лет назад и стоила Ирану почти полмиллиона жизней. Не удивительно, что память о ней актуальна для иранцев, и местные власти используют ее как важный консолидирующий фактор. Тем более, что гибель Садада рассматривается ими в качестве своей собственной победы.

Из Кума мы отправили в город Кашан. Здесь расположен совершенно аутентичный зиккурат Тепе-Сиалк возведенный около 6000 лет тому назад. Он относится к числу древнейших культовых сооружений мира. У зиккурата к нам бросился то ли охранник, то ли рабочий и, узнав, что я приехал из России, сразу же стал изъясняться в любви к Владимиру Владимировичу Путину. С большим трудом нам удалось вырваться из объятий этого несчастного.

Достопримечательностью самого Кашана являются погруженные под землю дома. Подобная архитектура, призванная защитить людей от жары, встречались нам еще в Тунисе – но местные перголы неизмеримо превосходят в роскоши скромные тунисские жилища. Подумалось, что если бы не Исламская революция, то Лукас, наверное, снимал бы «Звездные войны» в Иране, и Татуин бы выглядел немного роскошнее. Мы обнаружили, что за простой глинобитной стеной вполне может находиться трехэтажный подземный особняк, с двориком, обсаженным, гранатовыми деревьями и обязательным фонтаном. Не отсюда ли идут легенды о пещере Али-Бабы?

День четвертый

День начался с посещения горной деревни Абьяни, существующей уже более 2000 лет. Въезд туда платный, прямо как в Юрмалу – около евро на человека. Дома в селение выполнены из окрестного красного камня и глины, из-за чего оно немного напоминает Марракеш. Кроме того, поблизости в горах добывают уран для иранской ядерной программы – о чем также любят рассказать редким туристам.

Надо сказать, что продвинутые жители Тегерана очень оживились, услышав о нашем намерении посетить Абьяни. Причины столь бурной реакции стали понятны как только оказалось, что в купленной у местной старушки бутылке с желтой жидкостью содержалась то ли сливовая, то ли абрикосовая брага. Конечно это не торговля алкоголем – это знаете, наши тысячелетние традиции, деда гнали, мулла подтвердит... К этому стоит добавить, что кое где на задворках деревни стояли старые автомобильные кресла, сидя на которых, наверное, приятно курить шишу и любоваться на исключительно живописные окрестности.

Во время прогулки по деревне нам повстречалась древняя, чуть ли не столетняя бабушка в зороастрийском платке, которая попросила помочь ей открыть двумя ключами некую дверь старинного, как и все вокруг, дома (отличное вступление для восточной сказки!). За ней к нашему удивлению оказалась лавка. С огромным трудом старушка доковыляла до входа, причем в последний момент чуть не отдала Богу душу (представляете наш ужас) а затем, чуть очнувшись, попыталась начать с нами торговлю. Трудно передать наше восхищение этой героиней.

В завершении мы зашли в чудесную мечеть, расположенную вокруг увитого виноградом двора с открытым балконом и видом на долину. Здесь были допиты остатки браги. Я же, как непьющий человек, представил, как крестьяне столетиями собираются в этом живописном храме, чтобы всей общиной решать свои повседневные проблемы. Так что, думаю, Аллах снисходительно отнесся к небольшому прегрешению моих спутников.

Неподалеку от Абьяни, в горах Загрота, есть пещеры, которые, видимо, используются и по сей день. В них есть отверстие для дымохода, лежанки из хвороста, какие-то коробки. Возможно, речь идет о приютах пастухов или контрабандистов.

Дальше наш путь лежал в Исфахан, бывшую столицу Персии. Расцвет этого города пришелся на XVII век - правление мудрого шаха Аббаса Великого. Нельзя не отметить, какое большое количество градостроительных проектов было осуществлено в то столетие, ставшее для большинства стран Европы и Азии временем социального, экономического и политического кризиса. Здесь наблюдается параллель с нашим временем, когда лихорадочное строительство помпезных небоскребов, бизнес-центров и спортивных сооружений происходит на фоне стагнации капиталистической системы.

Исфахан – это первый «туристический» город на нашем пути. Магазины вокруг центральной площади Имама ориентированы главным образом на туристов. Здесь же впервые в Иране мы встретились с типичными для Востока зазывалами: «Здравствуйте! Откуда вы приехали? Давайте зайдём в мою лавку!». Не слишком навязчиво, но излишне. Мне пришла в голову формулировка, что идеальная туристическая страна это там где к приезжему относятся как своему соотечественнику, а не как к ходячему кошельку.

Сердце Исфахана это площадь Накш-э Джахан - Украшение мира - или площадь Имама. Подобно Красной площади в Москве или Дворцовой площади в Ленинграде, здесь чувствуется сочетание демонстрации политического могущества и эстетической гармонии. На мой взгляд, на протяжении веков Персия играла для стран Ближнего Востока ту же роль, что и Франция для государств Европы. Персидская поэзия, архитектура, живопись были образцами для подражания мастерам соседних стран. Здесь жили и творили великие ученые и литераторы - Омар Хайям, Саади, Хафиз, Абу Сина, Бируни. Персидский язык использовался при дворах турецких султанов и арабских эмиров. Персия так же была важным военно-политическим центром, который несколько раз претендовал на гегемонию в регионе, несколько раз была близок к победе, но каждый раз в итоге терпел неудачу. Вот и сегодня Иран вовлечен в войну с суннитской коалицией, почти как Франция, противостоящая Габсбургам при Ришелье и Мазарини.

Мечеть Шейха Лотфоллы - это настоящая ювелирная шкапулка. А синяя плитка мечети Имама, напомнила мне соборную

мечеть в Ленинграде, и было приятно, что эта техника через Самарканд попала и на берега Невы.

В Исфахане есть и армянский квартал основанный колонистами добровольно-принудительно переселенными шахами в город в XVII веке. В нем есть что-то от юга Европы. Пешеходные променады, хипстерские кафе и кондитерские делают армянский район любимым местом отдыха горожан. Так же в армянской части города можно увидеть много небольших памятников, выполненных с большим вкусом.

Насыщенный день завершился ужином в ресторане, во время которого внезапно зазвучала инструментальная версия «Рейны из Кастамеры». На несколько секунд я вжался в кресло и нервно осматривал балкончики зала.

Возвращаясь, мы обратили внимание на десятки людей сидевших под арками знаменитого моста Си-о-се-поль. Здесь горожане обедали, играли в шашки или на несколько голосов исполняли религиозные гимны и национальные эпосы. Так иранцы проводили время и несколько столетий назад. Впрочем, даже в самом Тегеране мы слышали как по вечерам в кафе публично читались стихи Омара Хаяйма, Хафиза и Фирдоуси.

День пятый

Как писали хронисты, за бесчисленные грехи Аллаху милостивому и милосердному, было угодно ниспослать на меня конъюнктивит. Глаза загноились, а под ними образовались огромные красные мешки. Теперь я даже внешне стал похож на типичного рептилоида - персы смотрели на великого грешника с большим интересом.

День начался с осмотра Пятничной мечети - старейшей в городе Исфахане. Как и многие другие храмы ислама, она непосредственно примыкает к рынку и в мечеть можно войти прямо из рыночных рядов. Это неудивительно - торговые ряды с лавками, хамамами и чайханами являлись местом круглосуточного времяпровождения для многих людей средневековья, а ради решения актуальных политических вопросов горожане шли именно в мечеть. Я задумался над тем, почему огромные крытые базары не строили в средневековой Европе? Может быть, европейским нищелюдам попросту не хватало денег? А вот в России крытые

каменные базары появились в XVIII-XIX веках - в виде знаменитых Гостиных дворов.

Другой важнейшей исфаханской достопримечательностью является Дворец сорока колонн. Наверное, так было написано в смете, но на деле кипарисовых колонн всего двадцать. На вопрос, куда делись еще двадцать колонн, строители, усмехаясь в крашенные хной бороды, показали шаху на отражение дворца в разбитом перед ним водоеме - «вот же они!».

Дворец похож на сильно увеличенную китайскую пагоду - и к работе действительно приложили руку китайские мастера. Внутренние залы здания покрыты фантастическими фресками, сравнимыми только с убранством храмов Ватикана и дворцов эпохи Возрождения. Некоторые фрески посвящены битвам с османами, индусами и туркменами - но на большинстве изображений присутствуют жизнерадостные люди с чашами и бутылками. Конечно, возможно там налита розовая вода - но учитывая тот факт, что пять шахов династии Сефевидов умерли от алкоголизма, я бы не решился так утверждать. Тем более, что рядом можно видеть совсем уже нехалальные фрески с изображением гологрудых гурий.

Впрочем, от взгляда на мир сквозь розовые очки хорошо излечивает посещение армянского Ванкского собора, построенного в XVII веке. Его внешний облик - с круглыми куполами и лазурной плиткой - представляет собой любопытный синтез традиционной армянской и персидской архитектуры. Внутри храм полностью расписан фресками, которые посвящены адским карам и мученичеству святых. Раздавливание досками, накачивание водой через задний проход, потрошение, ужасы Страшного суда... Да - христианство религия мира и добра.

Пребывая в мрачных мыслях по поводу наших загробных атеистических перспектив, мы зашли в хипстерскую кофейню, которую посещают заезжие иностранцы и тегеранские интеллигенты. Кофе там стоит безумные деньги - где то в районе евро. Какого было наше удивление, когда среди прочей музыки внезапно зазвучали «Журавли» в исполнении Марка Бернеса. Хитрый ход наших хозяев? Если так, то они нам угодили.

Афанасий Никитин прожил в Исфахане месяц, но мы пробыли здесь только два дня. Последней исфаханской достоприме-

чательностью, которую мы смогли осмотреть, стала одна из знаменитых голубиных башен. Жители этих мест издавна выращивали зерно, чтобы привлекать голубей. Голуби прилетали в голубиные башни, ели зерно и обильно гадили - а собранные потом удобрения позволяли выращивать в пустыне новое зерно для прикормки голубей. Мне кажется, что древним персам было бы логичнее удобрять поля отходами своей жизнедеятельности - поскольку в сложившейся ситуации в выигрыше были одни голуби. Однако, сама башня - с бесчисленными закоулками и ячейками отлично подошла бы для съемок голливудского ужастика. Только вместо крылатых символов мира туда надо было поселить каких-нибудь демонов или летучих мышей.

После этого мы путешествовали по пустыне. Шоссе шло через абсолютно безжизненное пространство - только величественные мертвые горы и вихревые столбы торнадо, за которыми мы пробовали погоняться, несколько оживляли лунный пейзаж. Впрочем, иногда по пути попадались поселки, которые имели небогатый, но весьма ухоженный вид. Небольшие дома с плоской крышей (моды на красную средиземноморскую черепицу здесь нет), магазины, какие-то учреждения, и даже обустроенные в пустыне парки. По уровню жизни Иран напомнил мне Тунис или Марокко - при несравненно лучшей общественной инфраструктуре. По сути, это своеобразная ближневосточная Беларусь - с поправкой на идеологическую специфику.

Конечной точкой нашего маршрута стали оазисы Мейбод и Йезд. В Мейбоде расположено средневековое глиняное ледохранилище - гигантский холодильник-«яхчал», вызвавшее у меня ассоциации с газольдером на Обводном канале. Около этого объекта можно попить кофе и поесть дыню в саду на топчане за 100 российских рублей на троих. Также в городе есть живописная глинобитная крепость и подземное водохранилище.

В Йезд, на родину бывшего израильского президента Моше Кацава, мы въехали уже в темноте. Город огнепоклонников ослепил нас яркими красными огнями реклам и толпами разгуливавших по улицам людей. Не верилось, что ты находишься в самом центре страны, расположенной между Ираком и Пакистаном - да еще и в сердце пустыни. Я думал о том, как воспринимали

такие путешествия жители Средневековья - сначала священный город факихов (факиров), потом - торнадо («пустынный дьявол»), а теперь вот и в город магов приехали. Кое-где в Иране даже горящие горы есть. Мне захотелось переложить всю нашу историю в традиционном стиле: «И дошли до меня вести, о падишах, что жили некогда в полуночном крае три друга, которые по достижению возраста решили отправиться в путешествие в персидскую землю...». Можно даже ввести образ ведьмы, соблазнившей путников огненной водой - и наставшей на одного из них временную слепоту.

Ну а пока пятый день завершился прогулкой по ночному Йезду мимо комплекса Амир-Чагмаг, и ужином верблюжатинной на крыше с видом на Пятничную мечеть.

(Продолжение в следующем выпуске).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксёнова Екатерина Кирилловна, студентка 2 курса очной формы обучения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Смоленский филиал.

Балдуева Жанна Дмитриевна, (Нижний Новгород), студентка Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

Баранов Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ИИМО СГУ им. Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Востоковедения и иранистики».

Галямичев Александр Николаевич (Саратов), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории ИИМО Саратовского госуниверситета имени Н.Г. Чернышевского.

Гладышев Андрей Владимирович (Саратов), д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории; заведующий кафедры региональной истории и музееведения ИИМО СГУ им. Н.Г. Чернышевского; руководитель НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи».

Зайцев Максим Вячеславович, к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии ИИМО Саратовского госуниверситета имени Н.Г. Чернышевского.

Иванов Александр Михайлович, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», Смоленский филиал.

Кириченко Артем Иванович, к.и.н., лектор Центра восточных культур Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского (Санкт-Петербург).

Кочуков Сергей Анатольевич (Саратов), доктор исторических наук, независимый исследователь.

Кочукова Ольга Викторовна (Саратов), к.и.н., доцент кафедры истории России и археологии ИИМО Саратовского госуниверситета имени Н.Г. Чернышевского.

Магомедханов Виктор Магомедович, к.и.н., независимый исследователь (Елец).

Мигаль Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений Института исто-

рии и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Митрохин Владимир Алексеевич (Саратов), д.и.н., профессор Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Моисеева, Екатерина Николаевна, к.и.н., доцент кафедры истории, политологии и социологии СГЮА.

Николай Фёдор Владимирович (Нижний Новгород), к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

Попов Денис Александрович, доктор искусствоведения, к.филол.н., доцент, профессор кафедры теории, истории и педагогики искусства ИИ СГУ имени Н.Г. Чернышевского.

Чолахян Вачаган Альбертович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории и историографии ИИИМО СГУ им. Н.Г. Чернышевского.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР –	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
ВКП(б) –	Всесоюзная коммунистическая партия (большеви́ков)
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации.
ГА СО –	Государственный архив Саратовской области.
ГАНИСО –	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ЕС –	Европейский Союз
ИГИЛ –	Исламское Государство Ирака и Леванта (организация запрещена в РФ)
ИИиМО –	Институт истории и международных отношений СНИГУ.
ИРИ –	Исламская Республика Иран
ДП –	Департамент полиции
ОМУ –	Оружие массового уничтожения
ПСЗ –	Полное собрание законов Российской империи
АН РУз –	Академия Наук Республики Узбекистан
ПСГД –	Протоколы Саратовской городской думы
РГГУ –	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА –	Российский государственный исторический архив
РГНФ –	Российский гуманитарный научный фонд
РКП(б) –	Российская коммунистическая партия (большеви́ков).
РОССПЭН –	Российская политическая энциклопедия.
РСФСР –	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
РУжд	Рязано-Уральской железной дороги
СОМК –	Саратовский областной музей краеведения
СГУ –	Саратовский государственный университет.
СЕИВК –	Собственный Его Императорского Величества Конвой (охрана царя).

- СНИГУ – Саратовский государственный национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского
- ЦГАСО – Центральный государственный архив Самарской области
- СГЖУ - Саратовское губернское жандармское управление

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *А.В. Гладышев*
Оригинал-макет и обложку подготовили *А.В. Баранов, С.Н. Берднов*

Подписано в печать 01.06.2019. Формат 60x84^{1/16}
Усл. печ. л. 9,8. Тираж 100 экз. Заказ №

Типография «Техно-Декор».
410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 77-08-48
e.mail: t-d@list.ru
Сайт: www.sar-print.ru